

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Богоявленский Д.Д.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ.....	7
<i>J. Gonzalez.</i> ЛИКВИДАТОРСТВО Н.А. РОЖКОВА, ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РАБОЧЕГО КЛАССА И НАША ЗАРЯ 1911-1912	13
<i>Клинова М.А.</i> ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РСФСР ПРОБЛЕМ ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА (1950–1980-е гг.): ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	28

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, средних веков и нового времени

<i>Коровчинский И.Н.</i> ГРЕЧЕСКИЙ МИФ ОБ ИППОЛИТЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МИФОЛОГИЯ.....	33
---	----

Новейшая история

<i>Зорин А.Э.</i> СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА США В ИТАЛИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	39
<i>Барбанов М.В.</i> ИЗ ОПЫТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ» ТРАНС-ФОРМАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ; НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	44
<i>Жиряков И.Г., Барбанов М.В.</i> ФЕНОМЕН «ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕПРИЯТИЯ» РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ.....	50

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Собко Е.М.</i> КРИЗИС СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БАЛАНСА СИЛ НА РУБЕЖЕ 30-х – 40-х гг. XVIII в.: НАЧАЛО ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО.....	57
<i>Назаров А.А.</i> ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ДЕПАРТАМЕНТА ДУХОВНЫХ ДЕЛ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЙ).....	63
<i>Снесарева Н.В.</i> РАЗРАБОТКА ФАБРИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОСВЕЩЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.	68

**РАЗДЕЛ IV.
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ**

Кагальная М.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ КАДРАМИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ УССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.	74
Чернявский А.В. РЕАКЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ДЕЙСТВИЯ СССР В ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ 1967 г.	80

**РАЗДЕЛ V.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

Моисеев В.В., Ницевич В.Ф. КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	87
Павловский В.Г. ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	94
Матюхин А.В. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ К.Д. КАВЕЛИНА	99
Федорченко С.Н. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ ИЛИ «АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС»?	105
Зенков А.Р. К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ.....	111
Чемакин А.А. ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» И ЕГО МЕСТО В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	114
Сабирова Н.С. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОДМОСКОВЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ	121
Агаев Г.Ш. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КЛАНОВЫХ СООБЩЕСТВ КАЗАХСТАНА	126
Жусупов А. СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ.....	129
НАШИ АВТОРЫ	132

CONTENTS

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

- D. Bogoyavlenskiy.** HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN'S RIGHT-MONARCHIST MOVEMENT IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY:
THE PROBLEM OF TERMINOLOGY7
- J. Gonzalez.** N.A. ROZHKOV'S LIQUIDATIONISM, THE POLITICAL ASSOCIATION FOR THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE WORKING CLASS AND NASHA ZARIA 1911-1912 13
- M. Klinova.** THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE RSFSR TO THE PROBLEMS WITH GOODS SHORTAGES IN THE 1950-1980TH:
DISCUSSIONS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY28

SECTION II. GENERAL HISTORY

History of the Ancient and Middle Ages

- I. Korovchinskiy.** THE GREEK MYTH OF HIPPOLYTUS AND THE MIDDLE EASTERN MYTHOLOGY.....33

Contemporary history

- A. Zorin.** U.S. STRATEGIC INTELLIGENCE IN ITALY DURING THE WORLD WAR II 39
- M. Barabanov.** FROM THE EXPERIENCE OF THE POLITICAL "POST-COMMUNIST" TRANSFORMATION IN EASTERN EUROPE; SOME PROBLEMS44
- I. Zhiryakhov, M. Barabanov.** PHENOMENON OF "POLITICAL REJECTION" OF RUSSIA IN MODERN POLAND.....50

SECTION III. HISTORY OF RUSSIA THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

- E. Sobko.** THE CRISIS OF THE EUROPEAN BALANCE OF POWER SYSTEM AT THE TURN OF THE 30'S – 40'S OF THE 18TH CENTURY:
THE BEGINNING OF THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION57
- A. Nazarov.** THE CONTRADICTIONS AND CONFLICTS IN THE SYSTEM OF MINISTERIAL CONTROL OF RELIGIOUS COMMUNITIES (BASED ON THE ARCHIVE OF THE RELIGIOUS AFFAIRS DEPARTMENT OF FOREIGN CONFESSIONS).....63
- N. Sneseva.** DEVELOPMENT OF THE FACTORY AND SOCIAL LEGISLATION ACCORDING TO THE CONSERVATIVE PRESS AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES 68

SECTION IV. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

- M. Kagalnaya.** PROVIDING SECONDARY SCHOOLS IN THE UKRAINIAN SSR WITH TEACHING STAFF IN THE FIRST HALF 1950'S – SECOND HALF 1960'S74

A. Cherniavsky. SOVIET CITIZENS' REACTION TO THE USSR'S ACTIONS IN THE SIX-DAY WAR OF 1967	80
--	----

**SECTION V.
POLITOLOGY**

V. Moiseev, V. Nitsevich. CORRUPTION IN CONTEMPORARY RUSSIA: POSSIBILITIES OF PREVENTING.....	87
V. Pavlovsky. THE PROBLEM OF FORMATION OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE.....	94
A. Matykhin. THE METHODOLOGY OF K.D. KAVELIN'S POLITICAL REFORMS	99
S. Fedorchenko. ELECTION CAMPAIGN IN THE POST-SOVIET SPACE: POLITICAL MANAGEMENT OR «ADMINISTRATIVE RESOURCES»?.....	105
A. Zenkov. ON THE ISSUE OF COORDINATION OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE STATE.....	111
A. Chemakin. THE CONCEPT OF "NATIONALIST DISCOURSE" AND ITS ROLE IN THE STUDY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL PARTIES	114
N. Sabirova. CIVIL SOCIETY IN THE MOSCOW REGION: MAIN PROBLEMS OF ORGANIZATION	121
G. Agayev. PAST, PRESENT AND FUTURE OF THE CLAN COMMUNITIES IN KAZAKHSTAN.....	126
A. Zhusupov. COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: NEW STAGE OF DEVELOPMENT	129
OUR AUTHORS	132

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930

Богоявленский Д.Д.
Московский государственный областной университет

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИИ

D. Bogoyavlenskiy
Moscow State Regional University

HISTORIOGRAPHY OF THE RUSSIAN'S RIGHT-MONARCHIST MOVEMENT IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE PROBLEM OF TERMINOLOGY

Аннотация. Статья посвящена проблеме трансформации определения «черная сотня» в историографии правомонархического движения России в начале XX в. Впервые показаны взгляды российских ученых начала XX в. на определение ключевого понятия историографии правомонархического движения. Автор приходит к выводу, что разработка дефиниций в историографии была политизирована. Научные изыскания были необъективны даже на уровне раскрытия ключевых понятий.

Ключевые слова: политические партии, правомонархическое движение, черная сотня, историография.

Abstract. The article is devoted to the transformation of the definition «Black Hundred» in the historiography of the Russian's right-monarchist movement of the early twentieth century. For the first time the early XXth century Russian scholars' points of view on the definition of the key concept of historiography of the right-monarchists movement are shown. The author comes to the conclusion that the development of the definitions in the historiography was politicized. The scientific researches were biased even on the level of key concepts discussion.

Key words: political parties, the right-monarchist movement, Black Hundred, historiography.

Одна из важнейших задач, стоящих перед современным научно-историческим исследованием – разработка его понятийного аппарата. В историографии правомонархического движения в Российской империи с начала XX в. сложилось несколько мнений о терминах, которые применимы для обозначения крайне правого спектра российских политических партий.

Первые исследователи правомонархического лагеря [6; 15] стали использовать довольно популярный в политической публицистике термин «черная сотня» и производные от него: «черносотенный», «черносотенец» и т.д. Кто является автором данной терминологии – остается загадкой, но уже изначально появились расхождения в ее трактовке¹. Исследователи на-

© Богоявленский Д.Д., 2013.

¹ Наиболее ранние употребления этого термина применительно к политическим деятелям известны с конца XIX в. Подробнее см.: [5, с. 130]

чала XX в. понимали под термином «черная сотня» совокупность организаций и движений, направленных на сохранение и укрепление самодержавия. Однако политические оппоненты правомонархистов вкладывали в это понятие негативный характер, взывая к ассоциациям, исходившим от слова «черный»: «темный», «плохой», «мрачный» и т.д.

У противников правомонархистов на рубеже веков термин «черносотенец» сочетался с понятием «охотнорядец», также носившим негативный оттенок в либеральной и революционной публицистике и мемуарах. Активный участник народофильского движения А.Н. Бах, описывая столкновение студентов-манифестантов в последней четверти XIX в. с «охотнорядцами», характеризует последних как «молодцов в белых передниках, с мясницкими ножами у пояса», выбежавших из «охотного ряда» и начавших «зверски избивать молодежь» [2, с. 18]. Видимо, в начале Первой российской революции произошла смена термина «охотнорядец» на более актуальный – «черносотенец». П.Н. Милюков вспоминает о событиях октября 1905 г. в Москве: «Утром на Малой Никитской я встретил толпу, которая от Охотного ряда поднималась к Никитским воротам. Это была толпа в картузах и «чуйках», которую мы в те времена называли «охотнорядцами», разумея под этим очень серого обывателя черносотенного типа» [16, с. 261].

Один из первых, кто предпринял попытку проанализировать правое движение России с точки зрения марксизма – В. Меч. В своей статье «Силы реакции» автор мрачными красками рисует портреты сторонников монархии – «движение реакции и погромной контрреволюции» [15, с. 9]. При этом автор говорит о строгом различии в понятиях «реакционный», относящийся к правомонархистам, и «консервативный», применимый к сторонникам «Союза 17 октября» [15, с. 47]. «Консерватизм именно отстаивает status quo – конечно, в смысле основных социально-политических устоев порядка, допускающий в своих пределах некоторые вариации, изменения и случайные административные формы;

таковы наши «Основные законы»» [15, с. 47]. «Реакция же отрицает это status quo, стремится к возврату назад, в историческое прошлое. При этом, однако, консерватизм сам собою является для нее как бы программой–minimum; чтобы повернуть колесо назад, надо сначала остановить его, затормозить ход вперед...» [15, с. 47].

Социальной опорой «массовых реакционных партий, союзов и «черных сотен»» [15, с. 25], по мнению Меча, выступают страты, которые заинтересованы в сохранении самодержавных порядков и поддержавшие их, под воздействием массовой пропаганды, элементы.

Следует отметить, что В. Меч отделяет от «реакционных» правомонархических партий «черные сотни», вульгарную часть крайне правого движения: «Черные сотни – это vulgus реакции, ее грубая сила и средство, почти всегда подкупленные, в лучшем случае ловко натравленные» [15, 87], Основной метод воздействия на массы таких «черных сотен» – силовое давление, граничащее с насилием над личностью, и грубая пропаганда, допускающая бранные эпитеты в адрес политических противников и их идеалов [15, 88].

Таким образом, В. Меч термин «черносотенец» не применял ко всему правомонархическому движению, а лишь к отдельным элементам, проявлявшим агрессию в отношении противников самодержавия, якобы содержавшимся на средства «реакционеро».

Исследователь-марксист В. Левицкий, в отличие от В. Меча, не видел различия между «реакцией» и «черной сотней», причисляя черносотенцев к контрреволюционным силам [6, с. 351]. При этом Левицкий видел руководящую силу правомонархического движения в «поместном дворянстве, классе крупных и отчасти средних землевладельцев» [6, с. 348], доказывая классовый характер правых организаций [6, с. 347–370]. В подчиненном положении у дворян-черносотенцев, по мнению Левицкого, оказались различные социальные группы (некоторые элементы крупной буржуазии, представители бюрократии, православного духовенства, отдельные «экземпляры» профессиональной

интеллигенции, которых автор характеризует как «убежденных монархистов-реакционеров», «озлобленных неудачников» и «карьеристов») [6, с. 349–351]. Основными методами политической борьбы «черных сотен» были подкуп, насилие и «грубая демагогия» [6, с. 352]. Жертвой таких методов стали люмпен-пролетарии, «невежественные слои городского мещанского населения», «пассивное крестьянство» и некоторые рабочие, не доросшие до классового самосознания [6, с. 353–355]. Среди партий, относящихся к черносотенному движению, автор выделяет Союз русского народа, под знаменем которого началось формирование «черносотенной Руси» [6, с. 363]. По мнению Левицкого, Союз русских людей и Союз русского народа «объединили и оформили контрреволюционное движение, которое получило ставшее вскоре популярным название *черносотенства* (курсив автора – Д.Б.)», заняв на некоторое время лидирующее положение в контрреволюционном лагере [6, с. 366].

Охарактеризовав «черную сотню» как дворянскую структуру реакционного направления, Левицкий отмечает ее неоднородность и рыхлость, неспособность адаптироваться к новым политическим условиям, возникшим после 1907 г. «Раскол и распри, среди правых вызвали полное разложение недавно еще казавшихся могущественными правых организаций, закрытие их многочисленных органов печати, моральный развал. Черносотенцы сделали свое дело, сыграли свою роль...». Автор считает, что место черносотенцев заняла классовая сила – организация объединенного дворянства [6, с. 468].

Характерными чертами публикаций о правомонархистах других авторов, также принадлежащих к левым политическим организациям, было негативное, осуждающее отношение к крайне правым, стремление доказать их руководящую и направляющую роль в погромах, прошедших в 1905 г. Примером подобных исследований могут служить труды В.П. Обнинского, О. Наумова, С. Некрасова, С. Елпатьевского и Я. Борисова [3; 4; 17; 18; 19; 20].

В сборнике материалов «Полгода русской революции» составленном членом I Государственной думы В.П. Обнинским, отдельный раздел посвящен черносотенным погромам [20, с. 42–45]. В нем автор тенденциозно описывает черносотенное движение: «По заранее составленному плану, организовывались в подходящих местах банды так называемых «черных сотен», подонки городского населения, не ведая, конечно, что творят, а потому и не подлежащие суду общественного мнения, руководимые лицами, теперь поименно известными; вооруженные топорами, кольями и охотно раздававшимся огнестрельным оружием и прикрываясь эмблемами, несомыми зачастую совершенно пьяными людьми, – сборища эти служили и молебны на городских площадях, посылали телеграммы *и получали на них ответы* (курсив автора – Д.Б.), к явной профанации принципов, еще дорогих довольно большим кругам населения» [20, с. 42]. Следует отметить, что в сборнике напрямую не прослеживается взаимосвязь правых партий и участников черносотенных погромов. Однако члены правомонархические объединения удостоились эпитета «представителей реакционных групп» [20, с. 177].

В сочинении С. Некрасова «черные сотни» предстают подручными властных структур [18, с. 9]. Они, по мнению Некрасова, рекрутируются «из самых темных, непросвещенных, продажных, корыстных, подлых и, вообще, самых худших людей». Их «отцом-командиром, благожелателем и покровителем» автор называет дворцового коменданта Трепова [18, с. 9], который посредством административного и полицейского аппарата организует с помощью «черных сотен» «погромы и избиения» [18, с. 10–11].

Работа депутата I Государственной думы Я.В. Борисова «Кому нужны погромы?» носит пропагандистский характер. В ней автор, перемежая притчи и события из реальности, подводит читателя к ответу на поставленный в заглавии вопрос. Главными вдохновителями погромов объявляются черносотенцы. Борисов так описывает их негативный облик: «И вот некоторые люди, привыкшие к

старым порядкам, всеми силами стараются удержать их на Руси. Как летучим мышам невыносим дневной свет, так и им ненавистны основы гражданской свободы. Как хищные совы могут летать и питаться только ночью, так и эти люди могут жить только при старых порядках, когда сильный может безнаказанно обижать слабого, богатый – бедного; когда за правдивое слово сажают в тюрьмы, отправляют в ссылки; когда гражданин должен верить и молиться так, как ему позволяет начальство, и не имеет право молиться так, как подсказывает ему разум и совесть его» [3, с. 10–11]. По мнению Борисова, к приверженцам «старых порядков» относятся «...подстрекатели, которым нужны погромы, которые хотят с помощью их, путем насилия и грабежа, достигнуть своих тайных целей», «...громилы и разные хулиганы, которым все равно, кого бы ни громить, лишь бы поживиться добычей: ведь погромами и грабежами только и живут они» [3, с. 5]. Они объединяются «...в разные общества, устраивают союзы и партии...» («Союз истинно-русских людей», «Партия за царя и порядок», «Дружина за веру, царя и отечество») и имеют одну цель: «удержать старые порядки на Руси и не допустить новых», а «всех членов и приверженцев этих союзов и партий называют теперь *черносотенцами* (курсив автора – Д.Б.)» [3, с. 11].

Деятельности правомонархических организаций не раз отводил место в своих произведениях В.И. Ленин, апеллируя к трудам которого формировалась советская историография правомонархического движения в России. Используя классовый подход при оценке сущности природы партии, Ленин относил крайне правые партии к классовым организациям, защищающим «царское правительство, ...помещиков, ...чиновников», отстаивающим «власть полиции, ...военно-полевые суды... погромы» [8, с. 132]. Он отмечал, что «черносотенные» партии добиваются сохранения «...самодержавия, бесправия народа, полного господства над ними помещиков, чиновников...» и полиции, при этом не давая ничего взамен народу:

«ни воли, ни власти». Преследуя такие цели, правомонархисты, по мнению Ленина, могли добиться лишь окончательного разорения России и одичания ее от военно-полевых судов и погромов [8, с. 133–134]. Ленин использовал термин «черносотенное» движение, подразумевая не только правомонархические партии, а все «реакционные» элементы в населении. В проекте обращения к избирателям Ленин называл «черносотенными» партии, «поддерживающие правительство», стоящие за «самодержавную монархию, ...полицейскую власть, ...сохранение всей помещичьей земли» [14, с. 109]. Среди партий «черносотенного» направления, помимо правомонархических организаций, нередко оказывались Торгово-промышленная партия, Союз 17 октября и Партия мирного обновления. Такие широкие рамки понятия «черносотенец» Ленин объяснял формулой: «Кто не за революцию, тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец» [10, с. 70].

Связывая зарождение «черносотенного» движения с ослаблением «пружин полицейских механизмов» государственной власти, которая стала разжигать национальную и расовую вражду, Ленин отмечал, что правительство организовало «черные сотни» из «наименее развитых слоев городской (а затем, разумеется, и сельской) мелкой буржуазии» [13, с. 333]. Следует отметить, что, видя в «черносотенцах» противников революции, Ленин в годы Первой русской революции предлагал «изучить кто, где и как составляет черные сотни», и активно бороться против них: «не ограничиваться одной проповедью, ...а выступать и вооруженной силой, избивая черносотенцев, убивая их, взрывая их штаб-квартиры...» [7, с. 343]. Руководящую роль в «черносотенном» движении в годы революции 1905–1907 гг., по мнению Ленина, играли «крайние представители реакции» (К.П. Победоносцев, Д.Ф. Трепов и Великий князь Владимир Александрович), допускаявшие «участие полиции в черносотенных подвигах» [9, с. 50]¹.

¹ Однако после завершения революции 1905–1907 гг. «вождями» «черной сотни» именовались только лидеры

Таким образом, Ленин считал «черные сотни» орудием правительства в борьбе с революцией. При этом оценка деятельности и характеристика личностей правомонархистов в произведениях Ленина носила ярко выраженный негативный характер, нередко к ним применялись эпитеты «негодяи» [11, с. 199] и «люди без чести» [11, с. 148].

После Февральской революции 1917 г. массовое распространение получает литература обличительного характера, в которой показывалась роль правительственных органов и черносотенных организаций в погромном движении. Примером служит брошюра М. Анчаровой «Кто и почему устраивал еврейские погромы» [1], в которой автор относит правомонархистов к добровольцам, помогавшим правительству в его преступной агитации борьбы с евреями и инородцами: «В Петрограде энергично действовал председатель «Союза Русского народа» Дубровин, в Москве не отставал от него редактор правительственной газеты «Московские ведомости» Грингмут» [1, с. 24]¹.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что современники крайне правых из числа их политических соперников, анализирувшие деятельность правомонархистов, видели в «черных сотнях» противников революционного движения. При этом одни исследователи считали черносотенцами всех сторонников монархии, вплоть до конституционных демократов, другие – ассоциировали с «черной сотней» только крайне правые организации, а третьи – подразумевали под «черной сотней» маргинальные элементы, агрессивно настроенные по отношению к революционерам, иноверцам и инородцам.

Наряду с противниками правомонархистов свои труды в начале XX в. издавали сторонники правоконсерваторов, чьи работы носили «оправдательный» характер. Примером таких работ может служить брошюра С.И. Смирновой [23], в которой деятельность правомонархистов (А.И. Дубровин, В.М. Пуришкевич, П.Ф. Булацель, Н.Е. Марков, В.Ф. Доррер) [12, с. 19].

¹ Автор допускает ряд неточностей, что характерно для пропагандистско-агитационных изданий. В частности М. Анчарова именует «Московские ведомости» правительственной газетой [1, с. 24].

крайне правых организаций представляется в ином свете. Смирнова обрисовывает картины террора и пропаганды, направленных против черносотенцев, пытается опровергнуть утверждения в причастности правых организаций к погромам, показывая их стихийный характер [23, с. 3–15]. Под «черной сотней» автор понимает движение сторонников монархических устоев, членов крайне правых организаций и активных противников революции. При этом главная цель черносотенцев, согласно Смирновой, – сохранить целостность государства, способствовать подъему русских национальных чувств [23, с. 15].

В ряде аналогичных работ ставится под сомнение убежденность политических противников правомонархистов в причастности черносотенных организаций к террористической деятельности и погромам. Так, С.Я. Сибиряков в брошюре «Кто виноват?» выдвигал версию о провокаторском характере убийств Герценштейна и Иоллоса и представлял погромное движение как стихийную реакцию на насилие со стороны еврейской молодежи и революционеров [22].

Также среди работ апологетического характера выделяются листовки и брошюры, в которых освещались отдельные моменты жизнедеятельности правомонархистов, приводились цитаты из их выступлений и статей, но только в пропагандистских целях [21; 24].

Таким образом, сторонники правомонархистов, которые анализировали деятельность крайне правых организаций, понимали под термином «черная сотня» все монархически настроенное население, видя в нем наследников «черных сотен» XVI–XVII в. – сословных структур податного городского населения.

Суммируя вышеизложенное, отметим, что в дореволюционной историографии правомонархического движения не сложилось четкого представления о содержании и объеме понятия «черная сотня». Так как исследования в большей степени носили публицистический характер, нежели научный, и основные выводы зависели от политических воззрений авторов, то процесс формирования научных понятий не был завершен.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анчарова М. Кто и почему устраивал еврейские погромы. – М.: Задруга, 1917. – 29 с.
2. Бах А.Н. Записки народовольца. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. – 256 с.
3. Борисов Я. Кому нужны погромы. – СПб.: Друг народа, 1906. – 16 с.
4. Елпатьевский С. О черносотенцах. – СПб.: Север, 1906 – 19 с.
5. Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. – СПб.: Алетейя, 2007. – 560 с.
6. Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX в. – Т. 3. – Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в думе. – СПб., 1914. – С. 347–469.
7. Ленин В.И. Задачи отрядов революционной армии // Полное собрание сочинений. – Т. 11. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 339–343.
8. Ленин В.И. Кого выбирать в Государственную Думу // Полное собрание сочинений. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 132–138.
9. Ленин В.И. Между двух битв // Полное собрание сочинений. – Т. 12. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 49–58.
10. Ленин В.И. Наши задачи и совет рабочих депутатов // Полное собрание сочинений. – Т. 12. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 59–70.
11. Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. – М.: РОССПЭН, 1999. – 607 с.
12. Ленин В.И. Подделка правительством Думы и задачи социал-демократии // Полное собрание сочинений. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 195–200.
13. Ленин В.И. Предисловие к брошюре «Докладная записка Директора департамента полиции Лопухина // Полное собрание сочинений. – Т. 9. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 331–334.
14. Ленин В.И. Проект обращения к избирателям // Полное собрание сочинений. – Т. 14. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 106–111.
15. Меч В. Силы реакции // Горн Вл., Меч В., Череванин. Борьба общественных сил в русской революции в 1905-1906 гг. – Вып. 1. – М.: Движение, 1907. – 100 с.
16. Милюков П.Н. Воспоминания. – М.: Вагриус, 2001. – 637 с.
17. Наумов О. Правда о черной сотне. – М.: Рабочая мысль, 1906. – 32 с.
18. Некрасов С. Кто не желает дать народу ни земли, ни воли. (За кого стоит черная сотня). – СПб.: Народная воля, 1906. – 32 с.
19. Обнинский В.П. Новый строй. – Ч. 1. Манифест 17 октября 1905 г. – 8 июля 1906 г. – М.: Типография Русского товарищества, 1911. – 159 с.
20. Обнинский В.П. Полгода русской революции: Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 гг.). – Вып. 1. – М.: Типография «И.Н. Холчев и Ко», 1906. – 180 с.
21. Преступления Маркова-второго: Летучий листок. – Пг.: Типография «Согласие», 1916. – 2 с.
22. Сибиряков С.Я. Кто виноват? I. Кто убил Герценштейна и Иоллоса? II. Кто устраивает погромы? – М.: Москва типография общества распространения полезных книг, арендованная В.И. Вороновым, 1907. – 16 с.
23. Смирнова С. Черная сотня. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1906. – 16 с.
24. Юрский Г. Правые в Третьей Государственной Думе. – Харьков: Центральный предвыборный комитет объединенных русских, 1912. – 244 с.

УДК 323.381(470) «1911/1912»

Гонзалес Д.А.

*Исторический научный центр Рожкова
(Новый Южный Уэльс, Австралия)*

ЛИКВИДАТОРСТВО Н.А. РОЖКОВА, ОБЩЕСТВО ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РАБОЧЕГО КЛАССА И НАША ЗАРЯ 1911-1912

J. Gonzalez

The Rozhkov Historical Research Centre in New South Wales, Australia

N.A. ROZHKOVA'S LIQUIDATIONISM, THE POLITICAL ASSOCIATION FOR THE PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE WORKING CLASS AND NASHA ZARIA 1911-1912¹

Аннотация. Термин «ликвидаторство» использовался В.И. Лениным в уничижительном значении по отношению к тем, кто не разделял его взгляды, особенно в годы так называемой Столыпинской реакции. Несмотря на то, что этот термин достаточно важен, ему уделялось слишком мало внимания. В настоящей статье предпринимается попытка устранить этот пробел, проанализировав то, каким образом Ленин использовал его в своей критике теорий Н.А. Рожкова, человека, который, по мнению лидера Большевиков, больше, чем кто-либо еще, сделал для того, чтобы этот термин употреблялся именно в таком значении. Вся последующая полемика между Лениным и Н.А. Рожковым привлекала внимание ведущих политических лидеров того времени, включая А. Мартынова и Ю. Мартова. Все идеи и взгляды противоборствующих сторон, которые происходили из этой язвительной полемики, публиковались в *Меньшевицком журнале Наша Заря* и именно они рассматриваются впервые. В настоящей статье предпринимается попытка представить Н.А. Рожкова независимым мыслителем, чье мнение было весомым, и который предложил разочарованным социал-демократам жизнеспособную политическую альтернативу. Делается вывод о том, что к 1912 году лидеры Меньшевиков уже настолько расходились во взглядах, что были не способны выступать с критикой, как Ленинских представлений о ликвидаторстве, так и призыва Рожкова к созданию официальной организации, которая по его мнению помогла бы свергнуть царский режим.

Ключевые слова: Н.А. Рожков, ликвидаторство, Наша Заря, А. Мартынов, Ю. Мартов, политическая ассоциация, меньшевизм, Ленин, социал-демократия.

Abstract. The term “liquidationism” was used by V.I. Lenin as a term of abuse for those who challenged his views especially during the years of so-called Stolypin reaction. Despite its significance, this term has received very little attention. This article attempts to address this gap in our knowledge by examining how Lenin used it against N.A. Rozhkov, the individual who, in the Bolshevik leader's mind, did more than anyone else to raise concern over the meaning of the term. The subsequent polemic that ensued between Lenin and Rozhkov drew the attention of other key political figures including A. Martynov and Iu. Martov. The conflicting ideas and viewpoints that emerged from this acrimonious debate were published in the Menshevik journal entitled *Nasha Zaria (Our Dawn)* and these discourses are scrutinised for the first time. This article attempts to show that Rozhkov was an independent thinker who could not be easily pigeonholed and who offered a viable political alternative to disillusioned social democrats. It also draws the conclusion that by 1912 leading Mensheviks were already so varied in their thinking they were unable to provide a fundamental critique of either Lenin's views on liquidationism or Rozhkov's call for a legal organisation that he believed ultimately would help bring down the Tsarist regime.

Key words: N.A. Rozhkov, liquidationism, *Nasha Zaria*, A. Martynov, Iu. Martov, political association, Menshevism, Lenin, social democracy.

© Гонзалес Д.А., 2013.

I would like to thank Professor Oleg Volobuev for his invaluable support and advice over many years and to Dr. Sergey Fedorchenko for his assistance with the publication of this article.

As we quickly approach the centenary of the 1917 Russian Revolution, it appears that we are all now capable of writing dispassionately about it. With this thought in mind, it was time that something was written about the general concept of «liquidationism» and, more specifically, what Nikolai Aleksandrovich Rozhkov (1868-1927) understood by this term. A discussion about «liquidationism» is important essentially for the reason that Abraham Ascher raised in his study of Pavel Axelrod, that is, it is «one of those hopelessly elusive words so often encountered in the history of Russian Social Democracy and, indeed, in the history of Russia»¹. It is a term that requires further examination because it was coined by Lenin to attack those who did not agree with him on party organisation and policies during the so-called years of Stolypin Reaction. Since he first officially used it at the Fifth All-Russian Conference of the RSDLP, which took place in Paris on 3-9 January 1909, the term liquidationism has received minimal attention. As L.B. Schapiro pointed out many years ago now, given that this opprobrious term did not have an «objective foundation» and given that it was used to explain the irreconcilable difference between Bolshevism and Menshevism, leading to their final and definitive split in 1912, it is imperative that this term be examined more closely².

This article begins the re-examination of the term liquidationism by using Rozhkov's views on the subject for several reasons: firstly, Lenin believed that Rozhkov had raised the question of liquidationism «to a higher plane» and it was no longer possible simply to discuss the matter as once before because what Rozhkov put forward was «the most comprehensive plan imaginable of immediate practical action»³; secondly, Rozhkov is an ideal reference model with which to examine the meaning of the term liquidationism because his social-democratic beliefs allowed

him to straddle both sides of the Menshevik-Bolshevik dichotomy; and thirdly, Rozhkov's interpretation of liquidationism led to a polemic with Lenin, which Martov, Martynov and others joined. Lenin's views on the subject have been known for quite some time. The views of those who did not agree with him, on the other hand, have received little attention even though much of the debate was published in the monthly political journal *Nasha Zaria*. In an attempt to begin to address this imbalance, this article will, for the first time, examine in detail the debate as it unfolded in *Nasha Zaria*⁴.

The *Nasha Zaria* discussions are particularly of interest not just because they reveal that the label of «liquidator» did not neatly fit Rozhkov but because they amply demonstrate that Menshevism was not a homogenous movement driven by an ideological and organisational dynamic. Leading Mensheviks could not even agree on the fundamental question of whether the RSDLP should continue operating as an underground, illegal organization. With such fragmented views, Menshevism found it very difficult to match the unwaivering revolutionary pragmatism which Lenin made sure fuelled Bolshevism⁵.

It is necessary to add that a revision of the concept of liquidationism is long overdue because it is such a defining aspect of Menshevism, which is also in urgent need of critical revision. Menshevism has not received the attention it justifiably deserves. The idea that socialism can be achieved through parliamentary means, through the «self-activity» of the working class, is also revolutionary⁶. In fact, Plekhanov called it «revolutionary Menshevism» and thought it was consistent with the aim of creating an open proletarian party that would grow into a large, mature political force that would lead a second revolution to establish socialism⁷. Given the events of the last few decades in Russia, there can be little doubt that discussions of

¹ A. Ascher, *Pavel Axelrod and the Development of Menshevism* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1972), p. 277.

² S.H. Baron, *Plekhanov The Father Of Russian Marxism* (London: Routledge & Kegan Paul, 1963), p. 282.

³ V.I. Lenin, «Manifest Liberal'noi Rabochei Partii», *Polnoe Sobranie Sochinenii Izdanie Piatoe* (Moscow: Izdatel'stvo Politicheskoi Literatury, 1973), p. 396.

⁴ Lenin's views on liquidationism were so important that they were collected in a single volume and published separately. See: V.I. Lenin, *Against Liquidationism* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, n.d.).

⁵ S.H. Baron, *Plekhanov The Father Of Russian History* (London: Routledge & Kegan Paul, 1963), pp. 281-286.

⁶ *Ibid.*, p. 282.

⁷ *Ibid.*, p. 283.

Menshevism and alternative paths of Russian development will resonate with today's readers.

After the defeat of the 1905 Revolution, a huge number of RSDLP members fled Russia. By the time Lenin got to Geneva in December 1907, for example, only four members of the former Bolshevik Central Committee remained in Russia: Rozhkov, I.F. Dubrovinskii, I.P. Goldenberg and V.P. Nogin¹. Rozhkov continued working very hard in the party's underground until he was once again arrested on 30 April 1908 by the Tsarist authorities. After 25 months in the infamous Butyrskaya prison, he was exiled to eastern Siberia. At the end of spring on 24 May 1910, Rozhkov arrived at the Aleksandrovskii Transit Prison in the guberniia of Irkutsk whereupon he was sent to the village of Malyshevka and then to Cheremkhovo. If the authorities thought that by forcing Rozhkov to live in remote and isolated communities they would succeed in breaking his revolutionary spirit, they grossly misjudged their enemy. Almost as soon as he arrived at Cheremkhovo, Rozhkov circulated a discussion paper among the many other comrades in exile calling for the dissolution of the underground organization². As his friend and colleague N.F. Chuzhak (Nasimovich) reluctantly declared, this marked the beginning of Rozhkov's «liquidationist» period³.

A.A. Ivanov has discussed how the growing number of Social Democrats and other political groups exiled to the Irkutskaya guberniia organised themselves and continued to develop and promote their political views among the local population⁴. Rozhkov possessed exceptional skill as a writer,

¹ M.A. Moskalev, *Biuro tsentral'nogo komiteta RSDRP* (Moscow: Politizdat, 1964), p. 120.

² S. Kachurin, «O zhizni ssyl'nykh v Cheremkhovo Irkutskoi gubernii» in *Irkutskaya Ssylka. Sbornik irkutskogo zemliachestva*. Edited and forward by V.V. Bustrem (Moscow: Vsesoiuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1934), p. 72.

³ N. Chuzhak 'N.A. Rozhkov v ssylke', in 'Pamiati Nikolaia Aleksandrovicha Rozhkova', *Katorga i ssylka no. 3 (1927)*, p. 173.

⁴ A.A. Ivanov, «Politicheskaya ssylka i formirovanie opozitsionnogo dvizheniia v Irkutskoi gubernii v kontse XIX - nachale XX vv.» in *Sibir' i ssylka: Istoriia penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo gosudarstva i Sibir' XVIII—XXI vekov*, http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=970.

organiser and propagandist and he demonstrated this very clearly while in Siberian exile.⁵ He was able to settle down very quickly in the local communities and he was very successful at attracting even those who did not agree completely with his political statements. As Chuzhak, who spent over six years in Siberian exile with Rozhkov, wrote: «We did not always agree with Rozhkov about underground work, that is, we came at it from different angles. And, with regard to cultural work, there was a lot there that I averted. However, before the revolution, we worked together all the time in newspapers and we got along marvelously, doing the same work energetically»⁶. Rozhkov worked extremely hard to present and garner support for his ideas. Using legal newspapers and giving talks whenever he could, Rozhkov set out to prove the correctness of his position regarding the road to socialism in Russia and, in Chuzhak's words, «it was difficult to say what Rozhkov did not do: he chronicled events, he wrote articles, he proof-read, he made deals with the head of trade unions, he made sure newspapers were sent to subscribers and he did the bookkeeping»⁷. Rozhkov was also very adept at collecting funds to run newspapers⁸. It was no wonder that Lenin thought it was «painful» for the Bolsheviks to lose someone like Rozhkov.⁹ From 1910—1917, Rozhkov predominantly used legal newspapers to state and develop his socio-political views which, in many regards, diverged from those put forward by Lenin and other key Bolshevik figures.¹⁰

After putting out a discussion paper for all political exiles in the region to consider, Rozhkov

⁵ See: T.A. Borisova, «Obshchestvenno-politicheskaya, zhurnalistskaya i nauchnaya deiatel'nost' N.A. Rozhkova v sibirskoi ssylke (1910-1917)», Unpublished Doctoral Thesis, Irkutskii Gosudarstvennyi Universitet, Irkutsk, 2003.

⁶ N. Chuzhak, «Rozhkov v ssylke», in «Pamiati Nikolaia Aleksandrovicha Rozhkova», *Katorga i ssylka no. 3 (1927)*, p. 173.

⁷ *Ibid.*, p. 174.

⁸ *Ibid.*

⁹ Lenin, «Manifest Liberal'noi Rabochei Partii», p. 396.

¹⁰ M.B. Sheinfeld, «K izucheniiu istorii sibirskoi politicheskimi ssyl'nymi v nachale XX veka (N.A. Rozhkova)», *Ssyl'nye revoliutsionery v sibir' (XIX v. — Febral' 1917 g.)*, Vypusk 1, Irkutsk, 1973, pp. 160-161. See also: S.P. Isachkin, «Ideia 'kul'turnogo kapitalizma' v tvorchestve N.A. Rozhkova perioda sibirskoi ssylki», in *Sibir' i ssylka: Istoriia penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo gosudarstva i Sibir' XVIII—XXI vekov*, http://penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=494

decided to press on with his plan to create a legal labour party under the Tsarist regime. He writes an article entitled *Neobkhodimyi Pochin* [An Essential Initiative], which he sends to be published in the Bolshevik legal newspaper *Zvezda* [The Star] with the expectation that it will promote further discussion and produce responses from other members of the RSDLP including its key figures. However, *Zvezda*'s editorial board did not publish the article. Instead, the article was forwarded to Lenin and his comrades in France for evaluation. Little did Rozhkov suspect that his political ideas would draw the criticisms and warnings that he got. L.B. Kamenev, on behalf of all the other comrades, wrote to Rozhkov from Paris asking him to reconsider his plan to create a new political party in Russia. He warned Rozhkov that if he pushed ahead with his plan he would be treated with the same contempt reserved for all liquidationists.¹ G.E. Zinov'ev added a postscript that spelt out the warning very clearly. He wrote:

It is a pity, dear Nikolai Aleksandrovich, that it was necessary to send you this far from delicate message. We do not want war with you. It was not even imaginable that this was going to be necessary. However, if 'An Essential Initiative' were to appear then a war of extermination would become inevitable.²

Not only did these leading Bolsheviks let Rozhkov know that they rejected his political programme but they warned him about publishing and spreading his views.

Rozhkov responded by writing two more articles — *Sistema deistvii* [A System of Operation] and *Bor'ba za legal'nost'* [The Struggle for Legality] — in which he justified his theory and outlined practical steps that he was convinced needed to be followed to create a legal organisation that protected the rights of the working class.³ Con-

¹GAIO, f. 600, op. 1, d. 581, vol. 2, l. 413. See also: Borisova, «Obshchestvenno-politicheskaia, zhurnalistskaia i nauchnaia deiatel'nost' N.A. Rozhkova», p. 85.

²GAIO, f. 600, op. 1, d. 581, vol. 2, l. 413.

³Agenturnye svedeniia po RSDRP, Irkutskaiia guberniia, GARF, f. 102, dp. 00, 1911, op. 241, d. 5, chast' 27, litera B, ll. 85-88. This very rare document was made available for the first time in 2003 when it was transcribed and included in

vinced that Rozhkov's assessment of the political situation in Russia was wrong, Lenin writes to him on 23 February (8 March) 1911 trying to convince him not to publish his views. Lenin wrote: «I earnestly implore you to delay, give up, think over and correspond».⁴ And, upon learning that Rozhkov was determined to print his articles, on 29 April (12 May) Lenin wrote a response entitled «A Conversation Between a Legalist and an Opponent of Liquidationism» in *Diskussionny Listok* (Discussion Bulletin), No. 3, a supplement to *Sotsial-Demokrat*, the illegal newspaper of the RSDLP.⁵ Despite his hatred of «liquidationism», Lenin mildly concluded his repudiation of Rozhkov's political action plan with the following words: «the gulf between the adversaries in this conflict cannot be bridged by any good intentions, by any attempts to draw a verbal distinction between legalism and liquidationism».⁶ Up to this point, Lenin was prepared to debate Rozhkov's political thinking because he thought there was still a chance that Rozhkov would reconsider his «intellectual-Liquidationist» ways.⁷ However, by late 1911 any notion that Lenin had of reconciliation with Rozhkov vanished after Rozhkov went ahead and published the fourth article that had been rejected by the Bolsheviks and their newspapers.

A determined Rozhkov had made up his mind to publish his views. As he earnestly declared to M.S. Ol'minskii:

At the moment, ideologically there is nothing more important for me than the struggle for the legality of the workers' party by legal means. In my position I can only talk and write about it as I am unable to act on it. So far, unfortunately, I have even been unable to publish anything; my friends do not want to, they even call me «a liquidator», which to me incidentally is nothing particularly scary.⁸

T.A. Borisova's doctoral thesis. See: Appendix 4 in Borisova, «Obshchestvenno-politicheskaia, zhurnalistskaia i nauchnaia deiatel'nost' N.A. Rozhkova», pp. 388-390.

⁴Letter from Lenin to Rozhkov dated February 23 (March 8), 1911 in Lenin, *Miscellany XXV*, p. 66.

⁵V.I. Lenin, *Against Liquidationism* (Moscow: Foreign Languages Publishing House, n.d.), pp. 166-177.

⁶Ibid., p. 177.

⁷Ibid., p. 176.

⁸N.A. Rozhkov letter to M.S. Ol'minskii, RGASPI, f. 91,

By the time his article entitled *Sovremennoe polozhenie Rossii i osnovnaia zadacha rabochago dvizheniia v dannyi moment* [The Contemporary Situation in Russia and the Fundamental Task of the Working Class Movement at the Present Moment] was published in late September 1911 in *Nasha Zaria*, Rozhkov had little doubt that he was now at loggerheads with Lenin and leading Bolsheviks.¹ Lenin reacted immediately and began his attacks on Rozhkov's theory in a lecture he gave in Paris on 14 (27) November 1911 and initiated a lengthy polemic against him.²

When the editors of *Nasha Zaria* decided to include Rozhkov's controversial article in their monthly socio-political journal published in St. Petersburg, they did so not because they agreed wholeheartedly with Rozhkov's political agenda but because they felt it was important for social-democracy to consider all avenues that would benefit the working class in the socialist process, including «finding expression in a parliamentary fraction».³ In fact, the editors wrote that they considered Rozhkov's biggest mistake to be wanting to substitute the RSDLP for an «open society». They argued that the RSDLP was a historically essential part of the movement. The party «could not be concealed under a pseudonym and it was impossible to contain it within the limits of such a society».⁴ As they clearly stated: «It is undoubtable that in the process of the struggle all sorts of open political 'societies' must and will arise but they will arise not as a substitute for the party but only to help the political formation of the proletariat».⁵ Believing that Rozhkov's article would attract a lot of attention and required examination, the editors of *Nasha Zaria* went ahead and published it in their journal.

op. 1, d. 211, l. 5.

¹ See: N.A. Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii i osnovnaia zadacha rabochago dvizheniia v dannyi moment», *Nasha Zaria*, No. 9-10, 1911, pp. 31-35.

² V.I. Lenin, «Plan for a Lecture "Manifesto of the Liberal Labour Party"», *Collected Works*, vol. 41, 242-243.

³ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», pp. 31-32.

⁴ *Ibid.*, p. 31.

⁵ *Ibid.*, pp. 31-32.

Rozhkov began his short article by getting straight to the point. He wrote:

The principle objective task in Russia at present is the unconditioned completion of the change from grossly predatory, semi-feudal economic practices to civilized capitalism (*kul'turnym kapitalizom*). This is absolutely beyond doubt or dispute. This is not debatable. The debate is over whether Russia, at the present moment, has reached that stage when the social and political superstructure has adapted to the economic basis to such an extent that although the possibility of social upheavals is not excluded, these upheavals are not indispensable or inevitable in the near future.⁶

He believed that socialism could only be realized after a period of «civilized capitalist» development had taken place in Russia. He also believed that such a road to socialism would be non-violent. He emphasised very clearly that there was no preaching of any sort of violence in his socialist programme. He wrote:

There is no advocacy of any violence in this; there is not a word, not a thought about a violent revolution being necessary, because in reality, too, no such necessity may ever arise. If anyone, blinded by such reactionary frenzy, took it into his head to accuse the members of such an «association» of striving for violent revolution, the whole burden of an absurd, unfounded and juridically flimsy accusation of this sort would fall upon the head of the accuser.⁷

Rozhkov maintained that all the conditions were now right for the realization of the programme advocated by the Second Congress of the RSDLP in 1903, and it could be achieved through parliamentary means.⁸ He added: «despite it being extremely painful for the masses, all the prerequisites now exist for the slow but cer-

⁶ *Ibid.*, p. 31.

⁷ *Ibid.*, p. 35.

⁸ R.H. McNeal (Gen. Ed), *Resolutions and Decisions of the Communist Party of the Soviet Union*, Vol. 1 edited by R.C. Elwood, *The Russian Social Democratic Labour Party 1898 — October 1917* (Toronto and Buffalo: University of Toronto Press, 1974), pp. 39-45.

tain advance of a bourgeois social and political system in Russia».¹

Rozhkov's programme included the long-term aims of the public ownership of the means of production, a planned economy and the elimination of classes in society. More immediately, his programme called for the establishment of a proper democracy, based on universal, direct and equal suffrage by secret ballot, without discrimination on the basis of sex, religion or nationality. Rozhkov wanted to see the establishment of civil rights and freedoms, democratic local self-government, the eight-hour working day, state insurance for workers, factory legislation protecting the interests of workers, more land to peasants and the right to landownership.² This was a programme for the so-called «praktiki» (i.e. those Mensheviks who worked in legal labour organizations such as trade unions, co-operatives, educational establishments and cultural clubs).³

Generally speaking, although Mensheviks could not agree on the extent to which the RSDLP ought to be «liquidated», Rozhkov became convinced that «the workers must assume the task of exercising political hegemony in the struggle for a democratic regime».⁴ By this he meant adhering to the hitherto generally accepted formulation proposed by Plekhanov in the days of the Emancipation of Labour Group: namely, Plekhanov's two-stage revolutionary theory, which asserted that a bourgeois revolution would be followed by a lengthy period of bourgeois rule.⁵ Or, as Trotsky succinctly put it, Rozhkov believed that «the political hegemony of the proletariat must be preceded by the political hegemony of the bourgeoisie; a bourgeois democratic republic must serve as a long historical school for the proletariat».⁶ Rozhkov made it absolutely clear that, for him, the working class could only make

progress through parliamentary reforms. As he so authoritatively put it:

The objective conditions of the time, completing the transition to civilized capitalism, presuppose the possibility and even the necessity of an open and broad economic and political organization of the workers: the history of every capitalist country confirms this and demonstrates that only through the legal organization of workers is a civilized class struggle possible.⁷

Rozhkov even admitted that although what was in the offing was the «triumph of a quite moderate bourgeois 'progressism'», it was still more attractive to «the man in the street» than was the «spectre of smashed illusions».⁸ In the end, he believed that «Even the most moderate variety of progressism would undoubtedly extend the all too narrow confines in which workers found themselves at present».⁹

Convinced that the impetus for social change came from the bourgeoisie – or, more specifically, from «the moderately progressive industrial and commercial bourgeoisie that will share power with the conservative rural bourgeoisie» – Rozhkov urged the working class to support and use the electoral system that had been established on 3 June 1907.¹⁰ In his opinion, the Russian State Duma, from that date on, had «the significance of the French Legislative Corps during the last years of the Second Empire, or that proportional mean between the German Reichstag and the Prussian Landtag that was characteristic of Prussia in the eighties of the nineteenth century».¹¹ In other words, he believed that the State Duma was now very important because «a civilized and planned struggle is inconceivable without an open and broad political organization»¹². He added that without such an organization of the working class, «the struggle would inevitably assume an anarchistic character, harmful not only to the working class but to the civilized bourgeois-

¹ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», p. 33.

² Ibid., p. 35.

³ Ibid., p. 34. See also Z. Galili, *The Menshevik Leaders in the Russian Revolution: Social Realities and Political Strategies* (Studies of the Harriman Institute) (Princeton: Princeton University Press, 1992), pp. 32–4.

⁴ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», p. 34.

⁵ S.H. Baron, *Plekhanov in Russian History and Soviet Historiography* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995), p. 116.

⁶ Trotsky, 1905, p. 330.

⁷ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», p. 34.

⁸ Ibid., p. 33.

⁹ Ibid., p. 34.

¹⁰ Ibid., p. 33.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

sie as well»¹. It was just how Rozhkov proposed to organize the working class that most concerned Lenin in his thorough scrutiny and rejection of what he labelled Rozhkov's «Liberal Labour Party Manifesto»². Rozhkov proposed the creation of an organization called «Politicheskoe obshchestvo zashchity interesov rabochogo klassa» [«The Political Association for the Protection of the Interests of the Working Class»], its primary function was to educate and train members of the worker intelligentsia for participation in the running of all sorts of organizations, with the aim of influencing and eventually shaping parliamentary decisions that affected the working class.³ According to Rozhkov, this organization would also put up working-class candidates in all government elections.⁴ In effect, what Rozhkov was proposing was an open Liquidationist party.

An outraged Lenin wasted no time in detailing his objections and criticisms in the legal Bolshevik newspaper *Zvezda* and *Sotsial-Demokrat*, the illegal newspaper and central organ of the RSDLP which Lenin used in his war of words against those who challenged Bolshevik policies, including liquidators.⁵ In his inimitable polemical style, Lenin critically assessed all of Rozhkov's main points and concluded that Rozhkov was merely presenting a non-Marxist or liberal idea, which, he believed, was utopian⁶. In his zealous desire to obliterate his adversaries, Lenin reduced their arguments to basic logical equations that were then easy to label and describe. Using this literary device as a political weapon, Lenin claimed that Rozhkov's programme was little more than «a dirty threadbare liberal rag» that was «undoubtedly protecting the interests of the working class» but only «as conceived by the liberals in a liberal manner».⁷ Expressing his disdain

for Rozhkov's programme, Lenin asserted that his arguments were the product of «professorial distortions of Marxism», «philistinism», «parliamentary cretinism», «liberal complacency» and «liberal progressivism»⁸.

Nevertheless, despite his complete rejection of Rozhkov's so-called «Liberal Labour Party Manifesto», to some extent Lenin managed to express the respect he had for Rozhkov as a professional historian and party intellectual and activist. Noting that Rozhkov was known for his tremendous energy and hardworking nature, Lenin acknowledged that he was «not a phrase-monger». Lenin knew Rozhkov as a «man of deeds», as a man who implemented policies and did everything that was necessary to have them realized.⁹ As Lenin put it:

R-kov begins at the very beginning and by consecutive stages arrives at the very end, as is to be expected of anyone who has any realization of the serious political responsibility he bears for his words and deeds. And it must be said in fairness to R-kov that from beginning to end he most consistently substitutes liberalism for Marxism¹⁰.

In fact, it was precisely because he was familiar with Rozhkov's single-minded determination and energetic ability to rally support that Lenin so relentlessly criticized Rozhkov's call to form an open organization aimed at realizing his political objectives.¹¹

Knowing precisely that Rozhkov's political gaze faced westward, Lenin attacked the politics of the major parties in Britain, Germany and elsewhere that claimed to represent working-class interests. As Lenin made it very clear:

It is immaterial that the programme of the association which R-kov wants to found provides for 'the establishment of a new society based on

¹ Ibid.

² In fact, it also concerned the editorial board of *Nashazaria*, which viewed Rozhkov's proposal to be something akin to an election campaign and disagreed with it.

³ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», p. 35.

⁴ Ibid., p. 35.

⁵ See: *Zvezda*, 3 December, 1911 and *Sotsial-Demokrat*, 8 (21) December, 1911. See also: Lenin, *Collected Works*, vol. 17, pp. 313-24, 354-359 and Vol.18, 17-21.

⁶ V.I. Lenin, 'A Liberal Labour Party Manifesto' in Lenin, *Collected Works*, Vol. 17, p. 324.

⁷ Ibid., pp. 322-4.

⁸ Ibid., *passim*.

⁹ Ibid., 322.

¹⁰ Ibid., pp. 313-314

¹¹ Ibid., p. 313. He continued this line of reasoning in his article entitled 'From The Camp of the Stolypin "Labour" Party' in Lenin, *Collected Works*, Vol. 17, pp. 354-9. See also Lenin, 'Fundamental Problems of The Election Campaign' in *Collected Works*, vol. 17, p. 421; 'The Fourth Duma Election Campaign' in *Collected Works*, Vol. 18, p. 21; and 'The Illegal Party And Legal Work', in *Collected Works*, Vol. 18, p. 395.

the public ownership of the means of production, etc. Actually, the recognition of this great principle did not prevent a section of the German Social Democrats in the sixties from pursuing a 'royal-Prussian labour policy', nor does it prevent Ramsay MacDonald (leader of the British 'Independent Labour Party' – meaning independent of socialism) from pursuing a liberal labour policy.¹

He added: «How is it possible to regard as other than utopian the suggested foundation of an open workers' association at a time when absolutely peaceful, tame, non-political trade unions are being suppressed?»² Lenin concluded his article by ordering Rozhkov to remove his «professorial blinkers» because by doing so Rozhkov would realise that such «an association» as the one he wants to «put into effect» has already existed for two years in the form of the magazine *Nasha Zaria* «not as a collection of so much printed matter, but as an ideological group».³ Accusing Rozhkov of having ceased being Marxist, Lenin wrote that the «association» for protecting the interests of the working class was simply a liberal idea.⁴

Less than a week after publishing his «A Liberal Labour Party Manifesto», Lenin produced another critical assessment of Rozhkov's ideas in an article entitled «From the Camp of the Stolypin 'Labour' Party».⁵ In it, Lenin continued arguing that Rozhkov had substituted «Marxism» for «liberalism» or «Struveism» and that a «moderately progressive bourgeoisie» could not emerge gradually and steadily to assume power peacefully.⁶ «It is obvious», wrote Lenin, «that the 'powers that be' will never permit such an association they will never agree to let it be 'put into effect'. Only blind liberals can fail to see this».⁷ Lenin concludes his polemic by ironically pointing out that by being so forthright Rozhkov «will compel people to think about the ideological roots of liquidationism».⁸

Early in 1912, A. Martynov (A.S. Pikker) wrote a very interesting and insightful article entitled *V. Il'in protiv N. R-kova i «Nasha Zaria»* [V. Il'in' against N. R-kov and *Nasha Zaria*] in which he made the point that Lenin's «feuilleton *A Liberal Labour Party Manifesto* was the first experience of 'the usage of legal means' to square accounts with the 'internal enemy'».⁹ The «internal enemy» was a reference, of course, to any group or individual that jeopardized the political programme that Lenin had for the RSDLP. In this case, it was a reference to the threat Lenin perceived liquidationism posed and, in particular, Rozhkov's liquidationism. Anticipating the Fourth Duma election campaign, Martynov added that Lenin's attack «was only the beginning; a real orgy of fractional war was to be expected in relation to the voters' campaign» and, comparing the Bolsheviks to Ivan the Terrible's oprichniki, declared that «these knights carrying 'brooms and dogs' heads'» already threatened to poison the entire social-democratic election campaign with its demagoguery.¹⁰ And, although there is no love lost between Martynov and Lenin, Martynov hardly defends Rozhkov against Lenin's criticisms. Instead, he repeatedly reminds the reader that, until very recently, Rozhkov was a Bolshevik who had been «educated in the political school of Lenin».¹¹

Martynov accuses Lenin of hypocrisy and of being ignorant of the facts. He claimed that for years Lenin had argued that capitalism had developed in Russia, including in the countryside, but now he was more intent on showing that the village commune (*obshchina*) «had not moved forward».¹² Martynov believed that Lenin had changed his mind about the nature of peasant reform and the degree of capitalist development that had taken place in the country. Martynov, like Rozhkov, maintained that capitalism would create a «rural-economic bourgeoisie» that would modernise the country and resolve the agrarian question. Naturally, Lenin did not believe that Russia's rural

¹ Lenin, «A Liberal Labour Party Manifesto», p. 322.

² Ibid., pp. 322-3.

³ Ibid., p. 324.

⁴ Ibid.

⁵ Lenin, «From the Camp of the Stolypin 'Labour' Party» in Lenin, *Collected Works*, Vol. 17, pp. 354-359.

⁶ Ibid., pp. 354-356.

⁷ Ibid., p. 357.

⁸ Ibid., pp. 358-359.

⁹ A. Martynov, «V. Il'in' protiv' N. R-kova i *Nasha Zaria*», *Nasha Zaria*, No. 1-2, 1912, 19.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., pp. 14-16.

¹² Ibid. p. 15.

economy could be addressed through «bourgeois-democratic reform». He believed that only a worker-peasant alliance could fix Russia's agricultural woes. As he had written elsewhere: «The question is clear. Either a bold call for a peasant revolution, even including a republic, and the thorough ideological and organisational preparation of *such* a revolution in alliance with the proletariat. Or useless whining, political and ideological impotence in face of the Stolypin-landlord-Octoberist attack on the village commune».¹

Martynov quoted Rozhkov who pointed out that during periods of «reaction» new social forces mature. In the case of Russia: «The majority of our big landowners — nobles and commoners — who are represented in the Duma by the Nationalists and the Right Octoberists, are gradually and steadily being converted into an agricultural bourgeoisie».² Rozhkov believed that the country's agricultural problems would be solved if the feudal obshchina system that still existed were totally destroyed and replaced by «completely free and diverse land relations».³ In other words, he wanted capitalism, albeit «civilized capitalism» to be allowed to flourish and the rural economy of Russia to be reorganised on bourgeois-democratic lines. While Rozhkov did not advocate the violent destruction of the obshchina (village commune) that the Stolypin reforms brought about, especially after the laws enacted on 14 June 1910, he did not want to preserve this backward agricultural system⁴. As a positive example «of flexibility (gibkost') in communal land (obshchinno-pozemel'nykh) relations» Rozhkov cited west and south Germany where the development of civilized capitalism changed the form of communal landownership.

Rozhkov contended that as capitalism changed from being «crudely predatory» to

«civilized», the new landowners would behave less like landed nobility and more like liberal bourgeoisie, joining their urban industrial counterparts in their efforts to secure their interests through democratic parliamentary reforms. Expressed in terms of the politics of its day, he believed that support for right-wing nationalist politicians like V.M. Purishkevich and N.E. Markov (Markov The Second) would diminish in favour of more moderate liberal politicians who supported agrarian reforms. Rozhkov wrote:

Take the representatives of our big landowning class. Not so long ago the bulk of them were real serf-owners (krepostniki), typical landed aristocracy (dvoriane-pomeshchik). Now a few of these last Mohicans remain. They are a small cluster still grouped around Messieurs Purishkevich and Markov II and powerlessly spluttering the venom of despair. «Right-wing» organisations are fading away and collapsing with each day, the consultative zemskii sobor, which was once the ideal of the liberals of the 1880s, is at present the object of ardent longings of extreme reactionaries; no more than a senseless dream, unrealizable as a result of its own reactionary character (reaktsionnost'). Old serf-owners can either reorganise their economy the bourgeois way or they can liquidate, perhaps more profitably, their landownership. They even often do the latter because of the inability to do the first; Gentry and Peasant banks diligently help them in this matter⁵.

Lenin, of course, dismissed Rozhkov's argument as «boundless liberal self-delusion» again calling it a «typically 'professorial' distortion of Marxism»⁶.

Martynov's assessment of Rozhkov's analysis, in many regards, is intriguing to say the least. He is critical of Rozhkov because essentially he still regards him as being a Bolshevik. Although Martynov declares that «much water has flowed under the bridge in Russia since the first time the Bolshevik direction emerged in our Marxism» [*italics are mine*], he has very little to say

¹ Lenin, «Novaia agrarnaia politika», Collected Works, Vol. 16, p. 425.

² Martynov, «Vil'in' protiv' N. R-kova i Nasha Zaria», p. 15.

³ See: N. Rozhkov, «Shag nazad», Obskaia zhizn', 1911, 6 November as cited in Borisova, «Obshchestvenno-politicheskaiia, zhurnalistskaia i nauchnaia deiatel'nost' N.A. Rozhkova», p. 102.

⁴ On this point, he specifically distanced himself from «Narodniki of various shades». See: N. R-kov, «Ukrepliaetsia li obshchina», Mysl', 1911, March No. 4, p. 43.

⁵ Rozhkov, «Sovremennoe polozhenie Rossii», p. 32.

⁶ Lenin, «Manifest liberal'noi rabochei partii», Collected Works, Vol. 20, p. 401.

that is favourable about Lenin or his followers.¹ He suggests that Lenin is responsible for leading Rozhkov politically down the «wrong road» and for «bewildering his credulous readers».² After all, speaking metaphorically, Martynov claimed that Lenin changed his political costume according to the season and even enjoyed «to swank about in the costume of his enemy pretending it was his own»³. This, he quickly added, is how Lenin essentially remained «a very, truly Russian Shveitser; more embittered, more hot-tempered, more unscrupulous in his ways and thereby making sectarian labour policy a historical anachronism»⁴. As far as Martynov was concerned, there was now less need for the «revolutionary adventurism» that came from Bolshevik and Socialist Revolutionary «spontaneity» because the labour movement had made enough progress in Western Europe to bring about parliamentary reforms and the introduction of laws to protect workers⁵. Martynov believed that the «latest literary statement of the prominent Bolshevik N. R-kov is a clear symptom of the crisis in Bolshevism» and although Rozhkov would be «sincerely welcomed» by the Mensheviks, he needs to «free himself from V. Il'in's embrace»⁶.

Martynov's criticism of Lenin's attack on Rozhkov attests to the unique position in which Rozhkov found himself and helps explain why he was never completely comfortable with either the label of Bolshevik or Menshevik. About four months after Martynov's article, the editorial board of *Nasha Zaria* afforded Rozhkov the right to reply to Lenin's criticisms because Rozhkov was unable to publish his reply anywhere including newspapers like *Zvezda* and literary monthly magazines like *Prosveshchenie [Education]*⁷. Rozhkov wrote: «I was obliged to object on two fronts. In its clearest form, the plan being pro-

posed by me is distinct from the tactical and organisational line which seems the sole salvation for V. Il'in and his like-minded people and is distinct also from the position taken by the editorial board and the collaborators of *Nasha Zaria*»⁸. It is worthwhile remembering that although Rozhkov recognised Lenin's influence in the RSDLP, especially among Bolsheviks, he treated Lenin like any major figure of any political group and Lenin, in turn, defended his views like someone who believed his standing was under attack. As Rozhkov confidently rebuked: «Enough V. Il'in, you are either joking or fooling people, speculating on their unconditional worshipping of your authority»⁹.

Rozhkov's article entitled *Na Dva Fronta [On Two Fronts]* is an extraordinary document no matter how it is viewed. The language Rozhkov uses in it and the self-assured manner with which he counters Lenin's arguments and criticisms are rarely, if anywhere, found in any other documents. Rozhkov regarded himself a viable alternative leader who was putting forward a political programme that differed from the programmes offered by Lenin and his Bolshevik followers and Martov, Martynov and their Menshevik supporters.

Rozhkov wrote that Lenin tried to intimidate him by labelling him all sorts of things and portraying him as some kind of «red monster» who would not have the courage or tenacity to reply, especially given that publications like *Zvezda* and *Mysl' [Thought]* would not print his articles.¹⁰ However, Rozhkov was once again allowed to reply in *Nasha Zaria* and he made it very clear that he believed only a minority of workers and participants in the labour movement would be too frightened to hear his objections. Rozhkov then proceeds to counter Lenin's arguments attacking not only his evidence but his reasoning. Using the same historical references and logic as Lenin, Rozhkov confidently and coherently defended his ideas.¹¹ His major points can be summarised as follows:

¹ Martynov, «V. Il'in' protiv' N. R-kova i Nasha Zaria», p. 17.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. The reference here to Schweitzer is to Jean Baptista Schweitzer (1833-1875), the leader of the General Workingmen's Union of Germany (Lassalleans) after Ferdinand Lassalle's death in 1864.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., pp. 17-18.

⁷ N. Rozhkov, «Na dva fronta», *Nasha zaria*, 1912, No. 5, 28.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

1. That he always recognised the hegemony of the working class in the struggle for a democratic society and this is not inconsistent with believing that a democratic society can be achieved more quickly and less painfully if civilised capitalism is allowed to flourish in Russia;¹

2. Unlike Lenin who thought politicians like V.M. Purishkevich and N.E. Markov (Markov The Second) were «the masters of the situation», Rozhkov argued that the Nationalists with the Octobrists and the Progressists with the Kadets had control of the political situation;²

3. He was aware of the notion of the «complexity of adaptation» and that is why he did not rule out «the spasmodic nature» [skachkoobraznost'] of uprisings but he maintained that a compromise between the proletariat and the peasants with the bourgeoisie was inevitable. The only issue that needed consideration was the kind of compromise that it would be;³

4. That Lenin's comparison of the Third Duma with Louis XVIII's so-called Chambre Introuvable was imprecise. Rozhkov preferred comparing Russia at the time to France of the 1860s and Germany of the 1880s and dismissed completely Lenin's assertion that there was no «open and broad» political organisation in existence in Germany between 1878 and 1890. In Rozhkov's opinion, the opposite was true and the Russia of his day would have been breathing with relief if it had the open and broad political organisation that existed during the 1880s in Germany;⁴

5. Rozhkov's plan for an open political association of workers was not «utopian» or «non serious» as described by Lenin. Rozhkov proposed a «propaganda campaign among the masses» which, over time, would give rise to a groundswell of people demanding a democratic society. At the time he was writing, Rozhkov believed that such a thought was more realistic than imagining the same population acquiring the «energy», from predominantly a depleted and weak Bolshevik underground organisation, to bring

about a revolution sometime in the near future.⁵

Rozhkov concluded his article by providing one of the most interesting and clearest statements about liquidationism that can be found in any of the literature which discusses the concept. He felt he had to clarify the uniqueness of his interpretation of liquidationism given Lenin's criticism which compared him to Y. Larin, a pseudonym used by M.Z. Lur'e (1882-1932), whom Lenin also targeted as a «Menshevik Liquidator». Lenin asserted that:

liquidationism will be smothered by R-kov's ardent embrace just as the labour congress was smothered by Y. Larin's ardent embrace. Y. Larin perpetrated that bloodless murder by the simple device of writing a pamphlet, after which people, primarily out of fear of the embarrassment involved, began to be wary of defending the idea of a labour congress. After the new «manifesto» of liquidationism published by R-kov in *Nasha Zarya*, people, primarily out of fear of the embarrassment involved, will begin to be wary of defending the idea of an open liquidationist party.⁶

Rozhkov responded by stating that liquidationism was a heterogeneous and complicated phenomenon characterised by several distinct elements which unfortunately are not all well understood or precisely defined. He proceeds to identify the main ways in which liquidationism has been interpreted. He attributed the first interpretation to B.O. Bogdanov (1884-1960) and claimed that although he wanted to form a really open and public labour party, initially he proposed «to broaden only the base of existing workers' organisations to prepare cadres for the future party».⁷ Rozhkov argued that essentially «political action, so urgently necessary, is substituted for political propaganda» and, while propaganda is important in the overall plan, «it is inadmissible to substitute a political party for a society of propaganda».⁸ Rozhkov argued that such a way of going about building an open polit-

¹ Ibid.

² Ibid., p. 29.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 30

⁵ Ibid.

⁶ Lenin, «A Liberal Labour Party Manifesto», pp. 323-324.

⁷ Rozhkov, «Na dva fronta», p. 31.

⁸ Ibid.

ical party to bring about the society of the future «is the longest, slowest and most painful way for the working class». ¹

Rozhkov identified the so-called «Larin-Akselrod organisational plan» as the second major interpretation of liquidationism. However, as far as Rozhkov was concerned, this approach too did not meet his criterion of «the shortest and easiest path» to a democratic society. In his opinion, the Larin-Akselrod plan had in mind to unite workers who possessed varying degrees of class-consciousness and different class interests into a broad labour party. In a nutshell, Rozhkov argued that such an approach would produce «a blurred, formless, ideologically-fluctuating organisation» when what was needed was «an organisation of a political labour party, consciously and firmly standing on the ground of the classical struggle of the proletariat fighting for its own interests». ² He argued that the editors of *Nasha Zaria*, like the Larin-Akselrod political plan, expressed a view which clearly lacked what he proposed, namely, «a struggle for an open party sustained on principle». ³ He added that this difference between them was «extremely profound» and there could be no mistaking this difference. ⁴

To make it absolutely clear that he was not following any of the main currents of liquidationism but rather putting forward his own political viewpoint, Rozhkov made the following significant statement:

The main nucleus [iadro] of so-called liquidationism, represented by Martynov and Dan, remains for me elusive and mysterious. I cannot understand what it is they want because as Plekhanov has fairly observed, Martov, Dan and their adherents [edinomyshlenniki] have proposed absolutely nothing concrete. It goes without saying that such elusiveness and vagueness cannot be viewed any other way except negatively. It is as though they were undecided and were just marking time. I do not know a worst possible position for politicians to find themselves. ⁵

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., pp. 31-32.

Determined to declare his «basic practical proposal», Rozhkov reiterated the course of action he wanted to undertake and advance. His main points can be listed as follows:

- a propaganda campaign among the working masses to form an open, broad political organisation;
- a constant struggle to make sure that the concept of an open, broad political organisation is discussed in the press, at specialist labour meetings and gatherings, for example, union gatherings;
- a petition campaign;
- requesting inquiries and presenting bills in the Duma;
- presenting declarations and information about the establishment of political labour organisations in work places and workers' venues;
- the establishment of political labour organisations even if they are denied registration.

Other forms of action will be implemented as an open labour movement develops. ⁶

As a separate point, Rozhkov stressed the importance that «the programme and tactics of the proposed political labour organisation must have a tight ideological connection with the programme and tactics of the international labour movement and, consequently, with Russia's past labour movement». ⁷ However, he attached a very poignant caveat to the concept of the internationalisation of Russia's labour movement which was that the idea of «the inevitability of sharp shocks should no longer be at the forefront of the movement's thinking because circumstances have changed». ⁸ Rozhkov believed that it was «reasonable and even necessary to reject direct organisational succession». ⁹ In other words, at that particular point in time he did not believe the Russian working masses were ready to take control of the government.

Rozhkov concluded his article by denying he was a so-called liquidator. He wrote:

I do not want to liquidate or renounce anything. The ideological legacy is entirely preserved. I

⁶ Ibid., p. 32.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

only propose to build a new organisational legacy, one flowing naturally from the entire position of things and which is the shortest and best way of defending the interests of the working class given contemporary conditions.¹

He also appealed to readers to make up their own minds as to whether Lenin (Vl. Il'in) was right to portray him as «some sort of liberal bugbear [pugalo], like the devil which Gogol's blacksmith Vakula painted on the wall of the village church and with which mothers frightened their children saying: 'Look what a poophead has been painted!'».² Of course, Rozhkov declared that the unbiased reader will come to the conclusion that «The devil is not as black as he is painted», that is, that he was not the person Lenin decried him to be. Furthermore, Rozhkov also declared that Martynov was also wrong for calling him «an apologetic Bolshevik» [kaiushchiisia Bol'shevik] in *Nasha Zaria*. As far as he was concerned, he was not apologising for anything. As he proclaimed:

The fact of the matter is that I have nothing to repent. I have not changed, circumstances have changed. And, had circumstances developed like this earlier, then the tactical and organisational line accordingly would also have been different.³

It was no coincidence that straight after Rozhkov's piece the editors of *Nasha Zaria* published Martov's significantly longer article entitled «O tom, kak možno byt' nepravym na oba fronta» [How it is possible to be wrong on both fronts] which scutinized Rozhkov's arguments.⁴ Reading Martov's article, it is hard to imagine that it was written only a few months after the RSDLP Conference in Prague and a few months before the August bloc of Mensheviks was formed.⁵

¹ Ibid.

² Ibid. In Gogol's story «The Night Before Christmas», the frightened children said: «smotri, iaka kaka namalevana».

³ Ibid., p. 32.

⁴ L. Martov, «O tom, kak možno byt' nepravym na oba fronta», *Nasha Zaria*, No. 5, 1912, pp. 33-42.

⁵ I. Getzler, *Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat* (Melbourne: Melbourne University Press, 1967), p. 134.

Written at a time when Menshevism was increasingly losing ground to Leninism, Martov's article helps us better understand the complex set of circumstances that saw key figures in the RSDLP, himself included, effectively being emasculated and Menshevism being politically outplayed by Lenin and his Bolshevik followers.⁶

Unlike Lenin, Martov did not reject liquidationism. He believed in a broad, democratic, multi-sided party where there was a place for illegal party organisations. However, illegal work should always play a support role to the more important work of legal organisations.⁷ As far as Martov was concerned, a major tactic for the Social Democrats was to form an alliance with the Kadets.⁸ Relying on a strong base of class-conscious workers, he believed bourgeois progressives could «play an effective role in opposing the tsarist regime».⁹ Sadly for Martov, the truth is that his theoretically level-headed position was too accommodating of views that obviously were never going to coexist peacefully. Despite half-hearted attempts at reconciliation, Lenin was never going to abandon his revolutionary theory to embrace Martov's call for equality of rights between legal and illegal party work.¹⁰ In reality, Martov's belief in conciliation meant that he could not wage an all-out struggle with the Bolsheviks; he could not support the «praktiki» because they were «dead set against any co-operation with the Bolshevik underground committees»¹¹; and he supported liquidators who he defined as «Marxists who thought in a European way» because they were «trying to use the constitutional alien elements in the body of the Russian state organism as their arena of operation».¹² It is very hard to see

⁶ Ibid., pp. 134-137.

⁷ See Martov, «O likvidatorstve», *Golos sotsialdemokrata*, Nos 16-17, August-September, 1909. Cited in Getzler, *Martov*, p. 125.

⁸ Martov, «O tom, kak možno byt' nepravym», p. 33.

⁹ A. Ascher, ed., *The Mensheviks in the Russian Revolution* (London: Thames and Hudson, 1976), p. 21. See also: Martov letter to P.B. Akse'rod dated 26 June 1907 in F. Dan, B.I. Nicolaevsky and L. Tserderbaum-Dan (eds), *Pis'ma P.B. Akse'roda i Iu.O. Martova, 1901-1916* (Berlin: Russisches Revolution-sarchiv, 1924), p. 163.

¹⁰ Lenin, *Collected Works*, vol. 16, p. 158. See also: Getzler, *Martov*, p. 128.

¹¹ Getzler, *Martov*, p. 133.

¹² Ibid., p. 125.

Martov's conciliatory approach as anything other than politically ambiguous or even contradictory and this comes across quite clearly in his criticism of Rozhkov.

It would seem that Rozhkov's biggest mistake, according to critics like Martov and his followers, was that he wanted to form a new movement which would detract from the RSDLP and especially the Menshevik wing within the party. Despite having so much in common, Martov attacked Rozhkov for being ambiguous and unrealistic. It is worth spotlighting some of Martov's major criticisms of Rozhkov. Like Lenin, Martov pointed out that Rozhkov could not realistically expect to legalise his «Political Association For The Protection Of The Interests Of The Working Class» at a time when it was impossible even to register any organisation that was not approved by the new Tsarist government.¹ Unlike Lenin, Martov criticised, in quite some detail, Rozhkov's views on the role the peasants would play in bringing down the old order. Banking on the theory that the middle class would «become more radical» and eventually abolish the feudal latifundia which characterised the serf economy that still existed, Martov criticises Rozhkov for believing in what Lenin called the «Prussian path» of bourgeois development.²

Martov argued that Rozhkov «was convinced of the fundamental Bolshevik schema» that feudal landlord economy over a long period of time evolves into bourgeois landlord economy.³ In fact, Martov believed that Rozhkov had a «deeper need for an economic explanation of social development perspectives than Il'in» (Lenin) which is why Rozhkov spent so much time examining capitalisation in Russia's rural economy.⁴ According to Martov, whereas Rozhkov spoke about the «'bourgeoisification' of the country and the blunting of the contradiction between peasant and bourgeois society by means of a 'revolution from above'», Lenin was content to talk about the «flabbiness», «half-heartedness» and «psychological qualities»

¹ Martov, «O tom, kak možno byt' nepravym», p. 41.

² Lenin, «The Agrarian Programme of Social-Democracy in the First Russian Revolution, 1905-1907, Collected Works, Vol. 13, p. 239.

³ Martov, «O tom, kak možno byt' nepravym», pp. 33-34.

⁴ Ibid., p. 34.

of the Russian bourgeoisie.⁵ Despite the apparent differences of opinion, Martov still declared that «the practical basis on which Rozhkov builds his views is narrow and therefore unstable».⁶

Given the constraints of this article, it is impossible to analyse all of Martov's statements in any detail. However, in responding to Rozhkov's political views and attempting to show how they differed to his own views, Martov reveals the complex situation in which he found himself and how difficult it was, generally speaking, for Menshevism to combat Lenin's straightforward invective about liquidationism. In dealing with Rozhkov's views alone, Martov is unable to state his views simply and clearly. The reader is confounded by Martov's conciliatory and seemingly contradictory remarks. His conclusion is worth quoting in full to illustrate this point.

If R-kov is proposing to us the well established slogan of a struggle for an open labour party to realise in that struggle essentially the legalisation of a social-democratic, political labour association, we, «liquidators», do not go along with him on this because, at the current stage of the decay of the counter-revolutionary regime, there are still no preconditions for the functioning of such an association-party within the framework of this regime and its existence, at best, would only be achieved at the cost not only of a formal but a real narrowing of objectives and a distortion of the methods of struggle «which take cover behind a pseudonym» for the party.

If R-kov is not posing a utopian or opportunistic objective to accommodate all social-democracy and everything in the practice of social-democracy within the framework of a legalised association conceivable in the immediate period but, rather, is proposing to widen the struggle being led by workers for an open display of class movement, in the struggle for the legalisation or for the definite assumption of political societies, then we are entirely with him, and we consider this struggle not only useful for the cause of the political education of the working class; not only something which can result in certain immediate success, but also as leading to the most reli-

⁵ Ibid., pp. 34-36.

⁶ Ibid., p. 36.

able path to the ultimate achievement, namely, the right and possibility of an open functioning party, as a normally functioning and integrated organism of political activity.¹

Any political organisation, whether trying to establish its presence or expand its influence, had to be part of the general «democratisation of the social structure», otherwise, according to the Martov, it was doomed to failure.² In other words, Martov believed that «without a substantial break in the legal conditions which created the counter-revolution, the realisation to any satisfactory measure of a slogan calling for a struggle for an open party is impossible».³ Sounding very much like Lenin, Martov contented that a genuinely open, social-democratic, proletarian mass organisation was not possible in a society that suppressed political opposition. However, Martov's brand of social democracy was incompatible with the notion of party dictatorship. Just as he rejected Bolshevik control of the party, he rejected Rozhkov's notion of a political association for the protection of the interests of the working class as it entailed «an organised and centralised class party».⁴

From 1912 to 1917 Rozhkov's geographical isolation, imposed by the Tsarist regime, was compounded severely by the political isolation that he experienced after Lenin's polemic against

him as well as other criticisms he endured from leading Bolshevik and Menshevik figures. The general internecine differences within the RS-DLP over policy, especially after 1908, and the increasing difficulty to publish and to disseminate opposing political theories and ideas also help to explain the political path that Rozhkov chose for the rest of the time he was in Siberian exile.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борисова Татьяна Александровна. Общественно-политическая, журналистская и научная деятельность Н. А. Рожкова в сибирской ссылке, 1910 -1917 гг. дисс. ... канд. исторических наук. Иркутск. – 2003. – 393 с.
2. Иванов А. А. Политическая ссылка и формирование оппозиционного движения в Иркутской губернии в конце XIX - начале XX вв. [Электронный ресурс] // Сибирь и ссылка : Siberia and the Exile [сайт]. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=970 (дата обращения: 20.10.13)
3. Исачкин С.П. Идея «культурного капитализма» в творчестве Н.А. Рожкова периода сибирской ссылки [Электронный ресурс] // Сибирь и ссылка : Siberia and the Exile [сайт]. URL: http://penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=494 (дата обращения: 20.10.13)
4. Asher A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge-Mass., 1972.
5. Baron S. Plekhanov in Russian history and soviet historiography. — Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. — 274 p.

¹ Ibid., p. 42.

² Ibid., p. 41.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

УДК 930. 316. 6

Клинова М.А.

Уральский Государственный экономический университет
(г. Екатеринбург)

**ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РСФСР
ПРОБЛЕМ ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА (1950–1980-е гг.):
ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

M. Klinova

Ural State University of Economics, Yekaterinburg

**THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE RSFSR
TO THE PROBLEMS WITH GOODS SHORTAGES IN THE 1950-1980th:
DISCUSSIONS IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

Аннотация. В статье рассмотрены точки зрения на проблему восприятия населением РСФСР товарного дефицита в 1950–е–1980–е гг., сформулированные в современной отечественной историографии. Структурно выделены различные исследовательские ракурсы анализа заявленной темы: от рассмотрения протестных настроений граждан, являющихся реакцией на перебои в снабжении товарами, до выявления индифферентного отношения населения к проблемам дефицита, и даже восприятия экономических трудностей как привычных, являющихся частью обыденной повседневности. Проведен критический анализ предложенных точек зрения, позволивший выделить наиболее аргументированные позиции.

Ключевые слова: социальная история, дефицит, психология, реакция населения, социальный протест, недовольство населения, историография.

Abstract. The article considers various points of view on problem of the commodity deficiency in 1950–e–1980–e and the attitude of the population of the RSFSR to it, formulated in modern Russian historiography. The article structurally allocates various research aspects of the declared subject analysis: from consideration of the citizens' protest moods, that were their reaction to the interruptions in provision of goods, to the population's indifferent attitude to the problems of shortages. The author states that the population could even take those economic difficulties as habitual, being part of ordinary everyday life. The article presents the critical analysis of the offered points of view, that allowed to allocate the most well-reasoned positions.

Key words: social history, deficit, psychology, reaction of the population, social protest, discontent of the population, historiography.

В современном отечественном гуманитарном дискурсе наблюдается отход от типичных схем изучения социальной истории как истории политических решений и мероприятий, и все большее внимание исследователей привлекает разработка проблематики социальной рефлексии и оценочного восприятия населением происходивших в стране явлений и процессов. Экономические реалии советской истории второй половины XX в. не стали исключением. Современная отечественная историография, постепенно отойдя от поиска доказательств ущербности и нежизнеспособности советской экономической модели, сегодня обращается к разработке проблематики восприятия экономических реалий самим населением, выявляя уровень удовлетворения либо, наоборот, недовольства граждан существовавшей в советской стране экономической ситуацией (объемами потребления товаров и услуг, ассортиментом и качеством снабжения).

Частью общественного мнения и аксиомой в современном гуманитарном дискурсе является тезис о товарном дефиците в СССР – неотъемлемом атрибуте советской экономической

модели (хотя масштабы и глубина данного явления по сей день вызывают научные дискуссии). Исследованию точек зрения и гипотез, сформулированных в отечественной историографии по проблематике восприятия населением товарного дефицита, и посвящена данная статья.

Изучение вопросов восприятия населением того или иного явления позволяет высветить целый спектр различных социальных реакций граждан (от социального протеста и открытого или неявного недовольства до индифферентного отношения и одобрения). В процессе предпринятого историографического анализа мы также будем придерживаться следования данной схеме, структурируя анализируемые авторские гипотезы и точки зрения по вопросу восприятия гражданами товарного дефицита в зависимости от «диагностируемой» исследователями реакции по шкале протест – одобрение.

Исследование социальных протестов в СССР является актуальной темой современных отечественных исторических разработок. При этом вопрос о том, являлись ли существовавшие в стране социально-экономические проблемы (в частности товарный дефицит) первопричиной протестного поведения граждан, до сих пор не решен однозначно, вызывая дискуссии.

Наиболее ярким, фактически хрестоматийным примером массовых социальных беспорядков в СССР стали Новочеркасские события (документы и архивные материалы, касающиеся данного происшествия, сегодня публикуются и изучаются отечественными исследователями) [15, 17, 22]. Поводом к массовым волнениям в Новочеркасске стало повышение цен на продукты питания 1 июня 1962 г., совпавшее со снижением расценок на местном заводе 31 мая. Этот факт позволил исследователям сделать вывод об обусловленности социальных протестов в СССР неудовлетворительным экономическим положением граждан. Впоследствии ссылка на Новочеркасские события использовалась рядом авторов в качестве аргумента, подтверждающего гипотезу, что именно недостатки

продовольственного снабжения «навели» советскому обществу мысли о масштабных переменах и толкали к антиправительственной активности [25].

В середине 2000-х гг., в результате произошедшего дрейфа отечественной историографии в «антилиберальном» направлении, получает озвучивание иная точка зрения на первопричинность социальных протестов в СССР, а также на наличие взаимосвязи протестов и товарного дефицита. Проведенный В.А. Козловым анализ массовых беспорядков (по самым скромным оценкам, 20 случаев в 1957–1982 гг.) позволяет прийти к выводу, что в большинстве случаев причины выступлений лежали вне сферы питания и продовольственного дефицита, а были связаны с милицейским произволом, межнациональными проблемами и антирелигиозной политикой [13, с. 421]. Аналогичного мнения придерживается В.А. Мендкович [18]. Основываясь на проведенном анализе отчетов КГБ о статистике распространения «антисоветских документов», он приходит к выводу, что точка зрения о влиянии недостатков продовольственного снабжения на деятельность оппозиционных активистов после 1962 г. (Новочеркасские события и их отголоски) не имеет достаточного документального подтверждения. По его подсчетам, в 1981 г. лишь 3,6% изготовителей «антисоветских документов» занялись нелегальной деятельностью из-за «недостатков снабжения продуктами питания», в 1983 г. – 1,9%, в 1984 г. – 2,2 [7, с. 241, 261, 262]. Несмотря на значительное время, проводимое в очередях, которые, по справедливому замечанию Е.А. Осокиной, «были чутким барометром общественных настроений, местом ни к чему не обязывающих разговоров и откровений, очереди не стали ни источником, ни причиной антиправительственных выступлений» [23]. С.В. Горшков, Н.Н. Попов и А.И. Прищепа в качестве причины низкой протестной активности населения отмечают, что большая часть населения находилась под влиянием пропаганды и верила в построение коммунистического общества, поэтому, несмотря вопиющие проблемы товарного снаб-

жения, советские граждане не шли на открытые столкновения с властями [9, с. 291; 24, с. 135]. В целом, большинство авторов сегодня склоняется к мнению об отсутствии в РСФСР прямой взаимосвязи дефицит – социальный протест. Этот факт, по мнению В.А. Мендковича, является веским доводом для пересмотра укоренившейся в общественном мнении россиян и отечественном гуманитарном дискурсе точки зрения, что именно проблемы с продовольствием стали причиной массовых антиправительственных акций, в перспективе приведя к деформации и ликвидации советской системы.

Хотя товарный дефицит и не стал поводом для открытых социальных протестов, но, по признанию большинства отечественных исследователей, наличие данного экономического явления наблюдавшегося во всех районах РСФСР, вызывало существенное недовольство граждан. Об этом свидетельствуют факты, зафиксированные в отчетах региональных органов МВД, письмах, жалобах граждан в органы власти.

Активное недовольство горожан уровнем обеспечения промышленными и продовольственными товарами в 1950-е–1980-е гг. фиксируется исследователями в большинстве районов РСФСР [1; 3; 4; 5; 6; 8; 11; 12; 14; 26]. А.Г. Григорьева приходит к выводу, что «недовольство» и «несогласие» по отношению к экономической политике правительства были достаточно распространенными настроениями в обществе времен «оттепели» [10]. Только за июнь 1962 г. из партийных и советских учреждений, редакций газет и журналов в органы КГБ было передано свыше трехсот анонимных писем с выражением крайнего недовольства жизненным уровнем трудящихся. В.Н. Мамяченков, опираясь на рассекреченные материалы архива УФСБ по Свердловской области, содержащие большое количество спецсообщений о социальных настроениях в регионе, отмечает, что некоторые замечания граждан по поводу хронического товарного дефицита носили острокритический характер, сопровождаясь резкими высказываниями в адрес власти:

«Для того чтобы улучшить жизнь, нужна новая революция, поднять восстание и убрать всех коммунистов. Перетянуть на свою сторону московский гарнизон, а по Всесоюзному радио кому-то выступить с призывом», «Чем больше Советов, тем меньше продуктов. Советы сыты, а рабочие голодны» [16, с. 93-94]. По мнению А.Ю. Блока, участвовавшие в 1960-е гг. проявления инакомыслия были существенным образом связаны с нарастанием экономических трудностей, а также свидетельствовали о потере авторитета власти, отказавшейся от репрессивных методов управления [3, с. 22].

Обоснованное недовольство населения еще не исчерпывает весь перечень психо-эмоциональных реакций советских граждан на проблемы товарного дефицита. Ю.В. Аксютин в своей работе «Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.» опираясь на результаты анкетного опроса людей различных профессий и должностей, проводимого в конце 1990-х гг., приходит к выводу, что часть населения не ощущала вообще перебоев в товарном снабжении в период «хрущевского» правления, что позволяет говорить об их индифферентном отношении к проблематике товарного дефицита. Данная группа граждан была сравнительно небольшой (32-24% опрошенных в 1998 и 1999 гг. соответственно). Среди этой категории населения – сотрудники предприятий ВПК, шахтеры, работники министерств, которые получали «пайки» или «заказы» с предприятий, сотрудники продовольственных магазинов и комбинатов, которые имели доступ к продовольствию, запасливые колхозники, а также некоторые горожане, у которых было «свое хозяйство» [2]. Хотя данные категории населения не составляли большинство, тем не менее их учет позволяет создать более объективную ретроспективную картину психо-эмоциональных реакций советских граждан на проблему товарного дефицита в стране.

Еще один ракурс рассмотрения социальной рефлексии населения относительно продовольственных проблем в РСФСР

1950-х–1980-х гг. предлагает В.Г. Николаев, чьи работы посвящены детальному анализу феномена советской очереди (яркого визуального проявления проблем товарного снабжения) и ее культурно-психологической проекции в сознании советских граждан [19; 20; 21]. В.Г. Николаев рассматривает «советскую очередь» как неотъемлемый атрибут советской культуры. По мнению автора, стояние в очереди не являлось вопросом выбора, а скорее судьбой советского человека (аналогом религии), формируя не только определенный способ потребления, но и способ коммуникации, а в конечном итоге и образ мысли- и жизнедеятельности граждан СССР. Очередь для населения советской страны была одним из источников самых крупных общенациональных самоидентификационных определений: «народ» и «советский». Базируясь на чувствах общности и солидарности, она была непосредственно связана с реализацией столь важных для советских граждан идей равенства, справедливости, коллективизма, являлась средой интенсивного межличностного общения и, как следствие, формирования общественного мнения. В конечном счете, по мнению В.Г. Николаева, именно советская очередь «прочна связана с переживанием той стабильности, которую еще в советское время было принято называть “уверенностью в завтрашнем дне”» [20].

Данный оценочный ракурс, естественно, не позволяет говорить об осознанно и осмысленно положительном восприятии дефицита советским населением. Скорее такое рассмотрение проблемы в культурологическом русле позволяет несколько иначе взглянуть на советскую цивилизацию, где очередь – прямое следствие товарного дефицита – выступает неотъемлемым атрибутом повседневной жизнедеятельности, привычным, а поэтому воспринимаемым населением прозаически обыденно (как природное ненастье) но, в то же время, являющимся неотделимым, и в чем-то «родным» элементом советского существования.

Обобщая результаты проведенного историографического анализа, можно обозначить

некоторые выводы относительно спектра оценочных суждений и реакций населения, связанных с проблемами товарного дефицита в РСФСР. Предложенный В.Г. Николаевым ракурс рассмотрения темы не безынтересен и заслуживает внимания в общем контексте изучения советской социальной истории, но, на наш взгляд, для выводов относительно глубинных психологических паттернов, деятельностиных схем и культурных стереотипов советского населения, сформированных очередями и товарным дефицитом, гипотеза автора недостаточно обоснованна. С учетом замечания Ю.В. Аксютинина о неактуальности проблематики товарного дефицита для части советского населения (20-30%), наиболее фактически доказанной на сегодняшний день видится точка зрения, что перебои в снабжении продовольственными и промышленными товарами вызывали существенное недовольство населения РСФСР, проявляющееся в негативных отзывах и высказываниях граждан. Также отечественными исследователями достаточно аргументированно обоснован тезис о том, что, вызывая недовольство, товарный дефицит, тем не менее, не стал первопричиной массовых открытых протестов населения. В то же время утверждение В.А. Мендковича об отсутствии *взаимосвязи* социальных протестов с недостатками снабжения граждан продовольственными и промышленными товарами, на наш взгляд, не вполне верно. Так как существование в течение многих лет проблематики товарного дефицита (и перманентное ее усугубление) негативным образом влияло на настроения в советском обществе, формируя, в том числе, и критическое отношение к эффективности советской власти, а в перспективе – и к целесообразности существования советской системы. Для большинства населения страны именно вопросы обеспечения семьи необходимыми товарами, а не проблемы демократизации общества и свободы религиозного и национального самоопределения, являлись экзистенциально важными и первостепенными. Поэтому, на наш взгляд, отсутствие прямой взаимосвязи дефицит – социальный протест не свидетель-

ствуется об отсутствии достаточно существенного косвенного взаимодействия данных явлений, сыгравшего свою важную роль в финальных сценах советской истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агишев Р.Р. Власть и общество Мордовии в 1970-х–начале 1980-х гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006.
2. Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. – М., 2004.
3. Блок А.Ю. Исторический опыт административно-правоохранительной политики советского государства в 1953–1964 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2002.
4. Ващук А.С. Власть и общество: социально-политические настроения дальневосточников в 50-е гг. XX в. // Россия и АТР. – Владивосток. – 2004. – № 4.
5. Ващук А.С. Общественно-политические настроения дальневосточников в 1946–1960-е годы // Дальневосточные архивы: прошлое – будущему. – Владивосток, 2003.
6. Ващук А.С. Реакция населения Дальнего Востока на советскую социальную политику (1945–начало 1950-х годов) // Дальний Восток: наука, экономика, образование. XXI век. – Комсомольск-на-Амуре. 2005. Т. 1.
7. Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС. – М., 2006.
8. Волохов С.П. Социально-политические протесты середины 1950-х–середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002.
9. Горшков С.В., Попов Н.Н. Социально-политические отношения на Урале в 1945–1965 гг. // Урал на пороге третьего тысячелетия. – Екатеринбург, 2000.
10. Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
11. Егоров А.Н. Общественно-политическая ситуация «оттепели» (1953–1964 гг.) в восприятии современников – преподавателей и студентов Казанского государственного университета.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010.
12. Егоров А.Н. Продовольственная ситуация в СССР рубежа 1950–60-х гг. глазами студентов Казанского университета // Историк и его дело – судьбы ученых и научных школ. – Ижевск, 2008.
13. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. – М., 2006.
14. Колмаков Д.В. Общественно-политическая жизнь Бурятской АССР во второй половине 1960-х–1970-х гг. : автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
15. Лебедев В. «Объединяйтесь вокруг Христа – большевики повысили цены». Отношение населения СССР к повышению цен на продукты питания в 1962 г. // Неизвестная Россия. XX век. – М., – 1993. – Вып. 3. – С. 12-18.
16. Мамяченков В.Н. Протестные акции населения в 1950–1960-х годах как следствие низкого уровня его материального положения: формы и методы (на материалах Свердловской области) // Вестник Челябинского государственного университета. – № 15 (196). – Серия История. – Вып. 40. – 2010.
17. Мардарь И.Б. Хроника необъявленного убийства. – Новочеркасск, 1992.
18. Мендкович Н.А. Питание в СССР в «эпоху застоя» [Электронный ресурс] // Актуальная история: научно-публицистический журнал. URL: http://actualhistory.ru/zastoi_foods (дата обращения: 23.06.2013).
19. Николаев В.Г. Очередь как социальное наследие и элемент образа жизни // Вестник Московского ун-та. – Сер. 18. Социология и политология. – 2005. – № 1.
20. Николаев В.Г. Советская очередь как среда обитания: Социологический анализ. Научно-аналитический обзор. – М., 2000.
21. Николаев В.Г. Советская очередь: прошлое как настоящее // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – 2005. – № 5 (43).
22. Новочеркасская трагедия 1962 г. // Исторический архив. – 1993. – № 1, 4.
23. Осокина Е.А. Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 5 (43).
24. Прищепа А.И. Забастовки на Урале в 1940–1960 годах // Вопросы истории. – 1998. – № 6.
25. Шубин А.В. СССР в апогее: как мы жили // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 2 (52).
26. Шустин В.В. КГБ СССР в борьбе с протестными проявлениями внутри советского общества в конце 1950–1980-е гг.: По материалам Мордовии.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2006.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира, средних веков и нового времени

УДК 94(3):398.221

Коровчинский И.Н.

Московский государственный областной университет

ГРЕЧЕСКИЙ МИФ ОБ ИППОЛИТЕ И БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ МИФОЛОГИЯ

I. Korovchinskiy

Moscow State Regional University

THE GREEK MYTH OF HIPPOLYTUS AND THE MIDDLE EASTERN MYTHOLOGY

Аннотация. В статье анализируется высказанная рядом авторов (Дж. Фрэзер, В. Буркерт, Ф. Карахаш и К. Лопес-Руис) точка зрения, согласно которой древнегреческий миф об Ипполите генетически связан с ближневосточными мифами об убийстве мужских персонажей богинями плодородия (Кибелой, Иштар, Астартой). В ходе анализа источниковой базы автор приходит к выводу, что мотив сознательного убийства Ипполита Афродитой встречается только в двух источниках (трагедии Еврипида «Ипполит, увенчанный венком» и зависимых от него «Пирующих знатоках» Афиняя). В остальных (весьма многочисленных) источниках роль Афродиты либо вообще не упоминается, либо оказывается принципиально иной (Афродита мстит не Ипполиту, а его мачехе Федре как потомку Гелиоса). Мотив мести Ипполиту, вероятнее всего, возник в результате переработки Еврипидом его более ранней трагедии и не имеет даже греческих фольклорных корней, не говоря о ближневосточных.

Ключевые слова: древнегреческая мифология, ближневосточная мифология, божества плодородия, античная литература, Ипполит, Федре, Афродита.

Abstract. The article is an answer to the point of view expressed by a number of authors (J. Frazer, W. Burkert, F. Karahashi and C. López-Ruiz), according to which the Greek myth of Hippolytus has roots in the Middle Eastern myths about the goddesses of fertility (Cybele, Ishtar, Astarte) killing masculine characters. While analyzing the sources, the author comes to the conclusion that only in two sources (Euripides' "Hippolytos Stephanephoros" and Athenaeus' "Deipnosophistai", the latter being clearly and directly dependent on the former) appears the motive of Aphrodite's intention to kill Hippolytus on purpose. All the other numerous sources either do not mention Aphrodite's role at all or portray it in a completely different way (it is not Hippolytus but his stepmother Phaedra who is the object of Aphrodite's revenge as she is Helios's descendant). The motive of Aphrodite's revenge on Hippolytus appeared most probably as a result of Euripides' rewriting his earlier tragedy and does not have even Greek folk roots, let alone the Eastern ones.

Key words: Greek mythology, Middle Eastern mythology, deities of fertility, classical ancient literature, Hippolytus, Phaedra, Aphrodite.

© Коровчинский И.Н., 2013.

Работа выполнена на средства гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых ученых – кандидатов наук МК-3263.2012.6. Автор благодарит Совет по грантам Президента Российской Федерации за финансовую поддержку.

Миф о любви Федры, жены царя Тесея, к своему пасынку Ипполиту является одним из наиболее прославленных сюжетов древнегреческой мифологии. По его мотивам написаны шедевры великих мастеров литературы – Еврипида, Сенеки, Ж. Расина, М. Цветаевой. Тем не менее, вопросы, связанные с ним, представляются далекими от окончательного разрешения.

В литературе еще с XIX в. укоренилась точка зрения о родстве данного мифа с мифами Ближнего Востока, связанными с культами божеств плодородия – Кибелы и Иштар. Уже Дж. Фрэзер в своей прославленной «Золотой ветви» сочувственно цитирует древнего комментатора «Энеиды» Сервия, утверждавшего, что Вирбий-Ипполит «был божеством, связанным с Дианой столь же тесными узами, как Аттис – с Матерью Богов¹, Эриктоний с Минервой, а Адонис – с Венерой» [1, с. 14, 17], миф же о Венере и Адонисе Фрэзер в свою очередь возводит к месопотамскому мифу об Иштар и Таммузе [1, с. 364-366]. В более близкое к нам время один из крупнейших специалистов по древнегреческой мифологии, В. Буркерт, хотя и выражая несогласие с Дж. Фрэзером в деталях, также характеризует миф о Федре и Ипполите как греческий аналог малоазийского мифа о Кибеле и Аттисе, месопотамского мифа об Иштар и Таммузе и финикийского мифа об Астарте и Эшмуне [3, с. 111]. Наконец, недавно американские исследователи Ф. Карахаши и К. Лопес-Руис признали параллелью к мифу об Ипполите также эпизод сватовства Иштар к Гильгамешу из месопотамского эпоса о Гильгамеше [5, с. 97-104]. При этом если В. Буркерт датирует заимствование мифа периодом архаики, то Ф. Карахаши и К. Лопес-Руис допускают, что оно могло произойти даже во II тыс. до н. э. [3, с. 114-118; 5, с. 104].

Нельзя, однако, не отметить чрезвычайную узость источниковой базы, на которую опираются данные исследователи. Дж. Фрэзер пишет: «Предание гласит, что Вирбием был не кто иной, как юный греческий герой Ипполит, целомудренный и прекрасный. Он

¹ Наиболее характерный эпитет Кибелы.

научился охотничьему искусству от кентавра Хирона и проводил целые дни, охотясь на диких зверей в чаще леса. Его единственной спутницей была девственная охотница – богиня Артемида (греческий двойник Дианы). Возгораясь своей божественной спутницей, он с презрением отвергал любовь смертных женщин, и это его погубило. Уязвленная его презрением к любви, Афродита возбудила любовь к Ипполиту в его мачехе Федре. Когда Ипполит отверг безнравственные ухаживания мачехи, она оклеветала его перед его отцом Тезеем. Поверив в клевету, Тезей обратился к своему отцу Посейдону с мольбой об отмщении. И когда Ипполит мчался на колеснице по берегу Саронического залива, морской бог выгнал на поверхность воды свирепого быка. Испуганные лошади понесли, и выброшенный из колесницы Ипполит нашел смерть под их копытами. Но из любви к Ипполиту Диана упросила лекаря Эскулапа возвратить прекрасного юношу-охотника к жизни при помощи целебных трав. Разгневанный тем, что смертный муж вышел из врат смерти, Юпитер низверг врача в Аид. Все же Диана сумела скрыть своего любимца от глаз разъяренного бога густым облаком, изменила его черты, заставила выглядеть старше, а затем перенесла к лесистым немийским ложбинам, вверив его заботам нимфы Эгерии. Безвестный и одинокий, жил он в глубине италийского леса под именем Вирбия. Он правил там как царь и посвятил рощу Диане. У него был прекрасный сын, тоже Вирбий, который, не устранившись от участи отца, погнав упряжку горячих скакунов, чтобы примкнуть к латинянам в войне против Энея и троянцев» [1, с. 13].

Первая часть данного пересказа до слов «нашел смерть под их копытами» представляет собой пересказ трагедии Еврипида «Ипполит, увенчанный венком»², дальнейшее – пересказ одного из фрагментов «Энеиды» Вергилия (VII, 761-782):

² С поправкой на замену греческих имен божеств римскими и за исключением странной информации о том, что Ипполита учил охотничьему искусству кентавр Хирон, не встретившейся нам ни в одном источнике.

*Шел сражаться и ты, Ипполита отпрыск прекрасный,
Вирбий. Ариция в бой тебя послала родная,
В ней ты вырос, где шумит Эгерии роцца, где влажен
Берег, где тучный алтарь благосклонной Дианы дымится.
Ибо преданье гласит: когда Ипполита сгубили
Мачехи козни и месть отца, когда растерзали
Тело его скакуны, в испугленном летевишии страхе,
Вновь под небесный свод и к светилам эфира вернулся
Он, воскрешен Пеана травой и любовью Дианы.
Но всемогущий Отец, негодуя на то, что вернулся
Смертный из царства теней к сиянью сладкому жизни,
Молнию бросил в того, кто лекарство создал искусно,
Феборожденного сам к волнам стигийским низринул.
А Ипполит между тем унесен благодатной Дианой
В роцци Эгерии был и сокрыт в приюте надежном.
Имя себе изменив и назвавшись Вирбием, здесь он
Век в неизвестности свой средь лесов провел италийских.
Вот почему и теперь в заповедную Тривии роццу
К храму доступа нет крепконогим коням, что на скалы
Юношу сбросили, мчась от морского зверя в испуге.
С пылом отцовским и сын скакунов гонял по равнинам.
Он и сейчас на битву летел, колесницею правя¹.*

Таким образом, мы видим, что Дж. Фрззер ограничился механическим соединением информации из двух наиболее художественно совершенных источников, пересказывающих данный миф, проигнорировав остальные источники. Такого рода соединение тем более неправомерно, что в трагедии Еврипида Артемида не собирается воскрешать Ипполита и лишь оплакивает его смерть (Eur., Hipp., 1282-1439), т. е. речь идет о механическом соединении источников, противоречащих друг другу, без попытки разрешить противоречие.

Источниковая база В. Буркерта сходна: он также ссылается на вышеупомянутое мнение Сервия о родстве культов (едва ли, однако, могущее в наше время само по себе, без дополнительных аргументов, считаться неоспоримым), кратко упоминает о воскрешении Ипполита, опираясь, правда, уже не на Вергилия, а на поэму «Навпактика», и о тождестве Ипполита с италийским Вирбием со ссылкой на Каллимаха. Но в целом при пересказе мифа он, несомненно, опирается на «Ипполита, увенчанного венком» Еврипида. Кроме того, Буркерт приводит данные разнообразных источников о позднейшем культе Ипполита в Трезене и о ряде параллелей к данному мифу. Наконец, он упоминает тра-

гедию Сенеки «Федра» в одном ряду с одноименной трагедией Ж. Расина, т. е. как часть литературной традиции, но не как источник [3, с. 111-118, 198-201].

Ф. Карахаши и К. Лопес-Руис также опираются почти исключительно на данную трагедию Еврипида, лишь кратко упоминая в примечании [5, с. 100, прим. 9] о наличии других источников.

Вывод о родстве мифа об Ипполите с мифами об Аттисе и Таммузе напрямую проистекает из такого подхода к источниковой базе. Дело в том, что именно в указанной трагедии Еврипида виновницей смерти героя оказывается Афродита. В прологе к трагедии (Eur., Hipp., 1-50) она напрямую заявляет, что хочет покарать Ипполита смертью за пренебрежение к дарованному ею чувству любви и именно с этой целью влюбляет в него Федру. Все события трагедии, за исключением появления в конце Артемиды, оправдывающей Ипполита (но не спасающей его от смерти), развиваются по сценарию, предначертанному в прологе мстительной Афродитой. Таким образом, Афродита оказывается, по существу, убийцей Ипполита. Это действительно делает ее похожей на Кибелу, убивающую своего возлюбленного Аттиса, и Иштар, отправляющую в загробный мир своего мужа Таммуза [3, с. 102-111] и пытающуюся убить Гильгамеша, отвергнувшего ее предложение руки и сердца, с помощью небесного быка (подобно тому, как в греческой трагедии Посейдон убивает Ипполита с помощью быка, что, опять-таки, заранее и сознательно спровоцировано Афродитой – см. Eur., Hipp., 44-46).

Однако, если мы посмотрим на другие античные источники, излагающие миф об Ипполите, то увидим, что в подавляющем большинстве из них роль Афродиты не упоминается или оказывается совершенно иной. Во фрагменте поэмы «Тесеида» VI в. до н. э., т. е. источнике более раннем, чем трагедия Еврипида, хотя и дошедшем до нас в пересказе ранневизантийского энциклопедиста Стобея, Афродита не упоминается. Соответственно, весь миф, за исключением вмешательства Посейдона, предстает там как вполне земная

¹ Перевод С. Ошерова.

история порочной страсти и ее несчастных последствий (Stob. IV, 20b, 75). То же можно сказать и о большинстве более поздних источников, полностью пересказывающих миф об Ипполите – эпитоме «Мифологической библиотеки» псевдо-Аполлодора (I, 17-19), фрагменте Асклепиада Трагильского (Schol. Nom. Od. XI, 321), «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского (IV, 62), «Сказаниях» Юлия Гигина (Hug. Fab. 47), «Метаморфозах» Овидия (XV, 497-546), «Описании Эллады» Павсания (I, 22, 1-2; II, 32), комментариях Сервия к «Энеиде» Вергилия (VI, 445 – в этом источнике даже Посейдон заменен обожествленным Эгеем). У христианского автора св. Амвросия Медиоланского в сочинении «О девстве» (III, 2-6) излагается своеобразная версия, согласно которой Ипполит был убит Нептуном из-за соперничества за сердце Дианы, но Венера (Афродита) все равно не упоминается. В схолиях византийского автора Иоанна Цеца к «Алекサンドре» Ликофрона (Tzetz. Lycophr. 449, 610-614, 1329) несколько раз говорится о возведении влюбленной Федрой храмов Афродиты, но иных упоминаний Афродиты в контексте мифа о Федре и Ипполите все равно нет.

Отсутствуют упоминания Афродиты и в большинстве многочисленных источников, излагающих миф лишь частично: «Энеиде» Вергилия (VI, 440-445, VII, 761-782), «Фастах» Овидия (VI, 737-762), фрагменте труда Стафила «Об аркадянах», сохраненном Секстом Эмпириком (Sext. Emp., Adv. Math. I, 261), «Созвездиях» псевдо-Эратосфена (Eratosth., Katasterismoí, 6), «Божественных установлениях» Лактанция (I, 10, 17), «Теофрасте» Энея Газского (993-994) и др.

Лишь Афинея в «Пирующих знатоках» (XIII, 74) объясняет страсть Федры влиянием Афродиты, но при этом напрямую ссылается на Еврипида и даже цитирует его сохранившуюся трагедию, так что этот источник нельзя считать независимым.

Можно, впрочем, назвать ряд важных источников, в которых причиной событий, представленных в мифе, все же является злая воля Афродиты (Венеры), однако ее целью

оказывается мщение не Ипполиту, а Федре. Так, в 4-м письме из цикла Овидия «Героини» Федра пишет (53-62):

*Может быть, этой плачу я любовью семейному року:
Дань Венера со всех предков взимала моих.
Бог в обличье быка, любил Европу Юпитер,
Роду начало, увы, этот союз положил.
Мать Пасифая быку отдалась обманно — и вышел
Плод из утробы ее — бремя семьи и позор.
Помощь сестры спасла вероломного сына Эгея:
Нитью он выведен был из переходов кривых.
Рода закону и я теперь подчинилась последней,
В том, что Миносу я дочь, не усомнится никто¹.*

В этом отрывке любовь Федры к пасынку ставится в один ряд с извращенной страстью ее бабки Европы и матери Пасифаи к быкам, и с любовью ее сестры Ариадны к Тесею. Все эти случаи оказываются результатом рока, наложенного Венерой на род критских царей, происходивший, согласно мифологии, от связи Зевса и Европы, и к которому принадлежала Федра, будучи дочерью критского царя Миноса.

Причину этого родового проклятия Федра объясняет в другом произведении – трагедии Сенеки «Федра» (124-128):

*Венера роду Солнца ненавистного
Давно за цепи мстит свои и Марсовы,
Потомков Феба отягчая гнусными
Пороками. Из Миноид никто еще
Любви не ведал, легкой: всех их грех влечет².*

Речь в данном случае идет о мифе, согласно которому Афродита изменила своему мужу Гефесту с Аресом, но всевидящее Солнце (Гелиос) подсмотрел их связь и сообщил о ней Гефесту, который в наказание сковал любовников невидимыми цепями (Nom., Od., VIII, 266-366). Таким образом, оказывается, что склонность представителей рода критских царей к порочным любовным связям внушена им Афродитой в отместку их предку – Гелиосу. Но в таком случае месть Ипполиту здесь оказывается не при чем. Европа, бабушка Федры, несомненно, влюбилась в быка-Зевса

¹ Перевод С. Ошерова.

² Перевод С. Ошерова.

еще до рождения Ипполита, страсть Пасифаи к быку тоже никак не повредила этому юноше, а любовь Ариадны к Тесею скорее даже помогла ему, поскольку спасла жизнь его отцу в Лабиринте Минотавра. При такой трактовке Ипполит оказывается скорее случайной жертвой мести Афродиты Федре. И действительно, ни Овидий, ни Сенека нигде не пишут о желании Венеры убить Ипполита.

Можно, разумеется, возразить, что поздние (I в. до н. э. – I в. н. э.) римские источники не могут передавать изначальное содержание греческого мифа более адекватно, нежели пьеса Еврипида V в. до н. э. Следует, однако, заметить, что, согласно мнению многих видных филологов, произведения Овидия и Сенеки создавались под влиянием более ранних греческих произведений и, в частности, другой, не дошедшей до нас трагедии Еврипида на тот же сюжет – «Ипполита, закрывающегося плащом» [2, с. 43; 4; 6, с. 1-53]. Источники сообщают, что данная трагедия была отвергнута афинской публикой как «непристойная», и поэтому Еврипид был вынужден написать вторую на тот же сюжет, пойдя на существенные переделки. К примеру, в первоначальной трагедии Федра вела себя дерзко и распутно и сама открыла свою любовь Ипполиту, тогда как в сохранившейся трагедии она стыдится своей страсти, и Ипполиту ее выдает кормилица [см. 2, с. 10-17, 26, 29-45].

Уже это заставляет усомниться в том, что сохранившаяся вторая трагедия отражает изначальное содержание греческого мифа. Вполне возможно, что Еврипид был вынужден смягчить образ не только Федры, но и Афродиты, сделав ее из распутницы, мстящей за изобличение ее супружеской измены, величавой богиней, карающей пренебрежение человека к ее дарам. Очевидно, что честь богини должна была быть для афинской публики еще более значима, чем честь героини.

Дополнительным подтверждением того, что в первоначальной трагедии Еврипида мог содержаться мотив мести Афродиты потомкам Гелиоса, а не Ипполиту, служит следующий отрывок из нее (337-341):

Федра

*Какой любви ты сердце отдавала,
О мать, о мать несчастная моя!*

Кормилица

Ты вспомнила быка иль что другое?

Федра

*О, бедная, и той же рождена
Для ложа Диониса Ариадна...*

Кормилица

Опомнись, дочь... ты свой порочишь род.

Федра

Мне третьей быть добычей смерти, третьей¹.

Таким образом, у Еврипида Федра тоже ставит свою страсть в один ряд со страстями Пасифаи и Ариадны (правда, в отличие от овидиевой Федры, видя проступок последней в связи не с Тесеем, а с Дионисом). Афродита здесь не названа напрямую причиной этого «родового проклятия», но очевидно, что в силу «любовного» характера последнего, обойтись без данной богини здесь не могло. Противоречие с проходящим через всю остальную трагедию мотивом мести Афродиты Ипполиту тут очевидно, и этот отрывок трудно расценивать иначе как рудимент более ранней версии, от которой Еврипид позднее отказался, но не вычистил текст настолько, чтобы полностью устранить ее следы в тексте второй трагедии.

Итак, мы видим, что версия, согласно которой Афродита целенаправленно добивалась смерти Ипполита, встречается только в сохранившейся трагедии Еврипида и зависит от нее в тексте Афиная и чужда остальному (весьма значительному по объему) массиву источников. Больше того, возможно, что она отсутствовала даже в более ранней трагедии того же Еврипида. Мотив мести Афродиты Ипполиту мог быть создан лично Еврипидом в ходе «цензурной правки» второй

¹ Перевод И. Анненского.

трагедии и не иметь фольклорных корней. В таком случае говорить о ближневосточном происхождении данного мотива тем более не приходится. Сходство сохранившейся трагедии Еврипида с мифами о Кибеле, Иштар и Астарте оказывается случайным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии – Москва: Политиздат, 1980. – 831 с.
2. Barrett W.S. Euripides' Hippolytus – Oxford: Clarendon Press, 1964. – 470 p.
3. Burkert W. Structure and History in Greek Mythology and Ritual – Berkeley etc.: University of California Press, 1982. – 226 p.
4. Graf F. Hippolytus [Электронный ресурс] // Brill's New Pauly, Antiquity, Volume 6: [сайт]. [2005]. URL: <http://brillonline.nl/entries/brill-s-new-pauly/hippolytus-e514840>. (дата обращения: 19.05.2013).
5. Karahashi F., López-Ruiz C. Love Rejected: Some Notes on the Mesopotamian Epic of Gilgamesh and the Greek Myth of Hippolytus // Journal of Cuneiform Studies. – Vol. 58. – 2006. – P. 97-107.
6. Zwierlein O. Senecas Phaedra und ihre Vorbilder. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH, 1987. – 74 S.

Новейшая история

УДК 94

Зорин А.Э.

Московский государственный областной университет

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА США В ИТАЛИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

A. Zorin

Moscow State Regional University

U.S. STRATEGIC INTELLIGENCE IN ITALY DURING THE WORLD WAR II

Аннотация. В статье исследуются характерные особенности событий Второй мировой войны, которые традиционно интересны как научным кругам, так и широкой публике. Автор изучает становление и развитие деятельности американской стратегической разведки на итальянском театре военных действий. Особый интерес у автора вызывают закулисные переговоры между американской разведкой и верхушкой нацистской Германии. Опираясь на разноплановые материалы, в том числе мемуары и дипломатические документы, автор приходит к выводам о реальном вкладе Управления стратегических служб США в победу во Второй мировой войне на территории Италии.

Ключевые слова: разведывательная миссия, капитуляция, театр военных действий, движение Сопротивления, подрывная операция.

Abstract. The article examines the characteristics of the events of World War II, which are traditionally interesting for both the scientific community and the public. The author studies the emergence and development of the U.S. strategic intelligence in the Italian seat of war. The backstage talks between the U.S. intelligence and the heads of Nazi Germany arouse the author's special interest. Using diverse materials, including memoirs and diplomatic documents, the author comes to the conclusion about the real contribution of the U.S. Office of Strategic Services to the victory in World War II in Italy.

Key words: reconnaissance mission, surrender, seat of war, resistance movement, subversive operation.

США до вступления во Вторую мировую войну 7 декабря 1941 г. не рассматривали Средиземноморье как сферу своих геополитических интересов. Более того, американские предприниматели имели значительные деловые интересы в фашистской Италии. Поэтому начало войны именно здесь было значительной уступкой Великобритании.

13 июня 1942 г. по личному распоряжению президента Рузвельта было создано Управление стратегических служб (УСС) США. Находившееся в подчинении у Объединенного комитета начальников штабов, УСС пришло на смену Бюро координатора информации, квази-разведывательной организации, во главе которой стоял Уильям Дж. Donovan [5, с. 215]. Его же Рузвельт сделал и начальником УСС. Это назначение давало Donovanу полномочия проводить подрывные политические, партизанские, психологические операции и заниматься шпионажем [7, с. 198].

© Зорин А.Э., 2013.

Своим заместителем по наиболее важному европейскому направлению деятельности УСС Донован назначил видного американского дипломата и предпринимателя Аллена Даллеса, имевшего тесные связи в итальянских политических и промышленных кругах.

В ноябре 1942 г. Даллес прибыл в Берн, чтобы открыть там европейское представительство УСС. Однако начало профессиональной деятельности Даллеса оказалось неудачным. Подготовленные им материалы подвергались в вышестоящих инстанциях строжайшей перекрестной проверке. Донован в конце апреля 1943 г. сообщал Даллесу в телеграмме: «Все новости изерна в последнее время на 100% отбрасываются в военном министерстве, как не заслуживающие доверия» [7, с. 203].

Американцы действовали под присмотром профессионалов из британской Секретной разведывательной службы (МИ-6), основанной официально еще в 1909 г. Успешному сотрудничеству УСС с британскими спецслужбами способствовала сильная симпатия Донована к Великобритании. Существует точка зрения, что Донован позволил представителю британской разведки в Нью-Йорке Уильяму Стивенсону использовать себя в качестве канала влияния не только на президента Рузвельта, но и на американскую общественность. Стивенсон в телеграмме премьер-министру Великобритании Черчиллю называл Донована «нашим человеком» [7, с. 199].

Что касается Италии, то в этом вопросе американцы почти всегда шли на поводу у Черчилля. Сама идея итальянской кампании, по мнению большинства историков, принадлежала премьер-министру Великобритании. Цели кампании были определены на совещаниях союзников в Тунисе в декабре 1942 г. Бывший помощник госсекретаря США Самнер Уэллес писал в своих мемуарах: «Общий план открыто основывался на превосходстве английских интересов в Италии. Было достигнуто соглашение о том, что как в военных, так и в политических организациях американцы будут представлены в том же количестве, что и англичане, однако влияние

американцев должно быть не равным, а меньшим по сравнению с англичанами» [9, р.130].

Когда итальянская операция планировалась, предполагалось, что она закончится до высадки союзников в Нормандии. В реальности сопротивление немцев в Италии продолжалось вплоть до мая 1945 г. В этом была и вина разведслужб союзников, в том числе и УСС. Первоначально американцы имели широкие возможности для действий против Муссолини. В тайных переговорах с УСС были замечены многие представители королевского двора Италии и итальянского Генштаба. По мере разрастания заговора в него оказались втянуты сам король Виктор Эммануил и наследник престола принц Умберто. Уже в январе 1943 г. Гитлер приказал принять все возможные меры, чтобы немецкие оперативные планы не становились известными итальянцам. «Существует большая опасность, – говорил он адмиралу Редеру, – что даже итальянская королевская семья передает разведывательную информацию Великобритании» [3, с. 204]. Фюрер был недалек от истины: информацию получали не только англичане, но и УСС.

25 июля 1943 г. Муссолини был арестован. Новое правительство Бадольо 8 сентября перешло на сторону союзников. Гитлер приказал немедленно оккупировать Италию. Вторжение гитлеровцев было настолько неожиданным и деморализующим, что УСС включилось в закрытые переговоры с немецким фельдмаршалом Кессельрингом для воспрепятствования ареста немцами королевской семьи. В конце концов было решено, что Муссолини будет оставлен гитлеровцам в обмен на обязательство не препятствовать бегству короля, Бадольо и их окружения из Рима.

В своих мемуарах Даллес склонен значительно преувеличивать собственные заслуги в успехах американской разведки в последние годы войны. В действительности значительная часть германской и итальянской элиты понимала бесперспективность дальнейшей борьбы, сама искала контактов с союзниками [1, с. 102]. Многие из высших чинов Герма-

нии, например, стремились избежать ответственности за свои преступления благодаря сотрудничеству с УСС.

Одним из важнейших направлений деятельности УСС во второй половине 1943-1944 гг. была консолидация и всемерная поддержка партизанского движения на оккупированной гитлеровцами территории Италии. Для этой цели при участии УСС в Бриндизи был создан «военный центр», который деятельно принялся изыскивать способы установления контроля над партизанами. Военный центр подбирал персонал разведывательных миссий для засылки в тыл к немцам. По словам Бадольо, с октября 1943 по май 1944 гг. было послано 26 таких миссий, 22 из которых имели радиосвязь с центром [4, с. 46]. Однако посылаемые военным центром эмиссары, как правило, не были способны установить сотрудничество с политическими партиями, а их попытки создать собственную организацию быстро провалились. В конечном счете УСС пришлось сотрудничать с партизанскими группами, связанными с Итальянской коммунистической партией.

УСС постаралось наладить надежные связи с итальянским антифашистским и партизанским движением и действительно добилось ряда успехов. Однако эти успехи не смогли ускорить проведение военных операций на Апеннинском полуострове, и союзные войска так и не смогли добиться здесь решительной победы. В этих условиях УСС решило предпринять ряд шагов, чтобы добиться капитуляции германских войск в Италии. Посредничество в подобных переговорах между союзниками и немцами готовы были оказать многие представители итальянской промышленной и церковной элиты, опасавшиеся прихода к власти коммунистов.

В ноябре 1944 г. представитель католической церкви в Швейцарии сообщил Даллесу, что некий итальянский промышленник по имени Франко Маринотти ищет выход на англичан для организации переговоров о мире. Как выяснилось, за Маринотти стоял генерал СС Вильгельм Гарстер, хотя сам Маринотти утверждал, будто весь замысел подсказан

Гиммлером. Скорее всего, в эту историю был посвящен и глава СД Вальтер Шелленберг [7, с. 366].

Другое предложение поступило от секретаря миланского кардинала Ильдефонсо Шустера, Джузеппе Биччераи. Оно заключалось в том, что германские войска готовы гарантировать сохранность итальянской промышленности в обмен на обещание итальянских партизан не нападать на отступающие соединения гитлеровской армии. Однако партизаны не согласились.

Инициатива высокопоставленного офицера СС генерала Карла Вольфа в изыскании подходов к Даллесу возникла также под влиянием миланского кардинала Шустера. В начале марта 1945 г. Даллес и его правая рука Геверниц по отдельности прибыли на явочную квартиру УСС в Цюрихе для встречи с профессором Максом Гусманом, который выступал как посредник Вольфа. Следующим шагом Геверница и Даллеса было, в интересах безопасности (а Даллес с сомнением относился к инициативе Вольфа и опасался предательства), осторожное посещение медицинской клиники в Цюрихе, в которой они встретились с двумя людьми, переодетыми в пациентов и являвшимися итальянскими патриотами и членами подполья [2, с. 133]. Ферруччио Парри, один из руководителей итальянского Сопротивления, и Антонио Усмани, побывавшие в фашистском плену, были освобождены согласно недавней договоренности. И только живая встреча с этими людьми убедила Даллеса, что Вольф сдержал свое слово и доказал серьезность своих намерений. Развев свои сомнения, Даллес и Геверниц возвратились на явочную квартиру для встречи с Вольфом. Вольф и Гусман появились в 10 часов вечера 19 марта. Вольф старался подчеркнуть, что действует исключительно по собственной инициативе, и ни словом не упомянул о желании получить личные гарантии от преследований. Вольф заявил, что командующий германскими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг пока колеблется по поводу решения о капитуляции. Сам Вольф, напротив, был твердо

убежден, что Германии следует выйти из войны и «прекратить бессмысленное уничтожение людей и разрушение материальных объектов». Он заявил о своей готовности объявить капитуляцию возглавляемых им войск СС в Италии. Для доказательства искренности своих намерений он также предложил сделать несколько дополнительных шагов, например, выпустить совместно с Кессельрингом воззвание ко всем немцам и немецким военачальникам о прекращении военных действий и отказе от подчинения «клике Гимmlера и Гитлера». Кроме того, Вольф собирался объявить о прекращении боевых действий в Италии, освободить нескольких итальянских партизан, захваченных немцами, остановить боевые операции против партизан, выпустить несколько сот евреев, удерживаемых в заключении в Северной Италии, а также гарантировать хорошее обращение с британскими и американскими военнопленными в Мантуе [2, с. 150]. Вольф был убежден, что если удастся убедить Кессельринга действовать сообща, то Гитлер и Гимmlер не смогут принять эффективных контрмер и помешать осуществлению шагов к миру. Тогда на очереди будет полная капитуляция на Западном фронте. К этому времени штаб итальянского контингента союзных войск проявил интерес к подобному развитию событий, но были затребованы дополнительные подробности, в особенности относительно готовности Кессельринга вести переговоры с союзниками. Оставалась еще, однако, и проблема Советского Союза. И британцы и американцы не только считали своим долгом проинформировать Сталина о неожиданном повороте событий, но и полагали, что следует пригласить представителей СССР на церемонию капитуляции [7, с. 386].

Министр иностранных дел СССР Молотов был поставлен в известность 11 марта и на следующий день дал ответ послу США Гарриману. В ответе выражалось согласие направить на переговоры трех советских офицеров. Однако такой вариант привел к усложнению ситуации: государственный департамент США известил, что считает неуместным уча-

стие советских офицеров на нынешней, всего лишь предварительной стадии переговоров, которые проводятся исключительно на англо-американском театре военных действий. Все эти обстоятельства привели к серьезному росту напряженности в американо-советских отношениях. 23 марта Молотов направил ноту британскому и американскому правительствам, в которой резко осуждению подвергались переговоры с немцами «за спиной советского правительства, на плечи которого легли основные тяготы войны с Германией» [6, с. 102]. В дальнейшем целый ряд советских историков утверждал, что Даллес и Вольф вели переговоры, касающиеся не только итальянского театра военных действий и имевшие антисоветскую направленность.

В меморандуме УСС, подготовленном Donovanом для президента 10 апреля, сообщалось, что Вольф, судя по всему, контролирует ситуацию. Генерал фон Фитингоф, новый командующий германскими войсками в Италии, пришедший на смену Кессельрингу, изъявил «безусловное» желание присоединиться к плану Вольфа и капитулировать, если, конечно, процедура сдачи в плен будет «оформлена с подобающим воинским почетом», а его самого не станут потом называть изменником.

Однако так скоро добиться капитуляции Даллесу не удалось. 20 апреля он получил распоряжение руководства, предписывающее ему прекратить все контакты с представителями Германии [2, с. 165]. Это решение явилось результатом послания Объединенного комитета начальников штабов главнокомандующему войсками союзников на Средиземноморском театре военных действий, где утверждалось, что командующий германскими войсками в Италии не готов согласиться на капитуляцию на предложенных условиях. Возможно, еще более важной в этом сокрушительном для Даллеса сообщении была информация о возникших осложнениях в сложившейся обстановке. Большое воздействие на ситуацию оказал приход Г. Трумэна к власти после кончины президента Рузвельта. Трумэн, несомненно, был не в вос-

торге от сомнительной перспективы продолжать унаследованную от Рузвельта ссору со Сталиным по поводу начатых Даллесом переговоров о капитуляции.

Лишь 29 апреля 1945 г. подполковник фон Швайниц от германской армии и майор Веннер, делегированный Вольфом от СС, подписали документы о капитуляции в штабе союзных войск. Миллион германских военнослужащих и военнослужащих армии Муссолини сложили оружие. Последние несколько дней перед церемонией выдались трудными для Даллеса. Многие детали в подготавливаемой капитуляции могли повернуться нежелательной стороной, одна подобная неприятность случилась 28 апреля, когда Кессельринг, вновь назначенный командующим войсками южного направления, – включая итальянское, – не подтвердил свое давнее решение и отказался издать приказ о сдаче войск. 30 апреля Кессельринг сместил со своих постов командующих армейской и эсэсовской группировками и приказал им явиться в штаб группы армий, где военно-полевой суд уже собирался судить их за участие в подписании приказа о капитуляции. Кессельринг известил Вольфа, что тот, будучи офицером СС, подлежит за свои «изменнические» действия наказанию, и в гестапо переданы необходимые материалы.

После множества колебаний, большинство офицеров СС приказали своим частям все же сдаваться в плен, не обращая внимания на приказ Кессельринга. Армейские же офицеры ожидали решения Кессельринга. Наконец, 2 мая фельдмаршал отозвался на непрерывные телефонные звонки Вольфа. После двухчасового уговаривания Вольф добился результата: Кессельринг согласился. Сработал наиболее убедительный для немецких офицеров аргумент: смерть Гитлера освободила Кессельринга от присяги. Война в Италии закончилась.

Таким образом, немцы капитулировали в Италии только в начале мая 1945 г., когда война в целом уже закончилась. Это было безусловной неудачей европейского бюро УСС. Перед УСС ставились задачи обеспечения эффективности военных операций сил союзников, успешной деятельности партизан и скорейшего заключения перемирия на итальянском театре военных действий. Со всеми этими задачами американская стратегическая разведка справилась недостаточно удовлетворительно. При планировании военных операций сведения, добытые УСС, признавались второстепенной непроверенной информацией, а предпочтение отдавалось сведениям, добытым британскими дешифровальными службами. Большой проблемой УСС было отсутствие качественных опытных кадров, в том числе и на руководящих должностях. Это объяснялось тем, что США исторически имели меньший опыт разведывательной деятельности, в отличие от европейских государств.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даллес А. Тайная капитуляция. – М.: Центрполиграф, 2004. – 352 с.
2. Советско-американские отношения, 1939-1945 гг. Сборник документов и материалов. – М.: Материк, 2004. – 789 с.
3. Безыменский Л.А. Тайный фронт против второго фронта. – М.: АПН, 1987. – 276 с.
4. Ильинский М.М. Жизнь и смерть Бенито Муссолини. – М.: Вече, 2000. – 464 с.
5. Мальков В.Л. Разведка союзников в годы войны// Вторая мировая война: Актуальные проблемы (Сборник статей). М.: Наука, 1995. С. 213.
6. Полмар Н., Аллен Т.Б. Энциклопедия шпионажа/ Перевод с англ. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999.
7. Уоллер Дж. Невидимая война в Европе/ Перевод с англ. Смоленск: Русич, 2001. – 416 с. (Мир в войнах).
8. Welles S. Where Are We Heading? New York: Hamish Hamilton, 1947.

УДК 94"19/..."

Барабанов М.В.

Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова

**ИЗ ОПЫТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ «ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ»
ТРАНСФОРМАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ;
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

M. Barabanov

Moscow State Humanitarian University
named after M. Sholokhov

**FROM THE EXPERIENCE OF THE POLITICAL "POST-COMMUNIST"
TRANSFORMATION IN EASTERN EUROPE; SOME PROBLEMS**

Аннотация. В статье речь идет о трудностях политического реформирования в странах Восточной Европы в постсоциалистический период; подчеркивается, что на протяжении переходного периода новые власти допускали серьезные политические просчеты. Новой политической элите и политическим партиям восточноевропейских стран не удалось окончательно решить ряд сложных политических проблем. К их числу автор относит: несовершенство партий и партийных систем; неадекватная назначению роль политических партий в формировании гражданского общества; негативные явления во взаимодействии многопартийности, демократии и выборов; несоответствие симпатий избирателей составу парламентов; существование «фиктивного» и «нелиберального» парламентаризма; нарушение демократического плюрализма и отсутствие терпимости; высокомерное отношение политической элиты и властей к гражданам; отстранение от участия в политическом процессе определенной части общества; люстрация.

Ключевые слова: «посткоммунистическая» трансформация, демократия, политическая партия, многопартийность, партийные системы, парламентаризм, гражданское общество.

Abstract. The article discusses the difficulties of political reforming in the countries of Eastern Europe in the post-socialist period. It is emphasized that during the transition period new governments made serious political mistakes. New political elite and political parties of the East European countries failed completely to solve a number of difficult political problems. Among them the author mentions: the imperfection of the parties and party systems, inadequate role of the political parties in the development of the civil society; negative phenomena in the interaction of multi-party democracy and election campaigns; discrepancies between the electorate's sympathies and the membership of parliaments; the existence of "fictitious" and "non-liberal" parliamentarism; the violation of the democratic pluralism principle and the lack of tolerance; the arrogant attitude of the political elite and governments to the citizens; the suspension of a certain part of the society from participation in the political process; and lustration.

Key words: "post-communist" transformation, democracy, political party, multi-party system, party systems, parliamentarism, civil society.

В конце XX в. в странах Восточной Европы (ВЕ) начался процесс глубинных политических, экономических и социальных преобразований, направленных на устранение модели «развитого социализма» и создание демократической политической системы и рыночной экономики. Эти преобразования в политической литературе значительная часть исследователей стала обозначать термином «посткоммунистическая» трансформация. Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Болгария и Румыния, проводя решительные политические и экономические реформы, накопили большой положительный опыт и как следствие – стали членами

Европейского союза. Принято считать, что в начале XXI в. со вступлением указанных восточноевропейских стран в Европейский союз, «посткоммунистическая» трансформация для них в целом закончилась.

Сегодня Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Словения, Болгария и Румыния, по мнению российского исследователя В. Кудрова, «уверенно продвигаются вперед по избранному пути в общем русле мирового цивилизационного прогресса, и их приверженность принципам этого прогресса получила в мире заслуженное признание» [7, с. 122]. Другой отечественный исследователь М. Горбаченко добавляет, что «все заметные политические силы» восточноевропейских стран «признают действенность демократических правил политической игры, а граждане поддерживают нормы демократии» [4, с. 403].

Соглашаясь в целом с подобными утверждениями, всё же необходимо заявить, что достижения стран Восточной Европы нельзя идеализировать. На протяжении переходного периода новые власти допускали серьёзные политические просчеты. Новой политической элите восточноевропейских стран и их политическим партиям не удалось окончательно решить ряд сложных политических проблем. Назовем из этих проблем самые существенные.

Первая проблема – несовершенство партий и партийных систем. Трудно найти тех, кто бы не признавал особую роль политических партий в формировании демократического общества – роль универсального института, связывающего граждан и государство, обеспечивающего представительство различным социальным слоям в государственных органах власти.

Финский исследователь Э. Аллард отмечал в начале 2000-х гг., что в работах зарубежных авторов, в которых исследовались проблемы демократии и демократизации в странах Восточной Европы, делался в основном акцент на успехах. Между тем, подчеркивал Э. Аллард, «процесс демократизации в центре Восточной Европы изобиловал» недостатками. К их числу финский автор относил: «отсут-

ствие стабильных партий, действовавших в масштабе всей страны» и выражавших интересы крупных социальных групп; чрезмерно большое количество политических партий, «отсутствие кристаллизации партийной системы» и т.п. [1, с. 64].

Действительно, в ходе постсоциалистических трансформационных процессов в странах Восточной Европы выявились серьёзные проблемы с созданием и функционированием политических партий. Заметим, что ещё до посткоммунистических преобразований сами революции – «бархатные» или «нежные», получившие название демократических, в большинстве своем не опирались на политические партии с оформленной демократической идеологией.

Но и после этих «демократических революций» не были сформированы идейные демократические ценности действующих политических партий; их программы отличались эклектичностью. В ходе расширения партийно-идеологического спектра политические партии часто «эволюционировали», перемещаясь с одного фланга на другой. Но самое тревожное – некоторые политические партии переходили на позиции популизма, и даже – национал-популизма.

В ходе бурного процесса «партийного строительства» в странах Восточной Европы обнажились многие проблемы, в частности, «вождистский» характер создаваемых новых политических партий, «трубивших» о демократическом характере своей деятельности. Российский исследователь Ю. Коргунюк отмечал в своё время, что тенденция к персонализации публичной политики охватила и Запад, и Восток. «В условиях ползучей деидеологизации политической жизни эта тенденция вполне объяснима, – писал он, – размываются программные различия между партиями, разрушается их организационная структура...» [9].

Сегодня вряд ли кто может безапелляционно утверждать, что в странах Восточной Европы политические партии окончательно стали одним из институтов, обеспечивающих реализацию права граждан участвовать в управлении делами государства.

Слабость политических партий во многом предопределило и несовершенство партийных систем в странах Восточной Европы. Некоторые зарубежные авторы утверждают, что там так и не сложились устойчивые партийные системы. А ведь развитая партийная система способствует приданию политическому процессу необратимого стабильного демократического характера.

Вторая проблема – неадекватная назначению роль политических партий в формировании гражданского общества. Известный знаток современной истории восточноевропейских стран Н.И. Бухарин под гражданским обществом понимал «качественное состояние общества, обретшего определенную самостоятельность и ощущение силы в отношениях с властными структурами, способность влиять на органы государства и даже определять содержание их деятельности» [3, с. 27].

В число важнейших компонентов гражданского общества входят, как хорошо известно, политические партии, поскольку они «являются добровольными объединениями граждан» [11, с. 17]. Существовавшие и существующие сегодня проблемы в деятельности партий в странах Восточной Европы влияют на процесс формирования гражданского общества. Примеров этого негативного влияния можно привести достаточно много. Взять хотя бы, попытки некоторых крупных и мощных политических партий установить контроль над средствами массовой информации, запугать и запретить независимую прессу, использовать популярные газеты и журналы в эгоистических интересах партий или правительств. Всё это и другое приводит к созданию «подчиненного гражданского общества», а такое общество лишено активности и креативности; оно функционирует на условиях, установленных политической элитой.

Исторический опыт «посткоммунистической» трансформации в странах Восточной Европы показывает, что гражданское общество является там недостаточно развитым.

Третья проблема проявляется во взаимодействии многопартийности, демократии и

выборов. Создание многопартийности важно не само по себе. Новая партийная система призвана развивать и совершенствовать демократические институты, в частности, выборы.

Немало зарубежных исследователей в своих рассуждениях о демократическом процессе в Восточной Европе исходили и исходят из того, что «состязательные выборы, проводимые в восточноевропейских странах», «конкурентная борьба за политическую власть посредством проведения всенародных выборов» – это уже и есть истинная демократия.

Политическая практика в странах Восточной Европы в период «посткоммунистической» трансформации заставляет усомниться в точности приведенных суждений. Выборы нельзя абсолютизировать. «Возможность менять лиц у «кормила власти» посредством регулярных выборов ничего в этом механизме связки частных интересов политиков и интересов групп народа не меняет, – писал наш отечественный исследователь Б.Г. Капустин. – Ведь новые власти предрасполагающие будут действовать в той же логике, не говоря о том, что сохранение или обретение власти может быть опосредовано чем угодно, а не только реальным удовлетворением интересов избирателей. Это и ставит вопрос: зачем народу поддерживать такую демократию?» [6, с. 61-62].

Принято считать во многих странах Восточной Европы, что пропорциональная система выборов – самая эффективная. Действительно, эта система имеет положительные моменты; пропорциональная система организации и проведения выборов обеспечивает представительство более широкого спектра политических сил. Но «партийные списки» как главный элемент пропорциональной системы лишает значительную часть профессионально подготовленных людей возможности быть представленными в законодательных собраниях всяких уровней.

Пропорциональная система может привести к парадоксальной ситуации, когда мелкие политические партии получают решающую роль в создании правящей коалиции и, таким

образом, приобретают непропорционально большой политический вес. Всё это ставит под угрозу легитимность демократии.

Четвертая проблема – несоответствие составов парламентов и политических симпатий избирателей. Эта проблема проявилась в тех восточноевропейских странах, где предпринимались попытки парламентских партий манипулировать избирательной системой в своих интересах, где принимались законы, которые давали необоснованные преимущества победителям предыдущих выборов, где шел процесс отчуждения избирателей от законодательной власти.

Представление избирателей о том, что политические партии недостаточно полно выражают их интересы, усиливается, когда они видят, как верхушка партий, будучи у власти, обогащается. А когда такая ситуация осложняется нарастающими экономическими трудностями, финансовыми скандалами – всё это обнажает проблему «продажности партий и партийных функционеров».

Так называемые «демократические выборы» в органы государственной власти превратились «в борьбу за влиятельные позиции, кресла и кабинеты», – пишет журналист-международник из Словакии Иван Дзуриндин. Он отмечает, что «парламент, поделенный на правящую коалицию и оппозицию, перестает быть конструктивным инструментом экономического, социального, правового и нравственного регулирования общества». Этот парламент, продолжает рассуждать автор, «превращается в арену закулисных игр и интриг, за которыми маячит власть», депутаты уже в «момент выборов в представительные органы забывают об избирателях» [5, с. 105-106].

Пятая проблема – существование «фиктивного парламентаризма». Парламентаризм, полагают многие исследователи, – это «система государственной власти, при которой четко распределены функции законодательных и исполнительных органов при решающей роли парламента» [10, с. 164; 12, с. 5; 8, с. 27].

Что же представляет собой «фиктивный парламентаризм»? Эта такая практика, ко-

торая лишает в действительности парламент присущих ему законодательных полномочий. Происходит скрытое и не скрытое воздействие на депутатов со стороны определенных групп бизнес-элиты и политической элиты, правительственной бюрократии и т.п. Незаконное вторжение в сферу компетенции парламентов может осуществляться и международными учреждениями, и всякого рода неправительственными организациями через известный рычаг – финансовую помощь, финансовые обещания и т.п.

Шестая проблема – функционирование «нелиберального» парламентаризма. В чём эта проблема проявляется? Парламенты могут вмешиваться в компетенцию других институтов власти; партии и парламенты или пренебрегают в своей деятельности существующими нормативными актами, или не могут разработать конституционные положения и механизмы контроля, гарантирующие законность и демократию.

Недемократической является и общепринятая практика при назначении на государственные и правительственные должности, считает упомянутый аналитик И. Дзуриндин. Правящая коалиция, по его мнению, «правит на основании коалиционного договора, раздавая избранным сторонникам, часто не обладающим достаточной квалификацией, ведомства и кресла словно феодалские наделы» [5, с. 105-106].

Седьмая проблема – нарушение демократического плюрализма и отсутствие терпимости. Избиратели, граждане тех или иных стран нередко наблюдают телевизионные картинки, где поведение депутатов в парламенте вызывает у них возмущение; они видят злобные личные выпады или угрозы, проявления ксенофобии, обвинения в измене и т.п. – всё это и другое подрывает демократию.

Нередко политические партии используют риторику, изображающую политических противников как экстремистов, распространяют заведомо ложную информацию о своих противниках. Все это, с одной стороны, ведет к нарушению норм демократического плюрализма и терпимости, с другой – к воз-

никновению и усилению таких политических сил, которые могут поставить под угрозу само существование демократии.

Проблема политической нетерпимости или даже ненависти как негативный феномен проявляется во многих странах. В Польше, к примеру, он существовал между коммунистами и посткоммунистами, левыми и правыми радикалами. После отстранения коммунистов от власти польский народ оказался в непривычной ситуации внутреннего противостояния, в атмосфере общественной вражды. В последнее время феномен «политической ненависти» проявляется во взаимоотношениях между национал-консервативной партией «Право и Справедливость» и либерал-консервативной «Гражданской платформой». По нашему мнению, это конфликт между различными группами политических элит вместе с их электоратом; в феномене «ненависти» есть и социальное содержание.

Восьмая проблема – эта проблема высокомерного отношения политической элиты и властей к гражданам. В период социализма население Восточной Европы уже имело болезненный опыт безразличия к нему со стороны коммунистических властей, несмотря на их «заботливую» риторику.

Складывалось впечатление у многих восточноевропейцев, что те времена никуда не ушли – всё тоже недоброжелательное, а порой презрительное отношение властей к тем, кто их выбирает. Но ведь демократия требует, чтобы граждане могли ожидать уважительного отношения к себе; настоящей проверкой для демократического государства является внимательное, чуткое обращение его функционеров с людьми.

Девятая проблема – отстранение от участия в политическом процессе определенной части общества. Существование такой проблемы, проявляется, к примеру, в лишении гражданства. Речь идет, прежде всего, об этнических меньшинствах. Попытки лишить гражданских прав этнические меньшинства имели место в ряде восточноевропейских стран. К примеру, болгарские власти пытались запретить деятельность главной полити-

ческой организации турецкого меньшинства в Болгарии – Движения за права и свободы.

Бывали случаи в ряде восточноевропейских стран, когда власти пытались перекрыть избирательные округа, чтобы или исключить политическое представительство этнических меньшинств, или в значительной степени уменьшить их присутствие в законодательных органах различных уровней.

Попытки лишения граждан политических, гражданских прав угрожают демократии; она, в конечном счете, разрушается, если политический процесс противоречит интересам целой национальной или социальной группы.

Десятая проблема – люстрация. Это – «политическая форма легитимации нового государственного режима (демократического или тоталитарного)», – пишут профессора права В. Бойцова и Л. Бойцова. Люстрация, отмечают авторы, «осуществляется не обязательно в строгих юридических рамках, поскольку ее цель – «отмщение и аз воздам» – носит преимущественно характер идеологического противостояния правящей новой элиты и сходящей с исторической сцены обанкротившейся политической камарильи» [2, с. 66].

Надо заметить, что очищение публичной службы от бывших коммунистов, ретивых проводников социалистических идей, было в целом оправданным и поддерживалось многими политическими партиями и общественностью восточноевропейских стран. Но ни один посткоммунистический режим в Восточной Европе не нашел верного решения этой задачи. Безболезненно отстранить бывших коммунистов от публичной власти не удалось. Эта, так называемая, «чистка» создала новую несправедливость.

К счастью для восточноевропейских обществ, процесс «отлучения» бывших коммунистов не получил развития. В Польше активист «Солидарности» Б. Геремек призывал население Восточной Европы сделать выбор «между Нюрнбергом и постфранкистской Испанией» в пользу последней, «закрывшей двери за прошлым». В Венгрии в 1992 г. была попытка принять закон, который устанавливал привлечение к уголовной ответственности

сти без срока давности «лиц, совершивших в декабре 1944 – мае 1990 гг. предательство Родины». Предусматривалось наказание вплоть до пожизненного заключения. Под формулировку «предательство Родины» могли попасть все граждане бывшей социалистической Венгрии. Конституционный суд, рассмотрев этот «закон мести», признал его неконституционным [2, с. 66-89].

В Болгарии и Румынии процесс люстрации не состоялся; в Чехословакии люстрация коснулась лишь немногих людей. «Население не проявляло особого интереса к судебным процессам и не получило от их результатов удовлетворения» – утверждают наши соотечественники В. Бойцова и Л. Бойцова [2, с. 88]. Сегодня можно говорить о «свертывании» «люстрационного процесса» во многих посткоммунистических государствах. Причины свертывания «люстрационных гонений» кроются в понимании того, что люстрация является «обычной» борьбой за власть; но главное возникла потребность общества в примирении. Многие жители стран Восточной Европы видят в этом победу здравого смысла.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что названные проблемы и просчеты в политическом реформировании восточноевропейских стран, нисколько не умаляют громадную работу, проведенную политическими партиями, государственными институтами, политической элитой, обществом в целом по демократическому преобразованию своих стран. Есть основания утверждать, что постепенно им удастся устранить все препятствия на пути к истинной и всеобъемлющей демократии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аллард Э. Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологические исследования.-2002. – № 9. – С.60-66
2. Бойцова В., Бойцова Л. Люстрация в Центральной и Восточной Европе. Акт справедливости или способ легитимации новой правящей элиты? // Правозащитник. – 1999. – № 3. – С. 66-89.
3. Бухарин Н.И. Строительство гражданского общества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 90-е годы XX века – начало XXI века // Новая и новейшая история. – 2005. – № 1. – С. 26-49.
4. Горбаченко М.В. Становление и развитие партий и партийных систем в странах Восточной Европы в контексте «посткоммунистической» трансформации: Дисс. ... кандидата исторических наук. М., 2011. – 425 с.
5. Дзуриндин И. Кризис демократического парламентаризма в условиях неолиберализма // Обозреватель – Observer. – 2009. – № 10. – С.105-108.
6. Капустин Б.Г. Теоретические идеи транзитологии // Вестник Фонда развития политического центризма. – 2002. – № 18-19. – С. 56-63
7. Кудров В. Рыночная трансформация в странах Центрально-Восточной Европы: к оценке накопленного опыта // Общество и экономика.- 2006. – № 5. – С.122-167.
8. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм: Теория и практика. – М.: РГГУ, 2001. – 350 с.
9. Независимая газета. – 2008. – 5 февраля.
10. Политологический словарь. В двух частях. Ч. 1. – М.: «Луч».1994. – 208 с.
11. Проблемы политической социологии. Выпуск 3. / Ответ ред. Оганисян Ю.С. – М.: ИС РАН, 2005. – 188 с.
12. Степанов И.М., Хабриева Т.Я. Парламентское право России: учеб. пособие. – М.: Юрист, 1999. – 392 с.

УДК 94"19/..."

Жирыков И.Г., Барабанов М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

ФЕНОМЕН «ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕПРИЯТИЯ» РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬШЕ

I. Zhiryakov, M. Barabanov

*Moscow State Humanitarian University
named after M. Sholokhov*

PHENOMENON OF "POLITICAL REJECTION" OF RUSSIA IN MODERN POLAND

Аннотация. В настоящей статье речь идет о феномене «политического неприятия» России в современной Польше, выявляются причины его существования, которые кроются, прежде всего, в истории непростых двусторонних польско-российских отношений, в политике польских элит, политических партий, в неадекватности понимания польской стороной своих геополитических интересов. Авторы статьи подчеркивают, что для устранения рассматриваемого негативного феномена нужны усилия как со стороны Польши, так и со стороны России, что добрососедское развитие российско-польских отношений отвечает долгосрочным интересам народов двух стран.

Ключевые слова: феномен, «политическое неприятие», русофобия, польский этноцентр, политическая партия, политическая элита, «историческая политика», геополитика, доктрина Гедройца, «Восточное партнерство», «историческая память».

Abstract. The present article discusses the question of the phenomenon of "political rejection" of Russia in modern Poland, the reasons of its existence which lie, first of all, in the history of rather difficult bilateral Polish-Russian relations, as well as in the policy of the Polish elite, its political parties, and in the Polish party's inadequate understanding of its geopolitical interests.

The authors of the article emphasize that efforts should be taken both from Poland, and from Russia to eliminate such negative phenomenon. Good-neighboring development of the Russian-Polish relations meets the demands of long-term interests of the people of both countries.

Key words: phenomenon, "political rejection", russo-phobia, Polish EtnoCentrum, political party, political elite, "historical policy", geopolitics, Gedroyts's doctrine, "East partnership", "historical memory".

Нашей стране и её народам хорошо известны из истории многочисленные примеры антирусских и антироссийских настроений в различных странах. В их число, к сожалению, входит и Польша. Примеры этих настроений демонстрирует и сегодняшняя международная жизнь.

При этом, на наш взгляд, надо различать антирусские и антироссийские настроения. Антирусские настроения в Польше, конечно, есть, но они незначительны и не столь заметны; особо не выплескиваются наружу. Настораживает и огорчает масштаб антироссийских настроений – неприятие России как государства. Многие исследователи называют сегодня Польшу среди первых стран Европы, которые относятся к России недружественно.

Сразу же отметим, что феномен «политического неприятия» России – неприятие России как государства – возник в Польше давно; это неприятие имеет многовековую историю. У Польши накопилось много исторических претензий к России.

Польский профессор Ежи Вятр выделяет пять сложных периодов в истории польско-российских отношений: первый – соперничество в борьбе за главенство в Восточной Европе (до

конца XVII в.); второй – «российское господство на значительной части польских земель, начиная с Великой Северной войны (1700–1709) вплоть до восстановления независимости Польши в 1918 г.»; третий – «борьба Польши в период между мировыми войнами против угрозы Германии, с одной стороны, СССР – с другой, завершившаяся крахом усилий польского правительства в изгнании, направленных на сохранение довоенной восточной границы и недопустимость навязывания Польше зависимости от СССР»; четвертый – «ограниченный суверенитет послевоенной Польши, находившейся вплоть до конца 80-х гг. XX в. в сфере влияния СССР»; пятый – период «полной самостоятельности Польши после распада СССР» [4, с. 24].

В истории взаимоотношений России и Польши было немало конфликтных событий. И это, конечно, нашло отражение в польском массовом сознании. Всё, что было трагического в польско-российских отношениях, в польском сознании принимает масштабные формы, абсолютизируется. В оценке исторических событий, связывающих Польшу и Россию, явно просматривается «польский комплекс». Польский исследователь Л. Сыкульский усматривает в нем «зацикленность на негативных моментах русско-польской истории, чрезмерную приверженность теме жертвенности Польши перед Российской империей и СССР, «культу мёртвых» и толкованию польской истории как непрерывного страдания, чей неизгладимый отпечаток делает польскую культуру столь активно депрессивной и непримиримой во взаимоотношениях с восточным соседом» [7, с. 164].

Некоторые наши исследователи полагают, что истоки польского, мягко говоря, «недружелюбия» надо искать в «этнопсихологии» и «этносоциологии». Германский этносоциолог Вильгельм Мюльман ввёл, как известно, такое понятие, как «этноцентр». Этноцентр – это форма этнического мышления, это осознание этносом самого себя в рамках пространства, где этот этнос обитает. «Польский этноцентр подсознательно ощущает мощь этноцентра русских как более мно-

гочисленного имперского народа, к тому же народа не католического, – пишет исследователь В. Гулевич, – польский этноцентр не настроен на миролюбивые отношения с русскими по той причине, что боится «впустить в себя» того, кто мощнее, энергичнее и многочисленнее». «Польский этноцентр боится «утонуть» и раствориться в русском этноцентре», – утверждает упомянутый исследователь [6].

Особенно значимыми и чувствительными для поляков является двадцатое столетие в отношениях Польша – Россия. Речь идет, прежде всего, о советско-польской войне 1919-1921 гг. Эту войну в Польше называют «польско-большевистской» войной.

Российские политики, ученые, российская общественность в большинстве своем признают авантюристичность и преступность действий большевистского руководства, развязавшего эту войну, которая, в конечном счете, должна была вызвать «мировой революционный пожар».

Но существуют неудобные вопросы и к польской стороне; речь, в частности, идет о гибели пленных красноармейцев в польских лагерях. Практически все обвинения с российской стороны, адресуемые Польше, отвергаются. Многие в Польше не согласны с утверждениями некоторых российских историков о том, что цели Варшавы во время советско-польской войны были крайне агрессивными – восстановление Польши в исторических границах Речи Посполитой 1772 года, с установлением контроля над Литвой, Белоруссией и Украиной, включая Донбасс. Они не хотят признавать, что Пилсудский был экспансионистом, не скрывавшим, что главной мишенью является Россия; отрицают, что именно польская сторона перешла к активным насильственным действиям и т.п.

Поражение большевистской Красной Армии принято считать в польской историографии «чудом на Висле», имея в виду, что оно спасло Польшу от поражения. Тема советско-польской войны – стержневая тема польской историографии. «Дата Варшавского сражения – дата-символ, политико-психоло-

гическая вежа, знак-выражение извечного, как считают поляки, противостояния защитницы западной цивилизации – Польши и «русских варваров» [6].

Долгое время одной из трудных проблем наших двусторонних отношений с Польшей была катынская трагедия. В Катыни, как известно, в 1940 г. были расстреляны пленные польские офицеры. Российское руководство от имени всей страны и её народов осудило преступления сталинского режима. «Этим преступлениям не может быть никаких оправданий, – говорил В.В. Путин. – В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям». Относительно исторической памяти, правды и так называемой «катынской лжи» В.В. Путин добавил: «Нам не дано ее изменить, но в наших силах сохранить, восстановить правду и историческую справедливость... Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах, но такая же ложь – возлагать вину за эти преступления на российский народ» [15].

В нашей стране считают, что «Катынь – это наша общая боль и наша общая трагедия, что Катынь может и должна стать символом российско-польского исторического примирения» [11]. Но и сегодня для некоторых поляков и определенных политических кругов «катынская тема» не закрыта: сталинское преступление в Катыни они рассматривают как «символ угнетения поляков Россией».

«Есть еще много других исторических событий, которые остались яблоком раздора между поляками и русскими, хотя большинство из них уже давно не вызывает никаких разногласий между учеными-историками», – пишет известный польский ученый М. Волос [3, с. 215]. Он имеет в виду, например, разделы Польши в конце XVIII в., пакт Молотова – Риббентропа, Варшавское восстание 1944 года и т. д.

Еще одно важное и сложное событие в истории взаимоотношений России и Польши – 4 ноября 1612 г.; это день освобожде-

ния Москвы от польских войск. С 2005 г. в нашей стране это событие празднуется как День народного единства. Известие об установлении этого праздника в России многих поляков удивило. Консул Польши в Санкт-Петербурге, историк, профессор Варшавского университета Хероним Граля считает, что новый российский праздник «не ущемляет национального достоинства поляков, а удивляет их». Он также заметил, что «непонятно, как можно праздновать день капитуляции в Москве польского войска, если вместе с ним капитулировали сам Михаил Романов и его приближённые? А в войске польском были не только поляки, но и белорусы, литовцы, украинцы» [14].

Можно, конечно, не реагировать, на «эти удивления» некоторых поляков; в конечном счете, установление праздников – это наше внутренне дело. Но, учитывая «щекотливость» ситуации, нашей российской стороне следовало бы «поработать» с польскими коллегами; объяснить, что такой праздник в России был установлен ещё в 1649 г., и оставался таковым до прихода к власти большевиков.

Упомянутый польский исследователь М. Волос замечает, что «поиски взаимопонимания в исторических вопросах, преодоление существующих стереотипов» – это задача для ученых, историков, интеллектуалов, преподавателей [3, с. 215]. Хотелось бы к этому добавить: не только «для ученых, историков, интеллектуалов, преподавателей». Это важно для всех – поляков и россиян, думающих о нормальных, как принято сегодня говорить, цивилизованных отношениях.

Период «социалистического эксперимента», или, как в Польше его называют, период «советизации», – также является периодом негативной в целом оценки современной польской политической элитой и многими политическими партиями. Они забывают, что в тот период в отношениях между Польской Народной Республикой и Советским Союзом было немало хорошего и позитивного. «Это касалось не только вопросов политического, военного и экономического взаимодействия, но и, что важно отметить,

духовно-культурной сферы», – писал в мае 2010 г. тогдашний руководитель верхней палаты нашего парламента С.М. Миронов [11]. Хотя надо признать, что и в отношениях ПНР и СССР возникали некоторые трения.

Сегодня с российской стороны звучат справедливые утверждения о том, что «наличие проблемы взаимного восприятия, а также разные подходы к трактовке исторических, да и текущих событий, несомненно, осложняют весь комплекс российско-польских отношений. Но гораздо более важно то, что эта проблема, во-первых, обнаружена и признана обеими сторонами, во-вторых, имеется готовность вынести ее за исключительно политические рамки двусторонних отношений, деполитизировать вопросы истории и взаимного восприятия, перенести их в область научного анализа» [18, с. 67].

После 1989 г. начался новый этап в отношениях России и Польши. «Новым в польско-российских отношениях стало то, что они полностью освободились от идеологических элементов» – замечает польский исследователь Ежи Вятр. Но некоторые польские политики объяснимое желание с 2000-х гг. нового российского руководства возродить могущество свое страны рассматривают как «возрождение политической гегемонии СССР». При этом многие польские политики полагают, что «обязанностью демократической Польши является поддержка демократических оппозиционных движений в России, что вносит в межгосударственные отношения идеологический элемент – только на этот раз с польской, а не с российской стороны», – пишет Ежи Вятр [4, с. 26].

После крушения социализма в Польше появилось новое направление внешней политики относительно восточных соседей, которое до сих пор называется доктриной Гедройца – Мерошевского. Суть этой доктрины заключается, в частности, «в развитии и поддержке культурных и научных связей с Россией и тесном взаимодействии с демократическим и либеральным течением в политической жизни российского государства» [3, с. 217-218]. Причем определять степень «демократизма и

либерализма» в политической жизни нашей страны будет сама Польша.

Надо признать, что в 90-е гг. XX в. действия российской стороны также нельзя назвать взвешенными; тогдашние российские политики не раз демонстрировали своё пренебрежительное отношение к Польше.

Одним словом антироссийские настроения не исчезли. Заметим, что в Польше в политической элите «руссофобство» не считается компрометирующим явлением [4, с. 26]. Надо признать, что антироссийские настроения были присущи многим партиям в Польше, независимо от политической ориентации. Польский публицист Я. Липский, ветеран Армии Крайовой, утверждал в своё время, что «без руссофобии нет польского патриотизма» [17].

Политики «Союза демократических левых сил», когда стояли у власти, совершили такие шаги, которые Москва восприняла как враждебные. Вспомним хотя бы поддержку А. Квасневским «оранжевой революции» на Украине. Аналогична ситуация с «Гражданской Платформой».

В 2004 г. Польша вступила в Европейский союз. С одной стороны, членство в ЕС «наложило на Польшу определенные ограничения в международном плане, в основном в отношениях с Россией, которые повлияли на смягчение польской антироссийской риторики в общих интересах Евросоюза» [16, с. 60]. «К счастью, отношения Польши с Россией будут во всё большей степени складываться через посредство Евросоюза, а акции нашей местной оппозиции станут иметь всё меньшее значение», – утверждал в своем интервью А. Квасневский. – Польша тоже не может иметь в мире руссофобскую репутацию. Потому что обособиться, изолироваться от России не удастся: с Россией хотят договариваться немцы и французы [9].

Но с другой стороны, Польша со вступлением в Европейский союз пыталась самым активным образом влиять на определение и реализацию восточной политики, или, как её иногда называли аналитики, «восточного измерения» ЕС. Новой «восточной политикой»

открыто ставилась задача отрыва Украины, Молдавии и Белоруссии от России и содействия вступлению этих стран в НАТО и ЕС, отмечал известный российский исследователь современной Польши Н. Бухарин [2]. В 2006–2007 гг. в орбиту своей восточной политики премьер-министр Польши Ярослав Качиньский и его брат-близнец президент Лех Качиньский включили страны Южного Кавказа – Грузию и Азербайджан.

Основной «носитель» политического неприятия России в Польше – это партия «Право и справедливость» (ПиС), возглавляемая братьями Качиньскими. ПиС – радикальная консервативная партия, в программе которой очень сильны элементы популизма и национализма [1, с. 147]. При этом партия братьев Качиньских, вместе с двумя другими небольшими партиями – популистской «Самообороной Речи Посполитой» А. Леппера и правой националистской, католической и антисемитской «Лигой польских семей» Р. Гиртыча, – составляли в своё время правящую коалицию Польши.

Пик антироссийских настроений в Польше падает на время правления страной партией «Право и справедливость»; она находилась у власти с октября 2005 г. по октябрь 2007 г. Тогда в силу позиции польского руководства о потеплении отношений между Польшей и Россией не могло быть и речи.

Безусловно, противостояние России и Польши является инструментальным, пишет известный геополитик В. Коровин, – оно стимулируется со стороны США. Правление Качиньского, по мнению этого автора, «было пиком этого противостояния, равно как и политической напряженности в двухсторонних отношениях» [10].

На досрочных парламентских выборах в 2007 г. партия «Право и справедливость» проигрывает; побеждает «Гражданская платформа», лидер которой Д. Туск становится премьер-министром. После гибели Леха Качиньского в 2010 г. кандидат от этой партии – Б. Коморовский избирается президентом.

Первые выступления нового польского премьера-министра обнадеживали всех, кто

искренне хотел решительного улучшения польско-российских отношений. «Мы не имеем морального права оставить будущим поколениям груз недоверия друг к другу, – говорил Д. Туск. – В Европе XXI века просто нет альтернативы подлинному добрососедству между народами Польши и России. Для наших народов, которым суждено быть рядом, этот выбор достоин нашей общей трагической, но великой судьбы» [12].

Безусловно, с приходом новой власти накал антироссийских настроений значительно снизился, но они не исчезли.

Одной из своих основных внешнеполитических задач в рамках ЕС новое руководство Польши по-прежнему считало «работу по укреплению сотрудничества с партнерами на постсоветском пространстве через реализацию концепции «восточного» измерения внешней политики ЕС, нашедшего свое практическое воплощение, в частности, в проекте так называемого «Восточного партнерства» [16, с. 60].

Не вдаваясь в подробности этого проекта, следует всё же заметить, что этот проект имел и имеет антироссийскую направленность. Проект «Восточного партнёрства» получает, в частности у польского автора Лешека Сыкульского, трактовку «Партнёрства против России», поскольку его суть – «в интеграции части евразийского пояса для создания геополитического противовеса российскому центру силы». Эта концепция, считает российский исследователь В. Гулевич, наводит на доктрину польского прометеизма, автором которой выступал Юзеф Пилсудский. Странники прометеизма, призывая к разделу России по этническим швам, выступали за поддержку Польшей националистических движений на территории СССР от Украины и финно-угорских республик до Кавказа и Средней Азии [7, с. 165]. «Такая постановка вопроса приведёт к дестабилизации континента, а не его интеграции», – указывает Лешек Сыкульский, называя современных приверженцев прометейской политики «пассажирами с просроченной визой» [7, с.166].

Произошедшая под Смоленском трагедия в 2010 г., как бы «схлопнула», по выражению российского аналитика В.Коровина, «пик нарастающей напряженности». Эта трагедия дала «возможность России и Польше все-таки встать на путь конструктивного диалога и налаживания двухсторонних отношений», – считает В. Коровин [10].

Но в политике остающейся влиятельнейшей политической силой страны – партии «Право и справедливость», ничего практически не изменилось по отношению к России. Правда, и в ней слышались здоровые рассуждения. Некоторые представители партии «Право и справедливость» не согласны с распространенным мнением в Польше об особой антироссийской позиции своей партии. В августе 2012 г. было опубликовано заявление президента Консервативно-монархистского клуба Адама Веломского и главного редактора еженедельника Яна Энгельгарда; в этом заявлении говорилось: «В связи с появляющимися в российских средствах массовой информации высказываниями, связывающими враждебный подход по отношению к России и антироссийские действия с польскими «правыми» и «право-консервативными» кругами, мы хотели бы уточнить, что они не соответствуют действительности... Мы также хотели бы отметить, что польские правые, которые в начале XX века были представлены Национально-демократической партией и Союзом реальной политики, выдвигали требование примирения между польским и русским народами»[8].

«Заявители» порекомендовали искать русофобов в других политических станах: «Партия «Право и Справедливость» имеет в своих рядах отдельных членов с консервативными и правыми взглядами. Однако, ею руководят лидеры, которые свою политическую деятельность начинали в организации с четкой лево-либеральной ориентацией. Этой организацией являлся Комитет защиты рабочих (KOR), действующий в Польше в рамках так называемой демократической оппозиции начиная с середины 70-х гг. XX в. Его члены позиционировали себя как «светских левых».

У антироссийских или откровенно русофобских взглядов в Польше именно такие идеологические корни» [8].

Ещё некоторое время назад польские аналитики пророчили партии «Право и Справедливость» скорый закат. Но предсказания оказались преждевременными. В октябре 2012 г. общественный опрос показал небольшое преимущество правой, консервативной «ПиС» над правящей либеральной партией «Гражданская Платформа». Если в октябре 2012 г., по польским данным, партия «Право и Справедливость» имела 5%-ное преимущество над «Гражданской Платформой», то в июне 2013 г. это преимущество увеличилось до 9% [13].

По мнению авторов настоящей статьи, добиваться серьезных позитивных изменений в российско-польских отношениях вообще, устранения в Польше стереотипа «политической неприязни» к России в частности, должна не только польская сторона. Большие задачи возлагаются и на российскую сторону. Ей, в частности, следовало бы активнее работать с польским общественным мнением, необходимо выходить на польские общественные структуры, более или менее лояльные по отношению ней, – либо создавать такие структуры. Ведь действуют же в Польше общественные неправительственные организации, которые функционируют в интересах США. Причем нередко эти организации настраивают население Польши против России.

Конечно, общественное мнение, настроение масс почти всегда следуют за элитами. Но, тем не менее, не надо преуменьшать возможность влияния этого общественного мнения на элиту, на её настрой. Не надо забывать, что, по оценкам некоторых польских источников, в России проживает около полумиллиона лиц польского происхождения. Официально же поляками в России себя считают 73 тыс. человек. Русских в Польше – чуть более 6 тысяч. Ни один западный народ, за исключением немцев, не имеет в России такой многочисленной диаспоры. Более того, после немцев и евреев, поляки – самая многочисленная иностранная общность на территории Российской Федерации [5, с. 45].

В завершение хотелось бы подчеркнуть: несмотря на то, что у польского и российского народов может быть (наверное, и должна быть) своя «историческая память», свой взгляд на прошлое в истории взаимоотношений, они обязаны думать о будущем, окончательно покончить с предвзятым отношением друг к другу. Все здравомыслящие политики в Польше и России, все граждане наших стран должны понимать, что нормальное развитие польско-российских отношений требует снятия негативов прошлого, что имевшие место «неприятные» исторические события в двусторонних связях не должны проецироваться на нынешние и тем более на завтрашние отношения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ачкасов В.А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки // Вестник МГИМО-Университета. 2011. – № 5. – С. 145–150.
2. Бухарин Н. Политика сквозь призму истории // Ежедневное российское общественно-политическое интернет-издание «Русский журнал». – 2008. – 27 ноября URL: //http://russ.ru/pole/Politika-skvoz-prizmu-istorii (дата обращения – 22.09.2013).
3. Волос М. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 году // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 210-222.
4. Вятр Ежи. Польша-Россия: национальные интересы или историческая память // Социология. 2011. – № 3. – С. 23-35.
5. Гулевич В. О важности польско-российского диалога // Международная жизнь. – 2013. – № 2. – С. 45-49.
6. Гулевич В. О чем умолчал Ежи Гофман // электронное издание Фонда стратегической культуры URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/10/25/o-chem-umolchal-ezhi-gofman-10947.html> (дата обращения -19.09.2013).
7. Гулевич В. Польша и Россия – вместе к новой Европе (Рецензия на книгу руководителя Института геополитики в Ченстохове Лешека Сыкульского «К новой Европе. Перспективы отношений Евросоюза и России») // Международная жизнь. – 2011. – № 5. – С. 164-167.
8. ИА REGNUM, 2012, 21 августа URL: www.regnum.ru (дата обращения -19.09.2013).
9. Кваснецвский А. Русофобия не для нас // Новая Польша. – 2011. № 7-8. URL: <http://www.povpol.ru/index.php?id=1514> (дата обращения – 21.09.2013).
10. Коровин В. Правление Качиньского – пик русофобии в Польше // Евразия – информационно-аналитический портал URL: <http://evrazia.org/article/1635> (дата обращения – 22.09.2013).
11. Миронов С.М. Катынь как общая боль // Российская газета. – 2010. – 17 мая.
12. Независимая газета. – 2011. – 14 апреля.
13. Пачкаускайте Яна. НаПраво за Справедливостью: Польша снова предпочитает Качиньского? Сайт аналитического портала «RuBALTIC.Ru» URL: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/napravo-za-spravedlivostyu-polsha-snova-predpochitaet-kachinskogo16092013/> (дата обращения – 16.09.2013).
14. Росбалт, 10 декабря 2004 года. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2004/12/10/188801.html> (дата обращения – 22.09.2013).
15. Сайт Председателя Правительства РФ: URL: <http://www.premier.gov.ru/events/news/10122/> (дата обращения – 22.09.2013).
16. Седакин Ю.М. Внешняя политика современной Польши // Обозреватель – Observer. – 2010 – № 6. – С. 58-69.
17. Электронное издание Фонда стратегической культуры URL: <http://www.fondsk.ru/news/2011/10/25/o-chem-umolchal-ezhi-gofman-10947.html> (дата обращения – 19.09.2013).
18. Якунин В. Российско-польские отношения в треугольнике: история, политика, наука // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. – Т. 4. – № 6 (20). – С. 67-77.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 341.7(470+430) “1730/1740”

Собко Е.М.

Московский государственный университет культуры и искусств

КРИЗИС СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО БАЛАНСА СИЛ НА РУБЕЖЕ 30-х – 40-х гг. XVIII в.: НАЧАЛО ВОЙНЫ ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

E. Sobko

Moscow State University of Culture and Arts

THE CRISIS OF THE EUROPEAN BALANCE OF POWER SYSTEM AT THE TURN OF THE 30's – 40's OF THE 18TH CENTURY: THE BEGINNING OF THE WAR OF THE AUSTRIAN SUCCESSION

Аннотация. Статья, написанная в русле концепции «баланса сил», посвящена изучению начального периода войны за австрийское наследство, получившего в историографии название «Первая Силезская война». Впервые в отечественной историографии рассматриваются вопросы военной и дипломатической истории этого периода. Автор изучает предысторию военного конфликта, его причины. Анализируются цели и намерения ведущих европейских держав и государств, заинтересованных в ведении войны: Франции, Англии, Пруссии, Испании, России, королевства Пьемонта и Сардинии. Рассматривается роль Баварии и Саксонии как активных участниц конфликта. Автор приходит к выводу, что Бреславский мирный договор, которым завершилась Первая Силезская война, не разрешил общеевропейских противоречий. Пруссия получила Силезию, но ей не удалось сломить Австрию. Остальные участники конфликта не оставили своих захватнических планов в отношении «австрийского наследства». Таким образом, продолжение войны было неизбежным.

Ключевые слова: война за австрийское наследство, Прагматическая санкция, Первая Силезская война, баланс сил, дипломатические отношения.

Abstract. The article, written within the framework of the conception of “balance of power”, is devoted to the investigation of the initial period of the War of the Austrian Succession known in the historiography as “The First Silesian war”. For the first time in the Russian historiography the author considers the military and diplomatic history of the period. The author examines the pre-history of the military conflict and its causes. The intentions of the leading European powers as well as of the states interested in the prosecution of war (France, England, Spain, Russia, Prussia, the Kingdom of Piedmont and Sardinia) are also investigated. The role of Bavaria and Saxony as active participants of the conflict is also considered. The First Silesian war ended with signing of the Breslavskij peace treaty. The author comes to the conclusion that signing of the treaty did not resolve all-European contradictions. Prussia received Silesia, but failed to break down Austria's resistance. The other participants of the conflict kept to their aggressive plans concerning “the Austrian succession”. Thus, the continuation of the war was inevitable.

Key words: the War of the Austrian Succession, the First Silesian War, Pragmatic Sanction, balance of power, diplomatic relations.

Основой международных отношений в Европе XVIII в. была система «баланса сил». Суть ее сводилась к недопущению того, чтобы какое-либо одно европейское государство усилилось таким образом, что становилось более могущественным, чем его вероятные противники. Эта система позволяла поддерживать «европейское равновесие» на более или менее длительный период. Однако быстро менявшаяся международная ситуация в Европе XVIII в. неоднократно обострялась, что нарушало европейское равновесие. Одним из кризисных периодов в ее истории стал рубеж 30-х – 40-х гг. XVIII в., когда начался военный конфликт, известный под названием «война за австрийское наследство».

Предыстория этого конфликта такова. Земли, ставшие предметом раздора, являлись владениями императора «Священной Римской империи германской нации»¹ Карла VI Габсбурга. Карл VI большую часть своего правления провел в безуспешных попытках сплотить германские земли и княжества, которые составляли Священную Римскую

¹ Священная Римская империя образовалась в конце X в., когда произошло окончательное обособление Восточнофранкского королевства (Германии) от Западнофранкского (Франции) и формирование нового государственного образования на основе немецких и североитальянских территорий. Новое государство позиционировало себя наследником Римской империи и претендовало на роль покровителя христианской церкви. Формирование новой модели организации Священной Римской империи сопровождалось ослаблением выборного принципа избрания императора. Начиная с 1439 г. на престоле империи установилась династия Габсбургов — наиболее сильный в территориальном плане немецкий род. Наличие у Габсбургов обширных владений вне империи (в том числе земель венгерской короны, окончательно присоединенных в 1526 г.) расширило экономическую базу императора и позволило закрепить за династией имперскую корону. В 1519 г. император Карл V Габсбург закрепил за собой владения испанской короны и Нидерланды. С XVII в. столицей Империи фактически стала Вена, в которой располагался двор императора и подчинённые ему органы управления. Смещение центра власти в империи на юго-восточную периферию имело фундаментальное значение для ее судеб в период Нового времени.

империю. Положение императора осложнялось также следующими обстоятельствами. У Карла VI Габсбурга не было детей мужского пола, и еще в 1713 г. им был принят закон о престолонаследии, так называемая «Прагматическая санкция»². Согласно этому документу обширные владения Габсбургов (Австрия, Чехия, Венгрия, Южные Нидерланды, земли в Италии) должны были оставаться нераздельными. В случае смерти Карла VI они переходили к его дочери Марии Терезии. «Прагматическая санкция» была принята большинством европейских стран (большинство германских государств, Пруссия, Россия, Франция, Испания, Англия и Голландия признали данный документ.) Однако после смерти Карла VI в 1740 г. права Марии Терезии на престол были оспорены рядом государств, прежде всего Пруссией, которая захватила одну из австрийских земель – Силезию, что и привело к началу войны. Помимо Пруссии, Бавария, Саксония, Испания, поддержанные Францией, стали оспаривать наследственные права Марии Терезии.

Война за австрийское наследство (1740-1748) связана с событиями общеевропейского масштаба. Основными театрами военных действий являлись: Центральная Европа (Чехия, Бавария, Саксония), Австрийские Нидерланды, Северная Италия. Кроме того, между Англией, с одной стороны, и Францией и Испанией – с другой, шла война на море, а также в колониях (англо-испанская торговая колониальная война велась уже с 1739 г.). В зарубежной историографии существует множество работ по рассматриваемой теме,³ а в на-

² Термин «Прагматическая санкция» означал постановление особой государственной важности в поздней Римской империи. В Западной Европе название «Прагматическая санкция» употреблялось для обозначения наиболее важных государственных актов, причем «Прагматическая санкция» императора Карла VI является наиболее известной.

³ Назовем три крупные работы англоязычной и франкоязычной историографии, вышедшие за последние два десятилетия: Browning Reed. The War of the Austrian Succession. New York, 1994; Anderson M.S. The War of the Austrian Succession. 1740-1748. London and New York. 1995; Лиштенау Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750. М., 2000.

шей отечественной – единственная серьезная статья Сергея Михайловича Соловьева 1867 года издания [12]. Интересно, что сами российские историки эту ситуацию признают: «Следует отметить, что этому конфликту [...] не уделялось достаточного внимания в нашей науке. В силу этого международные отношения в целом и дипломатия стран-участниц в частности оказались вне поля зрения отечественных специалистов» [1, с. 19]. Лишь в последние годы стали появляться работы, в которых рассматриваются те или иные аспекты темы [1; 2; 3; 4; 9; 10; 11; 12]. Еще одна «неизвестная война», а ведь в ней впервые Россия выступила на равных в общеевропейском «концерте» великих держав. Цель настоящей статьи: рассмотреть наиболее важные проблемы дипломатической и военной истории войны за австрийское наследство. Конечно, эта тема очень обширна, поэтому в рамках нашей работы будет рассмотрен начальный период войны, получивший в историографии название «Первая Силезская война».

Начнем с самого термина «война за австрийское наследство», который появился в XIX в. Дело в том, что события 1740-1748 гг. охватывали целый комплекс войн, которые даже не все современники воспринимали как единую войну [15, XII]. Помимо общепринятого термина «война за австрийское наследство», наиболее часто изучаемые события именуются «Войной за Прагматическую санкцию».

Две группы противоречий привели к началу войны. Первая была связана с борьбой Англии и Франции за колонии в Америке и Индии. Во-вторых, столкнулись Франция, Пруссия и Испания – одной стороны – и Австрия – с другой. Соперничество Франции, Пруссии и Испании с Австрией выразилось в борьбе за Германию и прилегающие к ней области. Война означала обострение вопроса о том, кто играет главенствующую роль в германских землях – Пруссия или Австрия. Кроме того, она свидетельствовала об усилении борьбы Франции и Австрии за гегемонию в Европе. Инициатором конфликта явился прусский король Фридрих II – один из самых

заметных политических деятелей XVIII в. В нем сочетались беспринципность и вероломство, цинизм и тонкий политический расчет, авантюризм и склонность к идеям Просвещения.

«Нам неприятно прусское вторжение в Шлезию», – так отреагировало российское правительство на известие о нападении Фридриха II на Силезию [2, с. 180]. Но пока не Российская империя диктовала правила европейской дипломатической игры. Это по-прежнему были Франция, Англия и Австрия. Однако специфика данного военного конфликта состояла в том, что на «австрийское наследство» стали претендовать и германские курфюршества – Бавария и Саксония. Позже и Испания вступит в войну, так как имеет свои территориальные разногласия с Австрией на территории Апеннинского полуострова. Но пока Центральная Европа становится «болевым точкой» театра военных действий. Фридрих II выступил против Прагматической санкции, и никто в Европе не был готов к такому повороту событий. Под угрозой оказалась нераздельность наследственных земель Габсбургов. (Силезия являлась одной из провинций, принадлежавших Габсбургскому дому).

Оценим позиции ведущих европейских держав и государств, заинтересованных в ведении войны.

Франция, давняя соперница Австрии, расценила смерть Карла VI как удобный момент для расширения французского преимущества в германских княжествах.

Великобритания не была заинтересована в поражении Марии Терезии – это бы нарушило европейское равновесие в пользу Франции и ее немецких союзников. Поэтому английский король Георг II (являвшийся одновременно курфюрстом Ганновера) настаивал на соблюдении Прагматической санкции.

Задачи Прусского королевства верно оценивает М.Н. Алексева: «Как и у остальных государств, у Пруссии были цели, которых она надеялась достичь. Отличительной особенностью этого государства была беспрецедентно большая, относительно численности населе-

ния, постоянная армия ≤...≥ . Политическая география определила его цели. Подобно габсбургским владениям, государство Гогенцоллернов было рассечено на несколько частей: на востоке, вне Священной Римской империи, располагалось королевство Пруссия, или Восточная Пруссия; на западе, на Рейне и Везере, лежала другая часть владений; между этими территориями, но не соединяющаяся ни с одной из них, находилась родина Гогенцоллернов – Бранденбург. Главной целью Пруссии, таким образом, было соединение земель» [1, с. 24].

Как указывалось выше, Испания имела свои территориальные разногласия с Австрией на территории Апеннинского полуострова.

Чтобы уяснить себе позицию России в этом общеевропейском конфликте, нужно иметь в виду, что она во многом зависела от российской внутривнутриполитической обстановки. Различные придворные группировки «лоббировали» интересы разных европейских стран. В самом начале царствования Елизаветы большое влияние на императрицу оказывала так называемая «французская партия», главную роль в которой играл французский посол в Петербурге Ж.И. Шетарди [6]. С началом войны за австрийское наследство основной целью его деятельности стали попытки втянуть Россию в конфликт на стороне Пруссии. Однако ему противостоял А.П. Бестужев-Рюмин (вице-канцлер, а затем канцлер правительства Елизаветы) – убеждённый сторонник союза России с Англией и Австрией. Императрица Елизавета довольно долго не могла решиться принять ту или иную сторону.

В июле 1741 г. был заключён секретный договор между Францией и Пруссией, одним из положений которого было обязательство Франции заставить Швецию объявить войну России, чтобы не дать последней возможность оказать помощь Австрии (еще в 1726 году Россия и Австрия заключили союзный договор с рядом взаимных обязательств) [4, с. 33-44]. В том же, 1741 г., Швеция, недовольная Ништадтским мирным договором, объявляет войну России. Война продолжалась до 1743 г. и принесла успех России. Таким образом, на первом этапе войны за австрийское

наследство Россия, во-первых, ещё до конца не определилась со своей внешнеполитической ориентацией, а во-вторых, была втянута в другой военный конфликт. Впоследствии Фридрих II признавал, что одним из факторов, обеспечивших успех Пруссии в Силезии, было нападение Швеции на Россию [13, с. 11].

Втянутым в войну за австрийское наследство оказалось также королевство Пьемонт и Сардиния, находившееся на северо-западе Апеннинского полуострова и включавшего в себя остров Сардинию, герцогство Савойя и княжество Пьемонт, где находилась столица страны – город Турин. Король Карл Эммануил стремился к территориальному расширению своего государства за счет земель Ломбардии, где сталкивались интересы Испании и Австрии. Проводя свой внешнеполитический курс, Карл Эммануил искусно маневрировал между этими странами.

Но вернемся к событиям в Силезии. Как указывалось выше, свои претензии на «австрийское наследство» предъявили германские курфюршества Бавария и Саксония, однако они не представляли собой реальной силы без поддержки Франции. Важным здесь представляется следующее обстоятельство. Мария Терезия упорно добивалась того, чтобы императором Священной Римской Империи был избран ее муж Франц Стефан Лотарингский. Однако ее противники, и в частности Франция, поддерживали другую кандидатуру – Карла Альбрехта Баварского (забегая вперед, скажем, что Карл Альбрехт действительно был избран императором, что явилось мнимым успехом противников Австрии). Итак, баварский курфюрст Карл Альбрехт также выступил против Прагматической санкции, предъявив свои претензии на императорский титул и ряд наследственных земель Габсбургов. (Интересно, что участниками военного конфликта стал целый ряд правителей, носивших имя «Карл», что было подмечено еще Браунингом Ридом.)

После захвата Силезии в декабре 1740 г. Фридрих II предложил Марии Терезии выкупить эту область. Она ответила отказом. Вслед за этим правительство Австрии обра-

тилась за помощью к другим монархам, гарантировавшим завещание ее отца. Марии Терезии, сочетавшей в себе женскую красоту и привлекательность (которыми она умело пользовалась в дипломатических играх)¹ с твердостью и жесткостью характера, удалось заручиться лишь словесной поддержкой Австрии в разгоревшемся конфликте. Все осуждали действия Фридриха II, но от оказания военной помощи уклонились. (К примеру, Людовик XV объявил, что «король Пруссии – дурак», а кардинал де Флери, руководивший французскими иностранными делами, назвал его «нечестным человеком и мошенником» [1, с. 38].) Австрийская армия находилась далеко не в лучшем состоянии и уступала прусской [5, с. 277]. Прусские войска уже к январю 1741 г. заняли почти всю Силезию. 10 апреля 1741 г. Фридрих II нанес тяжелое поражение австрийцам в знаменитой битве при Мольвице, близ Бреслава, столицы Силезии.

Ободренные успехами Пруссии, противники Марии Терезии осуществили ряд дипломатических шагов. 18 мая 1741 г. был подписан так называемый Нимфенбургский трактат между Францией и Баварией, который формально связывал эти страны взаимными обязательствами [3, с. 328]. Участницы соглашения предъявляли территориальные претензии к Австрии. Вскоре к договору присоединились Испания и итальянские государства (Неаполь, Пьемонт и Модена).

4 (15) июня в Бреслау был подписан франко-пруссский договор, часто именуемый франко-пруссским договором 1741 года [11, с. 76; 3, с. 329].

В середине июня, казалось, было достигнуто соглашение между Австрией и Саксонией, однако позиция Саксонии была колеблющейся, что вскоре выразилось в заключении ее договора с Баварией (30 сентября 1741 г.).

Таким образом, заключенные союзы объединили Францию, Испанию, Баварию и Сак-

¹ «Невозможно было, – писал английский госсекретарь лорд Картерет, – войдя в любое место, не услышать восхвалений твердости и великодушия этой прославленной принцессы, которую каждый мужчина жалел в пропорции восхищения ею, и проявлял желание помочь, если это возможно». Алексеева М.Н. Указ. соч. С. 39.

сонию в борьбе против Австрии. Исследовательница российско-пруссских отношений М.А. Емелина справедливо отмечает: «Когда прусский король вторгся в Силезию, ≤...≥ Фридрих II располагал только дипломатической поддержкой трех немецких курфюрстов и Франции, надеялся на заключение союза с Российской империей. К осени 1741 г. ситуация в Европе кардинально изменилась. Против Австрии сложилась мощная коалиция итальянских и германских государств во главе с Пруссией и Францией. В блок также входила Испания» [2, с. 192].

Морские державы и Российская империя, понимая, что произошло юридическое образование враждебной коалиции, взяли курс на мирное урегулирование военного конфликта, все больше усваивая роль посредников. Российскому посланнику в Вене Людовику Ланчинскому предписывалось советовать Марии Терезии примириться с Фридрихом II. Великобритания в сложившейся ситуации также видела единственный выход: примирить Австрию и Пруссию. Этим вопросом занимался лорд Хиндфорд, который был послан госсекретарем Картеретом в Силезию. Хиндфорд, защищенный охранными свидетельствами, ездил между австрийским и прусским военными лагерями, пытаясь достичь соглашения между противниками. Ему это удалось, и 9 октября 1741 г. в местечке Клайншнеллендорф было подписано австро-прусское соглашение о перемирии. Согласно договору военные действия прекращались, Пруссия получала Нижнюю Силезию. Пруссия также получала возможность оставить свои войска в Верхней Силезии на зимний период (до апреля 1742 г.). Интересно, что договор был подписан одним только британским посредником на переговорах – лордом Хиндфордом. Это обеспечило Пруссии возможность в дальнейшем не смущаться в своих действиях. Через два месяца соглашение стало чем-то вроде архивной редкости [15, р. 74].

Но это соглашение было лишь одним из звеньев в цепи унижений, которые испытывала осенью 1741 г. Австрия. Как указывалось выше, ход военных действий тоже складывал-

ся не в ее пользу. Их кульминацией был захват в ноябре 1741 г. столицы Богемии – Праги, осуществленный французскими, баварскими и саксонскими войсками. Несмотря на ряд трудностей, штурм Праги прошел успешно, и город капитулировал. Главную роль в достижении этого успеха сыграл Мориц Саксонский, который, кстати, командовал не саксонской, а французской армией. Взятие столицы Богемии было большим ударом для Марии Терезии, вторым после потери Силезии. Она рыдала, получив это известие, ведь пражская катастрофа не оставляла никаких надежд на восстановление старого режима [15, р. 77, 79].

Также в ноябре 1741 г. испанцы начали боевые действия против австрийцев в Северной Италии. В декабре 1741 г. Фридрих II, нарушив соглашение о прекращении огня, достигнутое в Клайншнеллендорфе, вторгся в Чехию. Вскоре баварский курфюрст Карл Альбрехт (ставленник Франции) был объявлен королём Чехии (декабрь 1741 г.) и в январе 1742 г. избран императором «Священной Римской империи» (Карл VII, 1742-1745). 17 мая 1742 г. в битве при Хотузице прусская армия разбила австрийцев, что вынудило Австрию 28 июля 1742 г. заключить мир с Пруссией на условии передачи ей почти всей Силезии. Бреславский мирный договор ознаменовал собой окончание Первой Силезской войны. Однако никто в Европе не питал иллюзий по поводу мирного исхода событий: противники Австрии не оставили своих захватнических планов, сама же Империя вовсе не являлась «фантомом Габсбургского дома», как полагали ее враги, что показал дальнейший ход истории войны за австрийское наследство. «Баланс сил» на континенте был нарушен, но вчерашним гарантам Прагматической санкции было еще рано праздновать свою победу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева М.Н. Английская дипломатия в годы войны за австрийское наследство. 1740-1748: Дисс. ... канд. ист. наук. – Смоленск, 2005. – 206 с.
2. Емелина М.А. Российско-пруссские отношения во внешнеполитической «системе» А.П. Бестужева-Рюмина (1741-1750): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. – 422 с.
3. Ивонин Ю.Е. Отношение прусской дипломатии к России в начале войны за австрийское наследство // Вестник Удмуртского Университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 68-74.
4. Киселев А.А. Великобритания в войне за Австрийское наследство (1740-1748 годы) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – Сер. 9. – Вып. 5. – С. 10-15.
5. Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740-1750. – М.: ОГИ, 2000. – 408 с.
6. Мартене Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австриею. – СПб.: тип. М-ва пут. сообщ., 1874. 1648-1762. – 324 с.
7. Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов (русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.). – М.: Квадрига, 2010. – 408 с.
8. Пекарский П.П. Маркиз де ла Шетарди в России 1740—1742 гг. – СПб.: тип. И. Огризко, 1862. – 638 с.
9. Собко Е.М. Участие России в войне за австрийское наследство (1740-1748 гг.) // Вопросы истории. – 2006. – № 1. – С. 156-159.
10. Собко Е.М. Роль России в войне за австрийское наследство в современной англоязычной историографии // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2010. – № 4-5. – С. 9-13.
11. Собко Е.М. Участие России в войне за австрийское наследство 1740-1748 в отечественной историографии // Вопросы истории. – 2012. – № 1. – С. 166-172.
12. Собко Е.М. Россия, Пруссия и «австрийское наследство»: проблемы внешнеполитической стратегии петербургской дипломатии // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 5. – С. 93-98.
13. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 21 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. – Кн. XI. – М.: Голос, 1993.
14. Соловьев С.М. Политика России во время войны за австрийское наследство. – СПб.: Печатня В. Головина, 1867. – 45 с.; Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1867. – № 9. – С. 561-605.
15. Фридрих II. Из записок Фридриха Великого о России в первой половине XVIII века / Пер. М. Жуазеля // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – № I. – С. 5-21.
16. Anderson M.S. The War of the Austrian Succession. 1740-1748. – London and New York, 1995. – 248 p.
17. Browning Reed. The War of the Austrian Succession. – New York, 1994. – 480 p.

УДК 93/94

Назаров А.А.

*Московский государственный университет
тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова*

**ПРОТИВОРЕЧИЯ И КОНФЛИКТЫ В СИСТЕМЕ
МИНИСТЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ДЕПАРТАМЕНТА
ДУХОВНЫХ ДЕЛ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЙ)**

A. Nazarov

*Moscow State University of Fine Chemical Technology
named after. M.V. Lomonosov*

**THE CONTRADICTIONS AND CONFLICTS IN THE SYSTEM
OF MINISTERIAL CONTROL OF RELIGIOUS COMMUNITIES
(BASED ON THE ARCHIVE OF THE RELIGIOUS AFFAIRS
DEPARTMENT OF FOREIGN CONFESSIONS)**

Аннотация. В статье рассматриваются конфликты и противоречия, которые возникали между Министерством внутренних дел, Министерством народного просвещения и Министерством иностранных дел Российской империи в процессе их участия в управлении религиозными объединениями. Причины межведомственных противоречий заключались в подчинении религиозных объединений различным министерствам, а также в тех целях и задачах, которые были поставлены перед разными ведомствами. Смягчение противоречий между ведомствами было достигнуто за счёт постепенного расширения полномочий Министерства внутренних дел и одновременного сокращения компетенции Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения.

Ключевые слова: межведомственные конфликты, министерства и ведомства, система управления религиозными организациями.

Abstract. The article deals with the conflicts and contradictions that arose between the Ministry of Internal Affairs, Ministry of Peoples' Education and the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the course of their participation in the process of managing religious organizations. The reasons of interdepartmental contradictions were in subordinate religious communities of various ministries, as well as in the purposes and objectives that were set to different departments. Mitigation of conflicts between the agencies was achieved through the gradual empowerment of the Interior Ministry and the simultaneous reduction of the competence of the Foreign Affairs Ministry and Education Ministry.

Key words: inter-departmental conflicts, ministries and departments, system of managing religious organizations.

Политика российского государства в сфере религиозного управления обычно представляется в форме последовательных и целенаправленных мероприятий правительства, направленных на достижение государственных интересов. Однако в российской истории неоднократно возникали ситуации, когда целенаправленные действия одних министерств приводили к противоречиям и конфликтам с другими государственными ведомствами. В XIX в. основные полномочия в сфере административного и правового управления духовными делами иностранных исповеданий были сосредоточены в ведении трёх министерств: Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения и Министерства иностранных дел.

© Назаров А.А., 2013.

Разделение полномочий в сфере религиозного управления между тремя министерствами объективно способствовало возникновению межведомственных противоречий. К середине XIX в. эти противоречия были в основном преодолены в результате расширения полномочий Министерства внутренних дел и сокращения компетенции Министерства иностранных дел и Министерства народного просвещения.

Министерство внутренних дел было наделено полномочиями в сфере религиозного управления с момента учреждения. С 1802 г. на Министерство внутренних дел было возложено управление делами иностранных колонистов. Иностранные колонии находились в ведении Департамента государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. На департамент были возложены функции контроля над строительством колонистских церквей и материальным обеспечением протестантских пасторов и католических патеров. Но при этом ряд колоний находился вне сферы ведения департамента. В непосредственном ведении министра находилась волжская колония Евангелического братского общества Сарепта, а также братские общины, которые «в Ост-Зейских губерниях зависят во всех случаях единственно от Министра внутренних дел на одинаковом основании с членами Сарептского общества»¹. При Министерстве внутренних дел действовал и Комитет по благоустройству евреев, на который были возложены полномочия по реформированию положения еврейских общин. Первый руководитель ведомства, министр внутренних дел В.П. Кочубей с 1802 г. занимал должность председателя этого комитета [1, с. 435]. Сфера деятельности Министерства внутренних дел в области религиозного управления была значительно расширена в 1832 г. после включения в его состав Департамента духовных дел иностранных исповеданий. В сферу ведения департамента было передано управление деятельностью большинства церквей

и религиозных общин Российской Империи. В 1834 г. дополнительными полномочиями в сфере религиозного управления был наделён Департамент государственного хозяйства и публичных зданий. Департаменту было поручено управление калмыками и «главный надзор за управлением духовными делами Ламайской веры»². С 1848 г. при министре внутренних дел действовала Раввинская комиссия. Как отмечал директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий Э.К. Сиверс, комиссия была создана: «при Министерстве внутренних дел для представления министру объяснений по религиозным вопросам...»³. Членов Раввинской комиссии привлекали также к участию в разработке законопроектов, текстов присяги лиц иудейского вероисповедания, к проведению «цензурирования еврейских книг»⁴.

Второе по значимости место в системе религиозного управления занимало Министерство народного просвещения. В ведении Министерства просвещения находились конфессиональные образовательные учреждения: лютеранские и католические школы и семинарии, еврейские школы и раввинские училища. Министерство народного просвещения было наделено не только образовательными, но и цензурными функциями, что позволяло осуществлять контроль над изданием религиозной литературы. Наиболее широкими функциями в сфере религиозного управления ведомство обладало с 1817 г. по 1824 г. в период существования «двойного министерства» – Министерства духовных дел и народного просвещения. Министерство духовных дел и народного просвещения было создано по инициативе А.Н. Голицына в результате объединения Министерства народного просвещения и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. В составе нового министерства был образован Департамент духовных дел, в котором должны были быть сосредоточены функции управления всеми религиозными объедине-

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821. Оп. 5. Д. 941. Л. 29.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1221. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 431. Л. 7. Об.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 182. Л. 65. Об.

ниями. После реорганизации «двойного министерства» и вплоть до начала 30-х гг. XIX в. министр народного просвещения сохранял контроль над деятельностью Главного управления духовных дел иностранных исповеданий.

Дублирование полномочий и неопределённость компетенции в сфере религиозного управления неоднократно приводили к возникновению конфликтов между двумя министерствами. Причиной одного из конфликтов стало учреждение в 1819 г. Саратовской лютеранской консистории. Министерство духовных дел и народного просвещения было заинтересовано в создании лютеранской консистории на территории Саратовской губернии, где во второй половине XVIII в. было основано около 100 немецких колоний [3, с. 53]. Колонии были созданы по конфессиональному признаку. В каждой колонии формировался приход. Большинство приходов были лютеранскими [1, с. 176]. Целью создания консистории было установление контроля над деятельностью лютеранских приходов в Поволжье. Однако процесс создания Саратовской консистории вошёл в противоречие с интересами Министерства внутренних дел, в ведении которого с 1802 г. находились немецкие колонии на Волге. Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел и подчинённая ему администрация Саратовской конторы опекунов иностранных колонистов принимали решения не только по хозяйственным вопросам, но и по вопросам строительства в колониях католических и лютеранских церквей, материального обеспечения протестантских пасторов и католических патеров. Поводом к конфликту стал проект «Положения о приходском управлении». Проект был разработан пасторами Саратовских колоний по поручению Министерства духовных дел и народного просвещения. После ознакомления с проектом руководителя Саратовской конторы опекунов иностранных колонистов обратились в Министерство внутренних дел с жалобой на действия авторов проекта. По мнению администрации конторы в про-

екте «Положения о приходском управлении» полномочия консистории и пасторов были чрезмерно расширены. Авторы проекта наделили консисторию правом регулирования повседневной жизни и хозяйственной деятельности колонистов. Реализация проекта на практике, по мнению администрации конторы, должна была привести к ситуации, при которой «из церковного старосты делают род полицейского фискала, а из пастора – блюстителя благочиния»¹. Опасаясь вмешательства духовенства в деятельность колонистов, руководство Саратовской опекунов конторы поставило вопрос не только об отмене «Положения о приходском управлении», но и о целесообразности учреждения Саратовской консистории: «для управления церковными делами, если не причислять к оным, как консисториальные члены полагают, и дела полицейские, кажется особого сословия в виде нашей консистории, как подчинённой инстанции, не нужно»². Позиция Саратовской конторы опекунов иностранных колонистов была поддержана вышестоящей инстанцией – Департаментом государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. Руководство департамента не могло допустить, чтобы консистории было предоставлено «право входить в подробнейшее рассмотрение хозяйственной жизни каждого колониста»³. Позиция Министерства внутренних дел была обоснована министром В.П. Кочубеем в его письме от 5 марта 1821 г. к министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну⁴. Аргументы Министерства внутренних дел были учтены. При проведении реформы управления лютеранской церкви 1832 г. Саратовская консистория была упразднена [3, с. 55].

Определённые разногласия между двумя ведомствами возникали и по вопросам цензуры. Вплоть до начала 1860-х гг. Главное управление цензуры находилось в ведении Министерства народного просвещения.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 18.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 5.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 45.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 12. Л. 42-43.

Однако Министерство внутренних дел негласно осуществляло цензурные функции. В результате в 1850–1852 гг. возник конфликт между Министерством внутренних дел и Министерством народного просвещения по вопросам цензуры Талмуда и талмудической литературы. Рассмотрение на заседании Раввинской комиссии Министерства внутренних дел вопроса о цензуре талмудической литературы было расценено руководством Министерства народного просвещения как вторжение в сферу его полномочий. Министр народного просвещения П.А. Ширинский-Шахматов в письме от 26 мая 1852 г. к министру внутренних дел Л.А. Перовскому заявил: «К занятиям Раввинской комиссии не могут относиться ни дела о мерах, принимаемых правительством к образованию евреев (кроме свечного с евреев сбора), для чего в своё время существовала особая Раввинская комиссия, ни дела о цензуре еврейских книг, которые по существующим постановлениям, сосредоточиваются исключительно во вверенном мне министерстве»¹. Противоречия между ведомствами, в конечном счёте, были разрешены в пользу министерства внутренних дел: в 1862–1863 гг. в его ведение были переданы вопросы цензуры.

Важными полномочиями в сфере религиозного управления было наделено внешнеполитическое ведомство. Министерство иностранных дел в исследуемый период участвовало в разработке проектов уставов о буддистском и армяно-григорианском духовенстве, контролировало процесс осуществления связей российского и зарубежного духовенства. Через Министерство иностранных дел шла переписка российского католического духовенства со Святым престолом, провинциалов (руководителей монашеских орденов на территории России) с генералами монашеских орденов в Риме. Через структуры Министерства иностранных дел осуществлялись официальные контакты российского буддистского духовенства с буддистским духовенством Тибета и Монголии. Вплоть до 30-х гг. XIX в. в ведении внешнеполитиче-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 252. Л. 25. Об.

ского ведомства находилось управление буддистским духовенством Восточной Сибири и Калмыцкой степи. Со второй четверти XIX в. участие внешнеполитического ведомства в управлении религиозными объединениями стало подвергаться критике со стороны руководителей других государственных ведомств. Основной причиной критики была низкая эффективность министерского управления и подчинение вопросов внутренней политики внешнеполитическим обстоятельствам. Либеральная позиция Министерства иностранных дел привела к активизации связей бурятских лам с духовенством Тибета и Монголии [2, с. 487–468] «Общее количество дацанов достигло 34-х, а численность лам 5,5 тыс. (в среднем 1 лама на 20 человек)» [1, с. 357]. Отказ от мер по регулированию численности буддистского духовенства К.В. Несельроде объяснял тем, что Министерство иностранных дел опасалось «неблагоприятных от того последствий»². По оценке Главноуправляющего 2-м Отделением Собственной его императорского величества канцелярии Д.Н. Блудова, такая политика министерства могла привести к усилению влияния в Восточной Сибири «ламайской иерархии, а с тем вместе и владычества Китайского – Ургинского Хутухты и Тибетского Далай Ламы, подданного Богдо-Хана»³. Д.Н. Блудов также отрицательно оценил эффективность деятельности внешнеполитического ведомства: «Министерство иностранных дел, заведывая делами Ламайского духовенства, и как по отдалённости, так и по другим своим занятиям, не имело ни способов, ни времени собрать точные сведения о постановлениях ламаизма, о положении его в России»⁴. Сложившаяся ситуация стала основанием для сокращения полномочий внешнеполитического ведомства в сфере религиозного управления. В 1834 г. управление делами буддистского духовенства в Астраханской губернии было передано в ведение Министерства внутренних дел. В 1841 г. контроль над деятельностью бу-

² РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 408. Л. 39. Об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 408. Л. 38.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 608. Л. 6. Об.

ряцкого духовенства был передан Главному управлению Восточной Сибири.

Помимо разногласий между министерствами, существовали противоречия между центральными и региональными ведомствами. Показательным в этом смысле был конфликт 60-70-х гг. XIX в. между Министерством иностранных дел и Кавказским наместничеством. Причиной разногласий стала политика центрального правительства при проведении выборов патриарха-католикоса. Министр иностранных дел А.М. Горчаков выступил за то, «чтобы выборы Патриарха Эчмиадзинского пали на одно из благонадежных духовных лиц от Турции»¹. Через бывшего турецкого подданного Министерство иностранных дел рассчитывало оказывать влияние на армянское население Османской империи. Против проведения такой политики выступало Кавказское наместничество, Эчмиадзинский Синод и российское армяно-григорианское духовенство. В этом конфликте оппонентом А.М. Горчакова был наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич. Наместник считал проведение такой политики в отношении армяно-григорианского духовенства ошибочной и ведущей к «поощрению сепаратизма»². Несмотря на отрицательное отношение местных вла-

стей и российского армяно-григорианского духовенства, благодаря поддержке российского правительства из числа турецких армян были избраны патриархи-католикосы Матеос (1858-1865) и Кеворк IV (1865-1882). Однако расчёты А.М. Горчакова и его советников оказались неверными. Попытки Кеворка IV учредить в Константинополе представительство Эчмиадзинского патриарха и духовное училище были безуспешными: его викарий Саркис был выслан турецким правительством. Неудачи преследовали патриарха не только в Константинополе, но и в восточных провинциях Османской империи. Российский консул в Трапезунде полагал, что патриарх «слишком мало, или даже ничего не делает для привлечения к духовному единению с собою смежных с Россией провинций»³.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. – М.: «Издательство ПРИОР», 1998. – 480 с.
2. История религий в России: учебник / Л.А. Баширов и др.; отв. ред. О.Ю. Васильева, Н.А. Трофимчук. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: Изд-во РАГС. – 696 с.
3. Курило О.В. Лютеране в России (XVI-XX вв.). – М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. – 400 с.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Л. 37.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Л. 42. Об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Л. 78. Об.

УДК 32:93/94

Снесарева Н.В.

Московский государственный областной университет

**РАЗРАБОТКА ФАБРИЧНОГО И СОЦИАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОСВЕЩЕНИИ
КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕЧАТИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

N. Snesareva

Moscow State Regional University

**DEVELOPMENT OF THE FACTORY AND SOCIAL
LEGISLATION ACCORDING TO THE CONSERVATIVE PRESS
AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

Аннотация. В данной статье исследованы взгляды представителей консервативного направления общественной мысли конца XIX – начала XX вв. на разработку фабричного и социального законодательства в России, изложенные на страницах периодической печати. В статье проанализировано восприятие рабочего законодательства публицистами таких изданий, как газеты «Московские ведомости» и «Новое время», журналы «Русское обозрение» и «Прямой путь». Получила освещение постановка консервативными публицистами проблемы необходимости урегулирования правового положения рабочих в России. Исследовано отражение на страницах консервативной прессы как законопроектов, так и принятых правительством и Государственной думой на рубеже XIX-XX вв. фабричных законов.

Ключевые слова: фабричное законодательство, рабочее законодательство, социальное законодательство, социальное страхование, консервативная пресса.

Abstract. This article studies the views of the representatives of the conservative direction of public thought at the end of XIX - the beginning of the XX centuries, expressed in the periodicals concerning the development of the factory and social legislation in Russia. The article analyses the perception of the working legislation by publicists from the following mass media: newspapers «Moskovskiye Vedomosti» and «Novoye vremya», magazines «Russian Review» and «Direct Way». The article mentions the problem of settlement of the Russian workers' legal status which was aroused by the conservative publicists. The author examines the way the conservative press covered both the drafts and the laws approved by the government and the State Duma at a turn of the XIX-XX centuries.

Key words: Factory legislation, working legislation, social legislation, social insurance, conservative press.

Правовое положение рабочих в России долгое время отличала неразработанность фабрично-заводского законодательства. Отдельные постановления касались лишь некоторых сторон прав и обязанностей владельцев предприятий и рабочих, причем работавших на казенных фабриках и заводах с приписным или покупным, а не наемным трудом. Регулирование отношений между предпринимателями, использовавшими на своих предприятиях наемный труд, и работавшими на этих предприятиях полностью отдавалось на откуп самим фабрикантам, особенно в дореформенный период.

Основная идея консервативной идеологии по вопросу урегулирования отношений между различными классами заключалась в том, что именно государство должно стать основной силой, разрешающей различного рода социальные конфликты. Консерваторы прямо указывали на то, что в России, более чем в каком-либо другом государстве, власть должна заботиться о благоустройстве рабочего класса. Это, по мнению консерваторов, было обусловлено тем, что рабочий класс пока еще находился в первичной стадии формирования. Одной из главных про-

блем был вопрос о правовом урегулировании отношений рабочих и капиталистов. Усиление стачечной борьбы в начале 1880-х гг., вызванное промышленным кризисом, привело правительство к осознанию необходимости пересмотра и доработки фабрично-заводского законодательства. После Морозовской стачки консервативная пресса обратила внимание на некоторые аспекты правового положения рабочих. Наибольшие злоупотребления, по мнению консервативных публицистов, наблюдались в регулировании условий найма рабочих, которые еще более ухудшились вследствие общего кризиса, переживаемого в тот период промышленностью. Консерваторы призывали владельцев предприятий строго соблюдать условия заключенных с рабочими договоров найма, а правительство же в этой ситуации, по мнению консервативных публицистов, должно было требовать от фабрикантов строгого соблюдения заключенных договоров. Позиция консерваторов объяснялась во многом тем, что они опасались усиления рабочего движения, которое бы неминуемо привело к общей социально-политической дестабилизации в стране [9, с. 3].

По мнению консерваторов, разработка фабричного законодательства являлась одной из важнейших задач государственной власти, успешное решение которой в значительной степени способствовало бы снятию социальной напряженности, в частности в отношениях между трудом и капиталом. «Русское обозрение» отмечало быстрое развитие фабрик в России и призывало правительство «...посвящать им серьезное попечение, изучать своеобразные условия фабричной жизни и регулировать их специальными законодательными мерами» [16, с. 482]. При этом консерваторы считали неудовлетворительным состояние фабричного законодательства в России в конце XIX в, которое, по их мнению, являлось «...той мутной водой, на которую наши либеральные рыболовы возлагают в настоящее время свои главные надежды» [16, с. 483].

Неудивительно, что законодательные акты, принятые верховной властью в данной сфере, сразу становились объектом при-

стального внимания представителей консервативного лагеря. При этом консерваторы отдавали отчет в том, что вмешательство правительства в отношения рабочих и фабрикантов неизбежно вызовет сопротивление владельцев промышленных предприятий. «Русское обозрение», сохраняя в целом благожелательный тон, на своих страницах подробно разбирало вновь принятые и проектируемые фабричные законы. В отзыве на постановление «О работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах и мануфактурах, и о распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленные заведения» журнал давал разъяснение читателям по существу закона и одновременно указывал на слабые стороны этого и ранее принятых законодательных актов. Журнал уточнял, что «...этими узаконениями имеется в виду оградить от изнурения более слабые организмы малолетних, подростков и женщин» [5, с. 879]. Но было отмечено такое негативное, с его точки зрения, следствие закона, как разрушение семейных связей фабричных рабочих. Так как труд мужчин законодательство не регламентировало, ими стали заменять на работе в ночные часы труд женщин и детей. Последствием этого автор статьи называл «...весьма нежелательное разделение семьи, еще более подрывающее и без того довольно шаткие нравственные основы фабрично-рабочего быта» [4, с. 431]. Журнал призывал правительство «...пополнить этот пробел фабричного законодательства, нарушающий порядок семейных отношений» [4, с. 431]. В итоге высказывалось предположение, что фабричные законы, уже принятые и принимаемые, не только не вызовут новой волны возмущения владельцев фабрик и заводов, «...но улучшением условий труда упрочат благосостояние промышленности» [5, с. 880].

Фабричная инспекция также вызывала замечания консерваторов. По мнению «Русского обозрения», фабричный инспекторат порождал недовольство владельцев фабрик, способствуя обострению конфликтов между рабочими и хозяевами и затормаживая про-

изводственный процесс. Журнал объяснял это обстоятельство «... не вполне удовлетворительным на первое время составом фабричной инспекции, заботившейся иногда не о духе, а о букве закона, и во многих случаях не проявлявшей необходимого в таком сложном деле такта» [5, с. 879].

Вопрос социального страхования попал в поле зрения консервативной прессы с момента разработки первых законопроектов. В 1893 г. в отзыве на законопроект об ответственности хозяев за увечья рабочих «Русское обозрение» остановилось на его слабых и сильных сторонах. Самым уязвимым местом законопроекта, по мнению журнала, являлось то, что к ответственности в случае несчастия с рабочими должны были привлекаться только владельцы крупных промышленных предприятий и производители строительных работ [7, с. 424]. Игнорирование интересов рабочих и служащих других предприятий журнал считал его «существенным недостатком» [7, с. 425]. Другое слабое место законопроекта, утверждал журнал, состояло в том, что хозяева должны были привлекаться к ответственности не только в случае наступления увечья или смерти, но и в случаях «повреждения здоровья рабочих или служащих» [7, с. 424]. Выделение фабричных рабочих в привилегированную законом группу, по мнению журнала, имело бы следствием «закладку баррикад», а необходимость возмещения вреда, нанесенному здоровью рабочих, действовало бы как «... тормоз для людей предприимчивых» [7, с. 428]. Также акцентировалось внимание на сложности определения точного времени и места возникновения профессиональных заболеваний. Здесь, по мнению журнала, крылась возможность бесконечных судебных тяжб, так как при переходе рабочего с фабрики на фабрику он мог заболеть на первом месте работы, а предъявить иск хозяину второго, который был бы неповинен в возникновении данного заболевания [15, с. 473]. Из всего вышесказанного журнал делал вывод, что и с социальной, и с экономической точки зрения этот проект вреден [15, с. 473-474].

Первым шагом в направлении создании системы социального обеспечения рабочих стали «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» от 2 июня 1903 г. [11] и закон «Об учреждении старост в промышленных предприятиях» от 10 июня 1903 г. [12]. Предприниматель должен был доказывать в суде свою невиновность, если хотел избежать уплаты вознаграждения потерпевшему или его семье. Впервые были установлены размеры пенсий.

Вскоре после официального опубликования закона о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев в «Московских ведомостях» появляется ряд публикаций, освещавших различные аспекты его подготовки и содержания. В значительном числе случаев, указывала газета, жертвы промышленности оставались без вознаграждения, что увеличивало число бесприютных бедняков [3, с. 1]. Консерваторы призывали правительство в деле социального законодательства обратить внимание на опыт западных государств. Устранить несчастные случаи, указывал автор статьи, невозможно вследствие опасности промышленного производства, но можно принять меры к обеспечению пострадавших и их семейств, как это делают правительства «... цивилизованных стран...» [3, с. 1].

Обсуждение закона было продолжено на страницах последующих номеров. В целом он не подвергался сколь-нибудь существенной критике. «Московские ведомости» писали, что «... закон представляет собой весьма удачную комбинацию индивидуальной и коллективной ответственности за несчастные случаи с рабочими» [2, с. 1]. Положительный момент, как следовало из текста статьи, заключался также в том, что закон оставлял в стороне личность предпринимателя и на первый план выдвигал предприятие как юридическое лицо.

По мнению «Московских ведомостей», слабая сторона закона заключалась в том, что

сфера его действия ограничивалась исключительно травматическими повреждениями, при полном игнорировании профессиональных заболеваний [3, с. 1]. Каждое предприятие признавалось ответственным «...только за свои несчастные случаи. Между тем, при частом переходе рабочих из одного предприятия в другое, трудно установить место действительного заболевания...» [3, с. 1]. Установление места, способствовавшего началу болезни, как отмечали и «Московские ведомости», и, до этого, «Русское обозрение», невозможно. А если вознаграждение привязать к месту обнаружения болезни, то будет нарушен принцип справедливости, и кроме того, это приведет к увольнению болезненных рабочих с предприятия. «Московские ведомости» признавали, что индивидуальная ответственность препятствует полноценному проведению принципа профессионального риска. Они выступали за введение обязательного государственного страхования, «... которого требуют интересы трудящегося люда...» и общее благоустройство экономики, и выражали надежду, что закон «... не представляет заключительной меры, исчерпывающей давно назревший вопрос о наилучшем способе обеспечения рабочих, пострадавших от несчастных случаев» [2, с. 1].

Еще до 1905 г. правительство, очевидно зная то, что принятый страховой закон не совсем удовлетворяет требованиям времени, стало готовить новый закон о страховании рабочих¹. Необходимость принятия данного закона традиционно объяснялась консерваторами попечительной ролью государства в отношении всех групп населения, находящихся под его сенью, особенно тех, кто был не в состоянии надлежащим образом позаботиться о себе сам. По мнению Л.А. Тихомирова, главной обязанностью государства является обязанность заботиться о слабой части населения, которая, по его мнению, была представлена именно рабочими². Неизбежно вставал вопрос о том, кто же будет

нести все расходы по страхованию – государство или предприниматели. Гораздо правильнее, по его мнению, было бы возложить обязанность заботы о пострадавших рабочих на предприятия, вернее, их владельцев, признав эту обязанность государственной повинностью³. Осуществление данных мероприятий, по мнению Тихомирова, подрывало бы влияние социалистов в среде рабочих⁴.

Но принятие нового закона саботировалось думской комиссией настолько очевидно, что это также стало предметом обсуждения на страницах печати. В 1910 г. «Новое время» опубликовало статью под названием «Законодательная обструкция», в которой поднималась данная проблема. Ее существование объяснялось тем фактом, что глава думской комиссии барон Е.Е. Тизенгаузен, будучи директором мануфактуры Н.Н. Коншина в Серпухове, являлся противником идеи страхования рабочих, в чем он и сам искренне признавался [8, с. 3]. Тем не менее комиссия Тизенгаузена все же провела обсуждение страхового проекта и внесла в него определенные изменения. Они касались прежде всего того положения, которое столь сильно заботило предпринимателей – кто будет нести расходы по оплате лечения рабочих. В итоге работы комиссии была принята поправка правого депутата С.В. Воейкова, согласно которой лечение должно было осуществляться не за счет владельцев предприятий, а за счет больничных касс.

Кадеты пытались внести поправку, согласно которой на плечи предпринимателей возлагалась обязанность нести расходы по амбулаторному и больничному лечению. Такого рода инициатива была резко осуждена правыми. «Прямой путь» считал введение такой поправки недопустимым, так как она, по мнению журнала, превратила бы всех предпринимателей в содержателей бесплатных больниц и госпиталей в Российской империи [10, с. 421]. Комиссия Тизенгаузена отклонила поправку, что было поддержано правыми. «Прямой путь» был един с буржуазией в

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 146–147.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 146–147.

³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 166.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 166.

ее требования переложить расходы на лечение рабочих на плечи самих рабочих. В поддержку законопроекта в существующем виде высказались также октябристы и прогрессисты. В несколько ином ключе звучали выступления ораторов от кадетов, которые настаивали на защите не узкоклассовых, а общегосударственных интересов, диктуемых «...социальной справедливостью и государственной необходимостью», игнорирование которых может быть чревато новыми социальными катаклизмами¹. Только трудовики и социал-демократы выступили против страховых законопроектов, называя их обманом, заявляя о том, что только новый революционный подъем может вызвать к жизни подлинно народное законодательство².

«Московские ведомости» приветствовали новые инициативы правительства в отношении страхового законодательства. По мнению газеты, законопроекты в существующем виде обладали двумя важными достоинствами. С одной стороны, они обеспечивали нужды рабочего класса, с другой – положили начало правильной организации рабочих. Газета указывала на то, что интересы предпринимателей от введения новых законопроектов не пострадают. Хорошие хозяева, писала газета, уже давно оказывают помощь своим рабочим. Исторически сложившаяся система обеспечения рабочих в случае болезни и увечий, по мнению «Московских ведомостей», стала на путь дальнейшего развития. То положение, согласно которому на предпринимателей возлагалась обязанность нести определенные расходы по лечению рабочих, газета считала справедливым. Если данную обязанность полностью возложить на больничные кассы, в то время как они еще очень бедны, писали «Московские ведомости», то это надолго поставит рабочих в невыгодное положение [6, с. 1].

10–11 января 1912 г. страховые проекты были приняты Думой и переданы в Государственный Совет, который принял их 2 мая, а император окончательно утвердил 23 июня

1912 г., после чего они получили силу закона [13].

Реализация принятого закона в действительности затянулось. Уже в 1914 г. «Прямой путь» отмечал, что открытие больничных касс, столь необходимых для рабочих, идет далеко не так быстро, как предполагалось изначально. Обвинялись в этом, по традиции черносотенцев, социал-демократы. Журнал приводил выдержки из различных «пролетарских листов», в которых содержались требования превратить больничные кассы в средство борьбы за интересы рабочих [1, с. 328].

Трудности, с которыми внедрялось в русскую действительность новое страховое законодательство, были фактически вызваны тем, что данный закон не удовлетворял интересов ни одной из сторон, примирить которые он был призван. Им не были довольны представители труда, как не были довольны и представители капитала. Последние весьма недвусмысленно высказывались по этому поводу еще в период обсуждения страховых законопроектов. Консервативная пресса на своих страницах поднимала вопрос об отношении владельцев предприятий к работе Государственной думы в направлении разработки рабочего законодательства. Так, «Московские ведомости» сообщали о проходившем в Петербурге с 7 по 9 мая 1912 г. шестом съезде представителей промышленности и торговли, где были поставлены проблемы отношения законодательных учреждений к интересам промышленности и торговли. Государственная дума, по мнению представителей промышленности и торговли, при решении рабочего вопроса продемонстрировала отсутствие делового подхода к рассмотрению страховых законопроектов, что, как отмечали делегаты съезда, являлось необходимым условием придания новым законам жизненной силы. В целом Дума обвинялась представителями съезда в пренебрежении интересами промышленности [14, с. 1].

Таким образом, ни промышленники, ни представители рабочих не были удовлетворены принятыми социальными законами. Консервативные публицисты признавали

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 220-227.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 117. Д. 251. Ч. 3. Л. 220-227.

тот факт, что обеспечение рабочих на случай болезни, получения увечья на производстве и старости является необходимой мерой в деле обеспечения социальной стабильности в России и должно стать одним из приоритетных направлений работы правительства. При этом консерваторы подвергали государство критике: если, по их мнению, предпринятые меры, были недостаточны, то необходимо следовать в деле социального страхования опыту европейских государств, которые уже ввели у себя данные законы.

ИСТОЧНИКИ:

1. Больничные кассы для рабочих // Прямой путь. – 1914. – № 2. – С. 327-330.
2. Вознаграждение увечных рабочих // Московские ведомости. – 1903 – № 285. – С. 1.
3. Вознаграждение увечных рабочих // Московские ведомости. – 1903. № 274. – С. 1.
4. Воронов Л. Экономическое обозрение. О ночных работах на фабриках и заводах // Русское обозрение. – 1890. – № 7. – С. 406-432.
5. Воронов Л. Экономическое обозрение. Новые успехи фабричного законодательства // Русское обозрение. – 1890. – № 6. – С. 860-880.
6. Врачебная помощь рабочим // Московские ведомости. – 1912. – № 96. – С. 1.
7. Морокин А. Об ответственности хозяев за увечья рабочих // Русское обозрение. – 1893. – № 5. – С. 424-428.
8. Наумов. Законодательная обструкция // Новое время. – 1910. – № 12779. – С. 3.
9. О Морозовской мануфактуре // Московские ведомости. – 1885. – № 19. – С. 3.
10. О страховых проектах // Прямой путь. – 1912. – № 2. – С. 421.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIII. – Б.м.: – Б.и., 1905. №25060. 2.06.1903 (Высочайше утвержденные правила о потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. 02.06.1903). – С. 595-607.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXIII. – Б.м.: – Б.и., 1905. №25122. 10.06.1903 (Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. – Об учреждении старост в промышленных предприятиях. 10.06.1903). – С. 734-735.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII. № 37444 (Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. – Об учреждении присутствия по делам страхования рабочих). С 847-850; № 37445. – Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. – Об учреждении совета по делам страхования рабочих). С. 850-854; № 37446. (Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. – Об обеспечении рабочих на случай болезни. С. 854-868); № 37447 (Высочайше утвержденный и одобренный Государственным советом и Государственной Думой закон. – О рабочих от несчастных случаев). С. 868-868.
14. Торгово-промышленный съезд и Государственная Дума // Московские ведомости. – 1912. – № 108. – С. 1.
15. Экономические заметки // Русское обозрение. – 1894. – № 1. – С. 469-478.
16. Spectator [Грингмут В.А.]. Современные вопросы. Грозит ли России социализм // Русское обозрение. – 1894. – № 11. – С. 471-483.

РАЗДЕЛ IV. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 371.1

Кагальная М.В.

*Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко (Украина)*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИМИ КАДРАМИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ УССР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х гг.

M. Kagalnaya

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

PROVIDING SECONDARY SCHOOLS IN THE UKRAINIAN SSR WITH TEACHING STAFF IN THE FIRST HALF 1950's – SECOND HALF 1960's

Аннотация. В статье раскрывается проблема обеспечения школ УССР педагогическими кадрами в период хрущёвской «оттепели». На основе архивных источников исследуется количественный и качественный состав учительства. Освещаются пути повышения образовательного-квалификационного уровня педагогов, характеризуются основные проблемы, связанные с комплектацией школ педагогическими кадрами. Автор делает вывод, что кадровая политика руководства образовательной системой отличалась неточным планированием, что приводило как к избытку, так и к недостатку учителей.

Ключевые слова: учителя, образовательный-квалификационный уровень педагогов, Министерство образования УССР, школьная сеть, педагогические учебные заведения.

Abstract. The article reveals the problem of providing secondary schools in the Ukrainian SSR with teaching staff during the Khrushchev «thaw». Quantitative and qualitative structure of the teaching staff is explored on the basis of archive sources. The author highlights the ways of increasing teachers' educational qualification. Besides, the main problems connected with pedagogical staff school completion are studied. The author concludes that the characteristic feature of the manpower policy of the educational system authorities was inaccurate planning; so it resulted in both the excess and lack of teachers.

Key words: teachers, teachers' educational qualification, the Ministry of Education of the Ukrainian SSR, school chain, pedagogical educational institutions.

Одну из наиболее массовых групп советской интеллигенции составляло учительство, которое активно привлекалось к политической, экономической и культурной жизни общества. В советский период им отводилось особое место среди других социальных категорий населения, так как они не только обучали и воспитывали подрастающее поколение, а являлись проводниками государственной идеологии.

Социальный статус учительской интеллигенции претерпевал значительные изменения в период хрущёвской «оттепели». Вместе с политическими, экономическими и социальными

© Кагальная М.В., 2013.

реформами в стране изменялись и задачи образовательной отрасли. Преобразование народного хозяйства, развитие и внедрение новых технологий, строительство предприятий, с одной стороны, и в то же время нехватка рабочих рук, – с другой, требовали усовершенствования организации учебно-воспитательной работы в школах. В результате повышался статус школы как социального института и возрастала роль учителей, на которых возлагалась задача приблизить учебный процесс к требованиям жизни.

Роль педагогов в обществе еще больше возросла после XXII съезда КПСС в 1961 г., на котором была принята программа строительства коммунизма за 20 лет. В ней особое внимание уделялось необходимости пропаганды среди населения принципов коллективизма, долга, товарищеской взаимопомощи, труда на благо общества и т.д. Именно на учителей и возлагалось воспитание всех этих качеств у подрастающего поколения. Они должны были осуществить важную идеологическую задачу того времени – вырастить человека с коммунистическими идеалами. Поэтому партийно-советское руководство большое значение придавало кадровой политике в образовательной сфере.

Целью этой статьи является анализ проблемы обеспечения школ УССР учителями на региональном уровне в первой половине 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Данная проблематика недостаточно отражена в трудах советских исследователей. К вопросу комплектации школ педагогическими кадрами они обращались в большинстве случаев в процессе рассмотрения общего развития школы и роли партии в нем (Н. Голубева [3], О. Завадская [4]), подготовки работников образования в педагогических учебных заведениях (В. Веселов [1], В. Моисеенко [7]), повышения их идейно-политического и квалификационного уровня (К. Колосова [5], П. Худоминский [11]). Современные ученые также изучают кадровую политику в сфере образования УССР. Заслуживают внимания исследования Ю. Войцеховского [2], О. Логвиненко [6], И. Романюка [9] и др.

Как известно, в послевоенный период остро встала проблема восстановления школьной сети и обеспечения её педагогическими кадрами, так как в период Великой Отечественной войны УССР потеряла около 30% довоенного количества учителей. По данным статистического отдела Министерства образования УССР, в 1940-1941 учебном году в школах республики работало 238 тыс. педагогов, а в 1945-1946 – около 177 тыс.¹ С целью быстрого укомплектования школ учителями для молодежи вводилось заочное обучение в педагогических вузах, организовывались кратковременные курсы подготовки учителей, осуществлялись мероприятия по возвращению на педагогическую работу лиц, которые должны были демобилизоваться из рядов Красной Армии или которые работали не по специальности. Более того, на протяжении 1951-1953 гг. прием студентов в педагогические учебные заведения был увеличен на 45% [10, с. 55]. Благодаря этим мероприятиям руководству республики удалось восстановить довоенное количество педагогических кадров. В 1953-1954 учебном году в отрасли народного образования работало более 292 тыс. учителей².

Вместе с тем количественный рост работников образования сопровождался низкими качественными показателями их профессиональной подготовки. Так, среди указанного количества учителей в 1953-1954 учебном году только 19% имели полное высшее образование (то есть закончили университеты или педагогические институты), 29% – неполное высшее (после окончания учительских институтов), 41% – среднее педагогическое (закончили педагогические училища)³. Низкий образовательно-квалификационный уровень педагогов в основном объяснялся условиями послевоенных лет. В связи с недостатком учителей для преподавания в школе достаточным было любое педагогическое об-

¹ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 15. Д. 75. Л. 2.

² ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 15. Д. 1476. Л. 5об.

³ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 15. Д. 1476. Л. 5.

разование. В результате большинство учителей предпочитали получать среднее педагогическое образование.

Значительное увеличение приема в педагогические учебные заведения и ежегодный до 15 тыс. человек выпуск молодых специалистов к середине 1950-х гг. полностью удовлетворил потребности школ в педагогических кадрах. Однако в ежегодном кадровом планировании Министерства образования УССР не было учтено уменьшение детского контингента в республике в связи с демографическими последствиями Великой Отечественной войны. Как следствие, появился избыток работников образования, который достигал 20 тыс. человек [6, с. 204]. Ситуацию усложняло еще и то, что в 1955 г. в школах были введены новые учебные планы, которые значительно уменьшали количество часов на гуманитарные дисциплины и увеличивали – на предметы естествознания и точных наук. Это привело к увеличению количества учителей истории, географии, языка и литературы, которые не имели нормы недельной педагогической нагрузки.

Учитывая сложившуюся обстановку, Министерство образования УССР и Госплан УССР в 1955 г. провели расчеты потребности в педагогических кадрах. Они показали, что увеличение контингента учащихся до 60 млн. чел. в 1960 г. против 56 млн. в 1954 г. не сможет обеспечить трудоустройство всех педагогов, их избыток будет составлять 16 тыс. чел.¹. Поэтому в 1955 г. Министерство образования УССР начало реорганизацию сети педагогических учебных заведений. Из 79 педагогических училищ в течение 1955-1957 гг. было закрыто 30, также сократили прием в педагогические институты: с 10 тыс. чел. до 7 тыс., позже – до 5 тыс. чел., а в педучилища – с 7500 до 1800 чел.².

Таким образом, руководству образовательной сферы удалось за три года уменьшить ежегодное пополнение педагогических кадров на 18 тыс. чел. В 1956-1957 учебном году в школах республики работало около 319 тыс. учителей. Их профессиональный

уровень возрос: полное высшее образование имели 27% педагогов (квалификационный уровень повысился на 8%), неполное высшее образование – 28%, среднее педагогическое – 38%³.

Необходимо отметить, что проведенные расчеты Министерства образования УССР и Госплана УССР, о которых упоминалось выше, основывались только на колебаниях количества учащихся и не учитывали тех процессов, которые происходили в образовательной сфере. Вместе с тем во второй половине 1950-х гг. активно началось осуществление закона о всеобуче. Параллельно расширялась школьная сеть за счет активизации колхозно-совхозного строительства. Был осуществлен переход к 8-летнему образованию, односменному обучению. В результате к началу 1960-х гг. в школах республики ученический контингент превышал запланированный на 7 млн. чел. В 1960-1961 учебном году в общеобразовательных школах обучалось более 67 млн. учеников⁴. Количество работников образования составляло 356 тыс. чел.⁵. Для обеспечения соответствующего учебного процесса не хватало 10 тыс. педагогов, в частности учителей начальных классов, физики, математики, иностранных языков, трудового обучения, черчения, пения⁶.

Такая ситуация заставила руководство республики принимать срочные меры по обеспечению школ необходимым количеством педагогов. Согласно постановления ЦК КП Украины и Совета Министров УССР «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ УССР учительскими кадрами» от 28 ноября 1961 г. увеличивался набор студентов на дневные отделения педагогических институтов на 1962-1963 учебный год до 10 тыс. чел., педагогических училищ – до 7,5 тыс. чел. Кроме того, с 1 декабря 1961 г. при педагогических училищах и средних общеобразовательных школах организовывались педагогические

³ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 15. Д. 2074. Л. 1.

⁴ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 73. Д. 750. Л. 3.

⁵ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 73. Д. 750. Л. 4.

⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 9. Д. 8365. Л. 158.

классы с одногодичным или двухгодичным обучением для подготовки учителей начальных классов. Количество слушателей составляло 1000 чел., а с 1 декабря 1962 г. – 2000 чел. Выпускники этих классов приравнялись в оплате труда к выпускникам педагогических училищ и имели возможность поступать на первые курсы заочных отделений педагогических институтов вне конкурса. Данным постановлением предоставлялось право лицам, которые имеют высшее непедagogическое образование и хотят перейти на педагогическую работу, поступать без экзаменов на четвертый курс заочных отделений педагогических институтов на специальности, которые близки по профилю полученным знаниям¹.

Для выполнения постановления Министерства образования УССР не только увеличилось прием студентов в педагогические заведения, но и открыло новые факультеты. С целью увеличения количества учителей иностранных языков и пения в 10 педагогических институтах были открыты музыкально-педагогические факультеты и факультеты иностранных языков. Для обеспечения трудового обучения учащихся в республике была организована подготовка учителей труда и производственного обучения при технических, сельскохозяйственных вузах и педагогических училищах. Были внесены изменения в учебные планы старших курсов педагогических институтов и в 1961 г. организована полугодичную педагогическая практика для студентов пятых курсов, а в 1962 г. – годовая педагогическая практика для студентов четвертых курсов и полугодовая для студентов пятых курсов педагогических институтов. Это дало возможность в 1961-1962 учебном году заполнить 1845, а в 1962-1963 – 5700 вакантных мест учителей разных специальностей². Кроме того, Министерство образования УССР разрешило восполнить недостаток педагогов за счет увеличения недельной нагрузки на учителей.

Однако эти мероприятия только частично могли удовлетворить потребность в пе-

дагогических кадрах. В докладных записках областных комитетов профсоюзов Республиканскому комитету профсоюза работников образования высшей школы и научных учреждений в 1962 г. подчеркивалось, что Министерство образования УССР удовлетворило заявку на необходимое количество педагогических кадров только на 30-60%, в зависимости от области³. Как следствие, все регионы УССР ощущали недостаток учителей. Например, в Запорожской, Херсонской, Хмельницкой областях в 1961-1962 гг. не хватало 450, 250, 387 педагогов соответственно⁴. Поэтому учителя физики, математики, иностранных языков имели нагрузку до 30-35 часов в неделю.

Недостаток педагогов ощущался и в последующие годы, хотя в 1963-1964 учебном году количество учителей возросло и составило более 403 тыс. чел.⁵.

Необходимо отметить, что в первой половине 1960-х гг. значительно изменился качественный состав работников образования. Их образовательно-квалификационный уровень возрос в 2,5 раза по сравнению с первой половиной 1950-х гг. В 1963-1964 учебном году 45% учителей имели полное высшее образование [8, с. 36].

Увеличение количества педагогов с полным высшим образованием произошло главным образом за счет масштабного обучения на заочных отделениях педагогических институтов и целенаправленного распределения молодых специалистов после окончания учебных заведений. Министерство образования УССР обязывало областные отделы народного образования каждый год составлять планы поступления учителей на заочное обучение. В 1954 г. на заочных отделениях обучалось около 50 тыс. педагогов⁶. Кроме того, для учителей-заочников создавались благоприятные условия для подготовки к экзаменам: предоставлялись свободные от работы дни в

³ ЦГАОО Украины. Ф. 5098. Оп. 1. Д. 95. Л. 32.

⁴ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1937. Л. 115, 124, 129.

⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 15. Д. 4124. Л. 1.

⁶ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 73. Д. 674. Л. 10.

¹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 9. Д. 8365. Л. 159.

² ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1937. Л. 156.

период каникул с оплатой их в размере 50% получаемой зарплаты¹. Таким образом, набор на заочные отделения педагогических заведений увеличивался с каждым годом и к середине 1960-х гг. в два раза превышал набор на стационарную форму обучения [6, с. 206].

Рост количества учителей с высшим образованием обеспечивался также за счет направления в школы республики выпускников педагогических учебных заведений. Областные отделы народного образования каждый год подавали Министерству образования УССР заявки на потребность в педагогических кадрах. В свою очередь, Министерство образования УССР, согласно этим заявкам, распределяло на работу молодых специалистов. Например, в начале 1954-1955 учебного года в школы западных областей прибыло 4534 выпускников, из них 2614 – с высшим образованием².

Однако не все выпускники приезжали в школы по распределению, часть из них оставалась работать в областях, где жила и училась. К примеру, в 1953-1954 учебном году Киевский государственный университет из 139 запланированных выпускников направил в школы Тернопольской и Волынской областей только 78 чел. Другие были направлены работать в центральные области или оставлены на работу в школах г. Киева³. Кроме того, часть молодых специалистов не прибыла в школы, несмотря на угрозу привлечения их к уголовной ответственности за уклонение от работы (приказы Народного комиссариата юстиции СССР и прокурора СССР от 25 сентября 1940 г., а также разъяснение прокурора УССР от 16 июля 1953 г.). Таким образом, в 1961 г. около тысячи выпускников Киевского, Одесского, Львовского государственных университетов и педагогических институтов не приступили к работе⁴. А в 1962 г. школы республики не досчитались 50% выпускников от запланированного числа⁵. Особенно

неохотно молодые специалисты приезжали в сельские школы, что объяснялось низким уровнем материально-бытового и социокультурного обеспечения сельских учителей. Поэтому городские школы ощущали избыток педагогов, которые работали без полной нагрузки, в то время как в учебных заведениях сельской местности не хватало квалифицированных специалистов.

Механизм планирования и направления выпускников педагогических вузов в школы не был достаточным образом соразмерен с потребностью их по областям. Как следствие, в одних областях не хватало молодых специалистов с полным высшим образованием, а в других – их было с избытком. Так, в 1954 г. по плану распределения выпускников в Ворошиловградскую область (сейчас – Луганская) прибыло 632 молодых специалиста, а для поддержания на должном уровне учебного процесса необходимо было 795 учителя⁶. Вместе с тем в 1956 г. в Винницкую область было направлено 458 молодых специалиста с высшим педагогическим образованием. Из них удалось трудоустроить только 339 выпускника, а для остальных вакансий не было⁷. Министерство образования УССР с целью обеспечения молодых специалистов работой позволяло областным отделам народного образования в конце учебного года замещать на должностях тех учителей, которые не имели соответствующего образования и нигде заочно не обучались.

Еще одним способом комплектования школ квалифицированными кадрами стали ежегодные курсы переподготовки педагогов, которые организовывались в Центральном институте повышения квалификации работников народного образования, областных институтах усовершенствования квалификации учителей, в педагогических институтах и училищах. На этих курсах педагогов 1-4 классов готовили для работы в 5-7 классах, а учителей 5-7 классов – для работы в 8-10 классах. Основное внимание слушателей курсов уде-

¹ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 10. Д. 63. Л. 121.

² ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 73. Д. 674. Л. 10.

³ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 73. Д. 663. Л. 118.

⁴ ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 9. Д. 8365. Л. 158.

⁵ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1937. Л. 157.

⁶ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 73. Д. 681. Л. 167.

⁷ Государственный архив Винницкой области (ГАВО). Ф. 4897. Оп. 2. Д. 226. Л. 34.

лялось вопросам изучения теории марксизма-ленинизма и ознакомления с методиками преподавания предметов. С целью овладения учителями прикладными знаниями проводились практические занятия, организовывались экскурсии на заводы, в совхозы и колхозы. В 1962 г. разными видами курсовой переподготовки было охвачено более 124 тыс. учителей¹.

Таким образом, процесс обеспечения педагогическими кадрами школ УССР в рассматриваемый период имел противоречивый и неоднозначный характер. Благодаря масштабным мероприятиям по подготовке работников образования, осуществленным в послевоенные годы, к середине 1950-х гг. школы республики не только были укомплектованы педагогическими кадрами, но и появился их избыток. Во избежание безработицы среди учителей руководство отраслью образования вынуждено было уменьшить количество педагогических училищ и сократить прием на первые курсы педагогических учебных заведений. Однако такие радикальные мероприятия в начале 1960-х гг. привели к значительной нехватке педагогов. Это объяснялось тем, что расчеты кадрового планирования не соответствовали быстрому росту количества учеников. Как следствие, Министерство образования УССР вынуждено было в срочном порядке путем организации кратковременных курсов увеличить подготовку работников образования.

В исследуемый период образовательного квалификационный уровень учителей претерпел значительные изменения. Наскоро подготовленные педагоги в начале 1950-х гг. имели низкий уровень образования. В результате поступательного развития школьной системы, перехода к обязательному восьмилетнему образованию возникла проблема укомплектованности школ кадрами с высшим образованием. Поэтому широкий размах приобрело массовое заочное обучение и курсы переподготовки. Кроме этого, ежегодно около 10 тыс. выпускников педагогических вузов направлялись на работу в школы.

¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 31. Д. 1937. Л. 158.

Таким образом, в начале 1960-х гг. количество учителей с высшим образованием возросло в 2,5 раза.

Кроме того, процесс обеспечения школ педагогами осложнялся несовершенным распределением молодых специалистов: в одних областях план по их распределению не выполнялся в полной мере, вследствие чего имелась потребность в педагогах с высшим образованием, в других – перевыполнялся, в результате чего возникала проблема их трудоустройства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веселов В.Р. Формирование учительских кадров в СССР. – М.: МГПИ, 1983. – 88 с.
2. Войцеховский Ю.В. Інтелігенція українського села: 1960-ті – перша половина 1980-х років. – Київ-Бердянськ: [б.в.], 2004. – 124 с.
3. Голубева Н.А. Забота партии об обеспечении школ учительскими кадрами в период подготовки условий для развертывания коммунистического строительства // Из истории формирования социалистической интеллигенции. – Л.: Изд-во Ленинградского педагогического института им. А. Герцена, 1972. – С. 150-165.
4. Завадская О.А. Развитие общеобразовательной школы Украины в период строительства коммунизма (1959-1968 гг.). – К.: Издательство Киевского университета, 1968. – 266 с.
5. Колосова К.А. Школи України на новому етапі. – К.: Радянська школа, 1960. – 89 с.
6. Логвиненко О.В. Підготовка вчителів та забезпечення ними шкіл України у 1950-1960-х рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. – Вип. 10. – К.: Ніка-Центр, 2006 – С. 203-213.
7. Мойсеенко В.Д. Керівництво КПРС розвитком народної освіти. На матеріалах УРСР 1945-1958 рр. К.: Вища школа, 1975. – 135 с.
8. Народна освіта, наука і культура в Українській РСР: Статистичний збірник. К.: Статистика, 1973. – 340 с.
9. Романюк І. Українське село у 50-ті – першій половині 60-х рр. ХХ ст. – Вінниця: Книга-Вега, 2005. – 256 с.
10. Ходырев А.М. Советская школа 50-х – середины 1960-х гг. как социокультурный феномен. – Ярославль: ЯГПУ, 2004. – 151 с.
11. Худоминский П.В. Развитие системы повышения квалификации педагогических кадров советской общеобразовательной школы (1917-1981 гг.). – М.: Педагогика, 1985. – 184 с.

УДК 32:316.65(470+57) «1967»

Чернявский А.В.

Московский государственный областной университет

РЕАКЦИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ДЕЙСТВИЯ СССР В ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЕ 1967 г.

A. Cherniavsky

Moscow State Regional University

SOVIET CITIZENS' REACTION TO THE USSR'S ACTIONS IN THE SIX-DAY WAR OF 1967

Аннотация. По итогам работы с архивными документами Российского государственного архива новейшей истории (далее РГАНИ) было выделено несколько наиболее распространенных точек зрения советских граждан на действия СССР в Шестидневной войне 1967 г. Они различаются по степени лояльности от полного одобрения действий правительства, до открытых призывов к советским гражданам об оказании военной помощи одной из противоборствующих сторон. Все восемь точек зрения, которые рассматриваются в данной статье, сопровождаются примерами в виде соответствующих задокументированных высказываний и цитат из писем. Формировавшееся в советских СМИ представление об абсолютно однородной поддержке действий правительства в Шестидневной войне 1967 г. представляется не соответствующим действительности.

Ключевые слова: СССР, советские граждане, общественное мнение, Шестидневная война, арабо-израильский конфликт.

Abstract. As a result of studying the archive documents in the Russian State Archive of Contemporary History, several most prevalent points of view of Soviet citizens about the USSR's actions in the Six-day war of 1967 were identified. They vary in the degree of loyalty: from full approval of government actions to direct calls on Soviet citizens to provide military support to one of the sides in the conflict. All eight points of view which are considered in this paper are supported by relevant documented opinions and quotations from the letters. In spite of the Soviet mass media's attempts to form the idea of a unanimous public support of the government in those events, the author doesn't consider it to be trustworthy.

Key words: the USSR, Soviet citizens, public opinion, Six-day war, Arab–Israeli conflict.

Цель статьи состоит в том, чтобы на основе самостоятельно найденных и подобранных в РГАНИ документов выделить несколько наиболее распространенных точек зрения советских граждан на действия СССР в Шестидневной войне 1967 г. и опровергнуть формировавшееся в советских СМИ представление об абсолютно однородной поддержке действий правительства.

Данная тема относится к числу тех, которые еще слабо освещены в отечественной историографии. Несмотря на широкое изучение ближневосточного конфликта, исследования, прямо посвященные реагированию советской общественности на действия правительства в этом конфликте, практически отсутствуют. Появившиеся в дни войны на страницах советских газет отклики граждан своей однотипностью и использованием повторяющихся выражений вызывают сомнения относительно того, как они готовились [5, с. 1; 6, с. 1; 2, с. 1; 1, с. 1; 3, с. 5].

Иные оценки конфликта были представлены в нелегальном журнале «Политический дневник». Этот информационный бюллетень с 1964 г. выпускался в машинописном варианте советским диссидентом Р.А. Медведевым и содержал анонимные статьи на различные темы,

в том числе об актуальных событиях. Имеющееся в распоряжении автора издание представляет из себя сборник 11 номеров журнала, выходявших в разные годы, изданный в Амстердаме в 1972 г. в Фонде им. Герцена по инициативе брата Р.А. Медведева Ж.А. Медведева, помощника редактора журнала.

В «Политическом дневнике» № 33 за июнь 1967 г. в анонимной статье «Конфликт на Ближнем Востоке и интеллигенция», помимо попытки объективно проанализировать события на Ближнем Востоке, обращается внимание на «заметно отличающуюся от официальной позицию значительной части населения страны, и особенно интеллигенции» [4, с. 245–246]. Объясняя такую реакцию, анонимный автор статьи оговаривается, что дело «вовсе не в том, что в интеллигенции велика еврейская прослойка, сходные позиции занимала русская, украинская и молдавская части интеллигенции» [4, с. 246]. Основными причинами указываются наличие «общих оппозиционных (даже «прозападных») настроений в среде интеллигенции» [4, Там же] и большая осведомленность в происходящих событиях из иностранных радиопередач.

Говоря об «определенной оппозиции советской политике в отношении арабских стран и в особенности Египта не только со стороны интеллигенции, но и среди довольно значительной части рабочих», автор дает два объяснения, которые подтверждаются ниже архивными материалами. «Огромные размеры затрат на Египет вызывали возражения» во-первых, из-за репрессий против египетских коммунистов [4, Там же], самого же Насера «мало кто среди интеллигентов считал социалистом, воспринимая его скорее «как фашиста или национал-социалиста» [4, Там же]. Во-вторых, «недоумение и гнев советских налогоплательщиков» вызывало отношение египтян к советскому оружию, доставшемуся им фактически даром. По мнению граждан, «Египет по-настоящему не освоил его и не дорожил этой техникой» [4, с. 247], бросив в руки врага.

В статье доцента Благовещенского государственного педагогического университе-

та, к.и.н. Д.В. Кузнецова «Арабо-израильский конфликт в зеркале российского общественного мнения (по данным социологических опросов)» основное внимание уделяется реакции российской общественности на ближневосточные события после 2000 г. Описывая историю вопроса, автор заявляет, что, по его мнению, «узнать, какова же была их (советских людей – А.Ч.) точка зрения на проблемы Ближнего Востока, очень сложно» [7, с. 238–250]. Как считает автор, «в СССР общественное мнение в отношении арабо-израильского конфликта, как правило, не выходило за рамки официальной позиции руководства страны» [7, Там же]. В подтверждении он ссылается на «высказывания советских людей на страницах прессы, которые в целом являлись созвучными с позицией руководства СССР» [7, Там же]. Архивные материалы по данной теме в статье не упоминаются.

В то же время хранящиеся в РГНИ материалы о реагировании населения СССР на действия правительства в Шестидневной войне можно условно разделить на две группы: информации местных партийных органов в ЦК КПСС об откликах коммунистов и трудящихся на события на Ближнем Востоке и обсуждение итогов июньского (1967 г.) пленума ЦК КПСС и сводки писем читателей в центральные газеты. В этих информациях, помимо дежурных фраз о всеобщем одобрении политики партии и правительства, приводятся примеры отдельных «нездоровых, отрицательных высказываний». Все архивные документы были найдены и подобраны автором самостоятельно. Часть из них не имели названия, поэтому автору в процессе написания статьи пришлось озаглавить их самому для оформления развернутых библиографических ссылок.

5 июня 1967 г. в ответ на блокирование ранее ОАР залива Акаба, армия Израиля нанесла удары по Египту, Сирии и Иордании.

Начавшаяся война вызвала в СССР определенный общественный резонанс. Признание права Израиля на существование, советская идеология через официальные СМИ неизменно представляла его зависимым,

марионеточным государством, проводником политики США и Англии на Ближнем Востоке. Арабские страны, напротив, представлялись молодыми, свободолюбивыми и вставшими на путь “прогрессивных государственных преобразований”. Именно такая, официальная оценка противоборствующих сторон разделялась большинством советских граждан. Однако, учитывая многонациональный характер советского общества, в случае с этим конфликтом, в действие помимо идеологического вступали национальный и профессиональный факторы, а также район проживания.

Основываясь на сообщениях местных партийных органов в ЦК КПСС и сводках писем в “Правду” и “Известия”, можно выделить несколько особенностей реакции граждан СССР на его помощь арабским странам и разрыв дипломатических отношений с Израилем 10 июня 1967 г.

1) Большинство советских граждан поддерживало действия СССР в ходе Шестидневной войны.

“Одобрели Ноту советского правительства о разрыве дипломатических отношений с Израилем” член партии звеньевая колхоза имени XXI съезда КПСС Ивано-Франковского района Ивано-Франковской области Дрекало¹, кузнец Московского инструментального завода “Калибр” Лошаков², студент второго курса Челябинского политехнического института В. Порываев³, председатель правления ленинградского отделения Союза художников РСФСР М.К. Аникушин⁴, на-

¹ Информация секретаря ЦК КПУ В. Дрозденко от 24.07.67 об обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС в партийных организациях Украинской ССР. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 12. Л. 64.

² Информация секретаря МКК КПСС от 14.06.67 о митингах протеста трудящихся гор. Москвы против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Д. 1. Л. 75.

³ Информация секретаря Челябинского обкома КПСС Н. Родионова от 13.06.67 о настроениях трудящихся в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Д. 5. Л. 64.

⁴ Информация секретаря Ленинградского обкома КПСС от 29.06.67 о собрании актива Ленинградской об-

родный артист СССР, профессор, режиссёр ГАБТа Б.А. Покровский⁵, вице-президент АН СССР, директор института кибернетики АН УССР В.М. Глушков⁶.

2) В то же время в советском обществе сохранялся страх перед возможностью прямого втягивания СССР в военный конфликт, участия в нем Советских вооруженных сил и его перерастания в большую войну. Поэтому часть граждан высказывались против возможного прямого вмешательства в конфликт.

В этом отношении показательны вопросы, заданные на собраниях партийного актива и простых советских трудящихся: “Удастся ли сдержать израильскую агрессию или будет большая война?”⁷, “Означает ли разрыв дипломатических отношений с Израилем, что Советский Союз вступит в военные действия с целью оказания помощи арабским странам?”⁸, “Насколько возможно наше столкновение непосредственно с войсками США в этом районе?”⁹, “Будут ли войска Советской Армии участвовать в разгроме израильских агрессоров?”¹⁰, “Может ли агрессивная по-

ластной партийной организации. Там же. Д. 11. Л. 27 – 28.

⁵ Информация секретаря МКК КПСС от 12.07.67 об откликах трудящихся на заявление социалистических стран по поводу агрессии Израиля на Ближнем Востоке. Там же. Д. 16. Л. 68.

⁶ Информация секретаря ЦК КПУ А. Ляшко от 30.06.67 о пленуме ЦК КП Украины, состоявшемся 27–29 июня 1967 г. Там же. Д. 11. Л. 45.

⁷ Информация зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновского от 14.06.67 о митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Перечень наиболее характерных вопросов, которые задают трудящиеся в связи с агрессией Израиля против арабских стран. Там же. Д. 1. Л. 74.

⁸ Информация секретаря Челябинского обкома КПСС Н. Родионова от 13.06.67 о настроениях трудящихся в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Л. 65.

⁹ Информация секретаря Ленинградского обкома КПСС от 08.07.67 о проведении районных и городских собраний партийного актива в Ленинградской областной партийной организации по обсуждению итогов июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС. Там же. Д. 12. Л. 19.

¹⁰ Информация секретаря обкома КПСС Н. Родионова от 16.06.67 о настроениях трудящихся Челябинской области в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств соци-

литика правящих кругов Израиля, США, Англии привести к началу новой мировой войны?»¹.

Как сообщал секретарь Челябинского обкома КПСС Н. Родионов, «отдельные лица опасаются возникновения третьей мировой войны и считают недопустимым вмешаться в конфликт за исключением помощи арабам техникой, медикаментами и моральной поддержкой»².

3) Часть граждан, наоборот, были не в полной мере удовлетворены действиями СССР, призывали перейти от слов к делу и выражали желание в качестве добровольцев принять участие в войне на стороне арабских стран. Так, в письмах-откликах, поступивших в июне – июле 1967 г. в редакцию газеты «Известия» были и такие, авторы которых требовали «занять более жесткую позицию в отношении Израиля, допуская даже вооруженное вмешательство на стороне арабов»³.

Аналогичные отклики содержались в письмах, направленных в «Правду». Так, ветеран Гражданской и Отечественной войн Н.М. Есин из Москвы писал: «Сейчас, когда Израиль обосновывается на захваченных зем-

алистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Д. 16. Л. 87; См.: Информация зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновского от 14.06.67 о митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Перечень наиболее характерных вопросов, которые задают трудящиеся в связи с агрессией Израиля против арабских стран. Там же. Д. 1. Л. 73.

¹ Информация секретаря обкома КПСС Н. Родионова от 16.06.67 о настроениях трудящихся Челябинской области в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Д. 16. Л. 87.

² См.: Информация секретаря обкома КПСС Н. Родионова от 13.06.67 о настроениях трудящихся Челябинской области в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Д. 5. Л. 65.

³ Справка по письмам-откликам в «Известия» в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке в июне – июле 1967 г., направленная главным редактором Л. Толкуновым 26.07.67 в ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 178.

лях, надо кончать митинговать и начать действовать!»⁴. Ю.И. Абрамов из Волгограда призывал: «Пришла пора перейти от митингов к решительным действиям. Любая помощь ОАР и другим арабским странам будет понята нашим народом»⁵. Бывший офицер из Хабаровска Д.А. Иванов писал: «Если правительство найдет нужным, направить арабам оружие или даже войска в любой форме (кадровые или добровольцев), советские люди такое решение встретят с удовлетворением»⁶. Просил отправить его добровольно на фронт беспартийный Г.М. Попов из Саратова⁷.

4) Несогласие с внешней политикой СССР и недовольство оказываемой им помощью арабским странам, по утверждению местных партийных органов, проявлялось в основном со стороны еврейского населения.

Заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновский докладывал начальству: «Из партийных комитетов Белоруссии и Эстонии, Узбекистана, Казахстана поступили сообщения, что среди некоторой части еврейского населения проявляются сионистские настроения»⁸. Считали, что «евреи ведут справедливую войну», врач-методист туберкулезного диспансера Ташкента Либзон⁹, рабочий Прибалтийской ГРЭС, еврей немецкого происхождения Иоффе. Последний добавил, что «Израиль строит социализм, и мы зря его не поддерживаем»¹⁰.

⁴ Сводка писем-откликов на военную агрессию Израиля против арабских стран от 26.06.67, направленная главным редактором «Правды» М. Зимяниным в ЦК КПСС. Там же. Д. 26. Л. 80–81.

⁵ См.: Там же. Л. 92–93.

⁶ См.: Там же. Л. 93.

⁷ См.: Там же. Л. 97.

⁸ Информация зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновского от 14.06.67 о митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Д. 1. Л. 71.

⁹ См.: Информация секретаря ЦК Компартии Узбекистана В. Ломоносова от 13.06.67 об откликах трудящихся в связи с событиями на Ближнем Востоке. Там же. Д. 16. Л. 83.

¹⁰ См.: Информация зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновского от 14.06.67 о митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Д. 1. Л. 71–72.

Житель Ташкента, работник Узрадиокомитета еврей Лихонос “высказал отрицательное мнение по поводу разрыва СССР дипломатических отношений с Израилем”¹.

“Недовольство тем, что Советский Союз поддерживает арабов” выразил фотокорреспондент газеты “Комсомолец Узбекистана” Косовский².

Письма, авторы которых “защищали Израиль или содержали антисоветские заявления”³, поступали в “Известия” анонимно, исполненные на машинке или измененным почерком и без обратного адреса. В них приводились, в частности, утверждения, “что нынешняя политика СССР является будто бы отходом от марксистской теории, т.к. якобы “поощряется геноцид”, “нарушается право наций на самоопределение”⁴. В качестве одного из аргументов упоминался “факт поддержки СССР в 1947 г. образования Израйля”⁵.

Читатель “Правды” Н.К. Назаров из Ленинграда писал: “Работающие у нас на предприятии евреи возмущаются тем, что правительство наше якобы специально преувеличивает опасность, разжигает антисемитизм”⁶. В.Я. Янсон из Риги сообщал: “Среди части сограждан еврейской национальности существуют превратные суждения по поводу действий Израйля. Этим недугом страдают

не только рядовые труженики, но и отчасти авторитетные, талантливые деятели”⁷.

5) Отдельные представители еврейской национальности, в особенности в Украине, осуждали помощь арабским странам, заявляя, что СССР занимает неправильную сторону в конфликте. По их мнению, официальная информация о событиях на Ближнем Востоке имеет односторонний характер, сознательно умалчиваются успехи израильской армии. Среди этой части граждан имели место призывы ко всем евреям поехать в Израиль добровольцами.

Считал, что “заявление советского правительства одностороннее, возлагает всю ответственность на Израиль, не замечая террористических акций со стороны арабских государств”, – заведующий кафедрой Харьковского политехнического института Глазман⁸. Пенсионер из Одессы Райтер “выразил удивление, почему лекторы и агитаторы упоминают, что в первые дни было сбито 72 самолета израильтян, и ничего не говорят о том, что было сбито 400 самолетов арабов”⁹.

Были готовы “браться за оружие и помогать Израйлю в его борьбе против арабов” заведующий музыкальным магазином Черновицкого промторга Бенинсон¹⁰, слесарь завода “Легмаш” в г. Черновцы Габис¹¹.

6) Это не значит, что все советские евреи были такого мнения по поводу действий СССР в арабо-израильском конфликте. Значительная часть из них, руководствуясь миролюбивыми и интернационалистскими взглядами, поддерживала предпринятые СССР меры по прекращению войны, в том числе разрыв дипломатических отношений с Израилем. Как утверждали местные партий-

¹ См.: Информация секретаря ЦК Компартии Узбекистана В. Ломоносова от 13.06.67 об откликах трудящихся в связи с событиями на Ближнем Востоке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 16. Л. 83.

² См.: Там же.

³ См.: Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи с событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 136; См.: Справка по письмам – откликам в “Известия” в связи с агрессией Израйля на Ближнем Востоке в июне – июле 1967 г., направленная главным редактором Л. Толкуновым 26.07.67 в ЦК КПСС. Там же. Л. 178.

⁴ Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи с событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Л. 137.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Сводка писем-откликов на военную агрессию Израйля против арабских стран от 26.06.67, направленная главным редактором “Правды” М. Зимяниным в ЦК КПСС. Там же. Д. 26. Л. 88.

⁷ См.: Там же. Л. 103.

⁸ См.: Информация секретаря ЦК КПУ П. Шелеста от 09.06.67 о реагировании трудящихся Украинской ССР на события на Ближнем Востоке. Там же. Д. 16. Л. 66.

⁹ Информация секретаря ЦК КПУ А. Ляшко от 12.06.67 о митингах протеста трудящихся Украинской ССР против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Л. 75.

¹⁰ См.: Информация секретаря ЦК КПУ П. Шелеста от 09.06.67 о реагировании трудящихся Украинской ССР на события на Ближнем Востоке. Там же. Л. 66.

¹¹ См.: Там же.

ные комитеты, “большинство лиц еврейской национальности вместе со всеми поддерживали действия советского правительства”¹. Приветствовали решение о разрыве дипломатических отношений с Израилем мастер симферопольского завода “Сельхоздеталь” Пейсах², преподаватель Челябинского энергомеханического техникума Фильдман³, а также верующие евреи города Ташкента⁴.

По оценкам редакции “Известий”, из поступивших более чем 400 писем, от 50 до 80% авторов которых были евреи, “большая часть (свыше 60 процентов) включает в себе полную поддержку политики советского правительства”⁵.

7) Часть граждан, в том числе не еврейской национальности, пытались составить объективную картину конфликта, искали его причины в действиях обеих сторон, в том числе указывая на агрессивные заявления и действия арабских лидеров накануне войны.

Например, на пленумах, собраниях были заданы вопросы: “Почему арабские государства не признают Израиль? Не является ли это причиной напряженности на Ближнем Востоке?”⁶, “Правильные ли действия араб-

ских государств, блокировав накануне конфликта границы Израиля?”⁷, “Не послужило ли отчасти высказывание Насера от 31 марта 1967 г. о том, что в случае войны с Израилем все евреи будут утоплены в Средиземном море, причиной конфликта?”⁸.

Блокада арабами Акабского залива вызвала “трудность объяснения для читателей “Известий”, ведущих пропагандистскую работу”⁹ и использовалась в качестве одного из аргументов авторами писем, защищающими Израиль¹⁰.

8) Некоторые советские граждане сомневались в целесообразности оказания военной и технической помощи арабским странам. По их мнению, во-первых, арабские страны, в частности ОАР, не были достаточно надежными союзниками, доказательством чему были репрессии против местных коммунистов и неоднозначные внутренние реформы. Во-вторых, быстрое поражение арабских армий, оснащенных в основном советской военной техникой, бросало тень на качество советского оружия, выставляло его менее эффективным, чем американское и западноевропейское, что в условиях гонки вооружений было недопустимым. Все это вызывало призывы прекратить поставки оружия арабским странам, которые не умеют с ним обращаться и только позорят его.

Например, при обсуждении итогов июньского (1967 г.) пленума ЦК КПСС были и

¹ См.: Информация зам. зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Вороновского от 14.06.67 о митингах протеста против израильской агрессии на Ближнем Востоке. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Там же. Д. 1. Л. 71.

² См.: Информация секретаря ЦК КПУ А. Ляшко от 12.06.67 о митингах протеста трудящихся Украинской ССР против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Д. 16. Л. 74.

³ См.: Информация секретаря обкома КПСС Н. Родионова от 13.06.67 о настроениях трудящихся Челябинской области в связи с заявлением центральных комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран и нотой советского правительства о разрыве дипломатических отношений с правительством Израиля. Там же. Д. 5. Л. 64.

⁴ См.: Информация секретаря ЦК Компартии Узбекистана В. Ломоносова от 13.06.67 об откликах трудящихся в связи с событиями на Ближнем Востоке. Там же. Д. 16. Л. 83.

⁵ См.: Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи с событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 136; См.: Справка по письмам-откликам в “Известия” в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке в июне – июле 1967 г., направленная главным редактором Л. Толкуновым 26.07.67 в ЦК КПСС. Там же. Л. 177.

⁶ См.: Информация секретаря ЦК КПУ В. Дрозденко от 24.07.67 об обсуждении итогов июньского Пленума

ЦК КПСС в партийных организациях Украинской ССР. Перечень наиболее характерных вопросов, заданных докладчикам на пленумах обкомов, горкомов, райкомов КП Украины, собраниях партийных активов и первичных парторганизаций при обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС. Там же. Д. 12. Л. 68.

⁷ Информация секретаря ЦК КП Литвы от 11.08.67 об обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС в партийной организации Литовской ССР. Список вопросов, заданных коммунистами в ходе обсуждения материалов июньского Пленума ЦК КПСС в партийных организациях Литовской ССР. Там же. Л. 191.

⁸ См.: Информация секретаря крайкома КПСС Л. Ефремова 01.07.67 о ходе обсуждения и разъяснения материалов июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС в Ставропольской парторганизации. Там же. Д. 11. Л. 161.

⁹ См.: Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи с событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 136.

¹⁰ См.: Там же. Л. 138.

такие вопросы: “Есть ли уверенность у советского правительства в том, что арабские страны и их правительства не пойдут по пути Китая?”¹, некоторые граждане ссылались “на то, что президент ОАР Насер в свое время расправился с коммунистами”². “Есть ли уверенность, что сейчас наша помощь в военной области пойдет им впрок?”³, “Не слишком ли мы балуем развивающиеся страны?”⁴, “Действительно ли наша техника оказалась слабее той, которую дали Израилю американцы?”⁵. Читатели “Известий”, поддерживающие арабов, высказывали мысль, что их “поражение наносит моральный ущерб репутации нашей военной техники и методов военно-педагогической помощи”⁶.

Итак, Шестидневная война 1967 г. и позиция в ней советского руководства вызвали неодно-

значные, а в чём-то и полярные оценки в советском обществе. Доказательство тому – наличие среди граждан одной страны желающих принять участие в военном конфликте в качестве добровольцев по обеим сторонам фронта.

Выявленные оценки позволяют говорить о том, что отношение советских граждан к участию СССР в Шестидневной войне 1967 г. было сложнее, чем простое одобрение или неодобрение действий власти. На них оказывали влияние такие факторы, как воздействие государственной идеологии, пережитый опыт войны и страх перед ней, опыт личного участия в военных конфликтах и желание вступить за друзей, национальная и религиозная принадлежность, общее отношение к правящему режиму, влияние иностранных СМИ и другие, в том числе скрытые причины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Гневный протест. Заявление ВЦСПС // Правда. – 1967. – 11 июня. – С. 1.
2. Гневный протест. Потушить очаг войны. Митинги трудящихся Москвы у посольств Израиля, США и Великобритании // Правда. – 1967. – 11 июня. – С. 1.
3. Народы требуют прекращения агрессии Израиля. Голос советских людей // Правда. – 1967. – 11 июня. – С. 5.
4. Политический дневник Т. И. 1964–1970. – Амстердам. Фонд им. Герцена, 1972. – 840 с.
5. Прекратите агрессию Израиля! “Мы солидарны с Вами, арабские народы!” // Правда. – 1967. – 8 июня. – С. 1.
6. Пресечь израильскую агрессию! Интернациональному долгу верны. Советские люди выражают горячую поддержку борьбе арабских народов // Правда. – 1967. 9 июня. – С. 1.

Литература:

7. Кузнецов Д. Арабо-израильский конфликт в зеркале российского общественного мнения (по данным социологических опросов) // Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании. Материалы Международного научно-практического симпозиума (Казань, 14-15 мая 2010 г.). В 2-х томах. Т. 1. – Казань: Типография ООО “АВЕНТА”, 2013. – С. 238-250 [Электронный ресурс] URL: <http://kuznetsov.ucoz.org/index/stati/0-8> (дата обращения: 26.11.2013).

¹ Информация секретаря ЦК КПУ В. Дрозденко от 24.07.67 об обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС в партийных организациях Украинской ССР. Перечень наиболее характерных вопросов, заданных докладчиком на пленумах обкомов, горкомов, райкомов КП Украины, собраниях партийных активов и первичных парторганизаций при обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 12. Л. 68.

² Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 137.

³ Информация первого секретаря МГК КПСС В. Гришина от 23.08.67 об обсуждении материалов июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС в Московской городской партийной организации. Перечень вопросов, которые были заданы на партийных собраниях по обсуждению итогов июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС в первичных партийных организациях г. Москвы. Там же. Д. 1. Л. 108.

⁴ Информация секретаря ЦК КПУ В. Дрозденко от 24.07.67 об обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС в партийных организациях Украинской ССР. Перечень наиболее характерных вопросов, заданных докладчиком на пленумах обкомов, горкомов, райкомов КП Украины, собраниях партийных активов и первичных парторганизаций при обсуждении итогов июньского Пленума ЦК КПСС. Там же. Д. 12. Л. 70.

⁵ Информация секретаря МГК КПСС от 14.06.67 о митингах протеста трудящихся гор. Москвы против израильской агрессии на Ближнем Востоке. Там же. Д. 1. Л. 77.

⁶ См.: Обзор писем, поступивших в “Известия” в связи событиями на Ближнем Востоке, направленный главным редактором Л. Толкуновым 16.06.67 в отдел пропаганды ЦК КПСС. Там же. Д. 25. Л. 136; См.: Справка по письмам – откликам в “Известия” в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке в июне – июле 1967 г., направленная главным редактором Л. Толкуновым 26.07.67 в ЦК КПСС. Там же. Л. 178.

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323:329

Моисеев В.В.¹, Ницевич В.Ф.²

¹ Белгородский государственный технологический университет

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

V. Moiseev¹, V. Nitsevich²

¹Belgorod State Technological University,

²The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Orlyol branch)

CORRUPTION IN CONTEMPORARY RUSSIA: POSSIBILITIES OF PREVENTING

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин коррупции в Российской Федерации и возможностей противодействия ей. В статье приводятся примеры массовой коррупции в современной России, показываются её негативные последствия для общества и государства, формулируются предложения по противодействию этому явлению. Особое внимание авторы обращают на недопустимость коррупции в правоохранительных и судебных органах. В статье приводится обширный фактический материал, характеризующий коррупцию в России и демонстрирующий её масштабы. Аргументируя собственные позиции, авторы обращаются к зарубежному и отечественному опыту борьбы с коррупцией.

Ключевые слова: противодействие коррупции, бюрократия, контроль, «откат», государственное управление, антикоррупционная деятельность, организованная преступность.

Abstract. The article investigates the causes of corruption in Russia and the possibilities of counteraction of it. The article gives examples of mass corruption in modern Russia, shows its negative consequences for the society and the state, proposals to counteract this phenomenon are offered. Special attention is paid to the inadmissibility of corruption among law enforcement and judicial authorities. The article provides abundant facts and data describing corruption in Russia and demonstrating its scope. Giving grounds to their own positions, the authors refer to foreign and Russian experience of anti-corruption measures.

Key words: counteraction to corruption, bureaucracy, control, rollback, government, anti-corruption activities, organized crime.

Толковый словарь русского языка определяет коррупцию как «подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» [8]. Из этого определения следует, что сущность коррупции заключается в подкупности и продажности государственных чиновников,

политических и общественных деятелей, должностных лиц разного уровня, которые за деньги и другие блага принимают решения в интересах взяткодателя.

Коррупцию иногда сравнивают с «социальной чумой», эпидемии которой подвержены все современные государства – большие и малые, богатые и бедные. Эта опасная болезнь приняла острые формы и в нашей стране.

Коррупция в обновленной России расцвела потому, что чиновник получил возможность распоряжаться не только бюджетными средствами, но и государственной или муниципальной собственностью, госзаказами, лицензиями, льготами и т.п. Коррупционные «ниши», созданные в огромном количестве в действующем законодательстве¹, позволяют чиновникам извлекать невиданные ранее доходы из своих должностей. Коррупция сегодня стала основным источником дохода для определенной части руководителей федерального, регионального и муниципального уровней, представителей законодательных органов и политических партий, превратилась в главный побудительный мотив при принятии управленческих решений.

Особенно опасна коррупция в правоохранительных органах, спецслужбах, прокуратуре, судебной системе, призванных бороться с этим социальным злом. Коррупционность правоохранительных органов способствует укреплению организованной преступности. Сраживаясь с коррупционными группами чиновников и предпринимателей, получая за деньги доступ к политической власти и возможностям для отмывания денег, организованная преступность еще более усиливается, с ней практически не удается справиться. Это со всей очевидностью показали события в станице Кущевской Краснодарского края.

В обновленной России в так называемые «нулевые годы» родился термин, которого ранее не знали, – «норма отката».

¹ По утверждению третьего Президента России Д.А. Медведева, коррупционные ниши были обнаружены в 10 тыс. действующих российских законов.

ката – это нижний предел коррупционной взятки в процентах, о котором якобы считается не зазорным договариваться чиновнику и бизнесмену при определении «режима наибольшего благоприятствования». Директор российского отделения международного центра антикоррупционных исследований и инициатив Елена Панфилова придала гласности некоторые «нормы отката». По ее утверждению, «при покупке автомобилей на бюджетные деньги норма отката составляет порядка 10–15%, за получение госзаказа – 20% от суммы проекта; за выгодную площадку для застройки – до 30%, а за участие в национальных проектах – 30–40% от суммы» [9]. За взятки выдаются квоты и лицензии на разработку природных месторождений, организуются тендеры и аукционы с заранее предпрешенным результатом, обеспечивается доступ к служебной информации для ее использования в интересах коррумпированных лиц и т.п.

Генеральный прокурор России Юрий Чайка, выступая с докладом в Госдуме, констатировал, что органы власти и управления поражены коррупцией в огромных масштабах: «Нельзя сказать, что коррупция характерна для отдельных звеньев государственного механизма. Она пронизывает все уровни власти, приобретает системный характер» [1, 59].

По данным Генпрокуратуры, во всех федеральных министерствах и ведомствах, охваченных прокурорскими проверками, были установлены факты нарушений служащими требований законодательства о предоставлении в налоговые органы деклараций о доходах и имуществе и в соответствующие кадровые службы – справок о соблюдении ограничений, связанных с замещением государственной должности. За последнее время резко увеличилось количество выявленных преступлений коррупционной направленности, совершенных главами администраций, ответственными руководителями федеральных и региональных органов власти. Генпрокуратура выявила нарушения законодательства о государственной службе в Федеральной таможенной службе, Министерстве

здравоохранения и социального развития, других центральных органах государственного управления.

Таким образом, коррупция в начале третьего тысячелетия стала основным препятствием для политического, экономического и духовного возрождения России. Коррупция породила чудовищные диспропорции в системе управления и функционирования государственных институтов. Она снижает авторитет власти и государственного управления в глазах народа, препятствует развитию экономики, отправлению правосудия, построению правового государства и т.д. По сути коррупция превратилась в главный тормоз на пути реформ и преобразований.

Чаще всего термин "коррупция" употребляется применительно к бюрократическому аппарату и политической элите. Поэтому бороться с коррупцией силами самих коррупционеров бессмысленно. Начинать надо с изменения характера политической среды, что подразумевает не только наличие оппозиции, но и реальной свободы слова, действительной конкурентности политических акторов. Без этих необходимых условий всякая борьба "за власть без коррупции" окажется фикцией. Не менее значимыми условиями являются: четкое законодательное определение функций государства и отдельных чиновников; сокращение сфер, в которых принятие решений зависит от воли отдельных лиц; ясность, простота и стабильность законодательства; содействие формированию гражданского общества; повышение уровня политической и правовой культуры населения.

Очевидно, что речь должна идти также и о том, чтобы минимизировать социально-экономические условия, порождающие продажность политиков, чиновников, должностных лиц. Следует не только обозначать проблемы, но и добиваться их решения.

Однако многочисленные факты и анализ противодействия коррупции свидетельствуют о том, что реальная работа по ограничению коррупционных процессов в стране зачастую подменяется декларациями и заявлениями о ее важности.

В марте 2000 г. Президент России В.В. Путин заявил: "...Мы будем напряженно и настойчиво работать в плане борьбы с коррупцией". Год спустя, 27 февраля 2001 г., руководитель государства заверил представителей бизнеса в том, что для улучшения инвестиционного климата в России руководство страны будет "...жестко противодействовать коррупции". В декабре 2010 г. на встрече с руководителями объединений предпринимателей малого и среднего бизнеса России В.В. Путин, уже будучи главой исполнительной власти, пообещал: "Мы будем последовательно проводить антикоррупционную работу, жестко наказывать недобросовестных чиновников, продолжим "чистить" законодательство, устранять саму возможность для коррупционных проявлений"[3].

Однако на деле результаты борьбы с коррупцией оказались весьма скромными. По данным Контрольного управления администрации Президента, госбюджет РФ ежегодно теряет по причине коррупции и других махинаций 1 трлн. рублей [7, с. 6].

Причины недостаточной эффективности антикоррупционных мер, третий Президент России Д.А. Медведев увидел в сплоченности российской бюрократии. «Скажем откровенно... чиновники – это корпорация. Они тоже не очень хотят, чтобы в их дела вмешивались». По мнению Д.А. Медведева, сингапурский опыт очищения от коррупции судебной системы нам не подходит: "У нас нет "новых" судей, как нет "новых" прокуроров, милиционеров, сотрудников спецслужб, чиновников, бизнесменов и т.д. Нужно создать нормальные условия работы для действующего правоохранительного корпуса, решительно избавляясь от проходимцев" [5].

Обращение российской политической элиты к сингапурскому опыту борьбы с коррупцией симптоматично. Руководители Сингапура, стремясь обуздать коррупцию в своей стране, нашли новых судей и, более того, резко увеличили им денежное содержание. Зарплата сингапурского судьи достигала нескольких сот тысяч долларов в год (в 90-е годы – свыше 1 млн. долл.). Разумеется, при

такой зарплате желания размениваться на взятки у судей даже не возникает. У нас же СМИ почти ежедневно сообщают о фактах коррупции в судебном и прокурорском корпусе, в других органах правоохранительной системы, которая, по закону, призвана вести бескомпромиссную борьбу, точнее, "жестко противодействовать" коррупции во всех ее проявлениях как на региональном, так и федеральном уровне.

Между тем именно государство, федеральные и региональные органы власти должны не только создать сильную правовую основу для ограничения коррупции, но и добиться реального снижения степени продажности чиновников и должностных лиц, торгующих разрешениями, лицензиями и победами в тендерах и конкурсах по «распиливанию» средств из государственного бюджета. Антикоррупционная политика не может ограничиваться призывами, необходимо принятие более жесткого закона о противодействии коррупции с четким правоприменительным механизмом.

Контроль за достоверностью налоговых деклараций, соответствием доходов и расходов госслужащих и членов их семей, неотвратимое наказание за взятки (реальный тюремный срок, конфискация имущества) позволили бы повысить эффективность борьбы с "большой" коррупцией. Серьезный вклад в эту работу способны внести СМИ, осуществляющие общественный контроль за действиями вороватых чиновников при госзакупках, регулярно сообщая о каждом факте "распиливания" госбюджета и уголовном наказании казнокрадов.

Попытка организации системы антикоррупционных мероприятий была предпринята весной 2008 г. По инициативе третьего Президента России Д.А. Медведева был разработан Национальный план борьбы с коррупцией, принят пакет антикоррупционных законов, которые вступили в законную силу с 1 января 2009 г. Они предусматривают ряд мер, в том числе тотальную ревизию действующего законодательства на предмет «коррупционной составляющей», подачу деклараций о доходах чиновников разного уровня и др.

Уголовные наказания в виде длительных сроков лишения свободы и конфискация имущества содержатся в кодексах большинства европейских государств. Но аналогичные нормы не были включены в российские законы по противодействию коррупции.

В проекты антикоррупционных законов депутаты Госдумы внесли множество поправок, сделавших данные нормы практически не опасными для коррумпированных чиновников. Из законов убрали главное, что требуют от России Конвенция ООН и Совет Европы по противодействию коррупции, – введение уголовной ответственности за незаконное обогащение и конфискацию имущества коррупционеров.

В июле 2010 г. неэффективность объявленной антикоррупционной борьбы должен был признать сам Д.А. Медведев. «Состоянием борьбы с коррупцией не доволен никто – ни граждане, ни чиновники, ни сами коррупционеры, – заявил президент на прошедшем 14 июля 2010 г. заседании Совета законодателей, посвященном борьбе с коррупцией. – Пока никаких значимых успехов в этом направлении я отметить не могу» [1, с. 5-6].

Это признание третьего Президента РФ подтверждает вывод директора российского отделения «Transparency International» Елены Панфиловой о том, что борьба с коррупцией в России зашла в тупик. Если наша страна останется в этом тупике, она вырождается в классическую страну третьего мира, где коррупция является нормой, а не исключением [1, с. 6].

Таким образом, сегодня уже недостаточно просто обличать коррупцию. Настала пора перейти от слов к делу, от призывов – к конкретным действиям.

К борьбе с коррупцией следует шире привлекать институты гражданского общества. На наш взгляд, было бы правильно освещать такие судебные процессы в СМИ. Для успешной борьбы с коррупцией нужна не только свободная пресса, но и независимые суды, и неподкупные стражи правопорядка. Только в этом случае удастся если не искоренить, то хотя бы существенно снизить высокий уровень коррупции в нашей стране.

В какой-то степени исправить ситуацию может реформа МВД, предусматривающая не только чистку рядов в этой правоохранительной структуре, а также создание профессиональной полиции, свободной от коррупции и нарушений законов.

Политики и правоведаы в целях борьбы с коррупцией предлагают также подвергнуть ротации кадровый состав российской прокуратуры и судебной системы. Эти правоохранительные органы привыкли за многие десятилетия в минимальной степени зависеть от закона и в большей степени – от политической и экономической конъюнктуры.

Кроме кардинального повышения зарплаты судьям и прокурорам в целях повышения их неподкупности, а также справедливости и законности вынесенных ими решений, нужно тщательно расследовать каждое постановление прокуратуры, каждую «судебную ошибку», искалечившую человеческую судьбу. По свидетельству федерального судьи Владимира Казакова, «сегодня вполне реально упечь в тюрьму кого угодно; и доказательства подкинут, и свидетелей найдут». Этой точки зрения придерживаются многие россияне. Они предлагают: «Надо, чтобы за любое неправомерное решение и судьи, и прокуроры, и следователи навсегда изгонялись из этой сферы деятельности» [1, с. 259].

Одновременно нужно законодательно установить уголовную ответственность работников прокуратуры, высших государственных чиновников за любые попытки вмешательства в принятие решений, оказания давления на судей и председателей судов. Конституционный принцип невмешательства исполнительной власти в деятельность судебной власти должен неукоснительно соблюдаться. Тогда не будет в России «карманных» судов и несправедливых решений. А прокуратура станет надежным органом по контролю за соблюдением принятых законов и подзаконных актов, действующего законодательства в целом.

Чтобы читатель мог составить свое представление о реальной борьбе с коррупцией в России, приведем следующую официальную

статистику. В 2008 г. за взятки в стране было осуждено всего 1300 человек. Среди задержанных преобладали работники МВД (в 2008 г. – 31% всех осужденных), врачи и медперсонал (20,3%), учителя (12%). Среди осужденных в 2008 г. за взятку муниципальные служащие составили всего 9%, работники Федеральной службы исполнения наказания – 2,5%.

А суммы, на которых в 2008 г. попало большинство российских коррупционеров, выглядят просто смешными. 12% взяточников брали всего от 10 до 30 тыс. рублей. 23% были осуждены за получение взятки в размере от 3 до 10 тыс. рублей. У 33% осужденных судом взятка составила от 500 до 3 тыс. А 13,8% россиян получили судимость за взятку до 500 рублей. Таким образом, средний размер взятки в 2008 г. (в год, когда Дмитрий Медведев был избран главой государства) не превышал 5 тыс. рублей. Если судить по данным официальной статистики, главные коррупционеры в России – это врачи, учителя, гаишники, сотрудники муниципальных служб. Но тогда выходит, что все 1300 «махровых» коррупционеров, осужденных российским правосудием, своими противоправными действиями нанесли государству и обществу ущерб на сумму 6,5 млн. руб. или по 4 копейки в расчете на одного гражданина России [2].

По утверждению Генпрокуратура Юрия Чайки, в 2009 г. было осуждено за коррупцию 532 чиновника и 764 сотрудника правоохранительных органов. И это при том, что прокурорскими проверками было выявлено более 11 000 нарушений законодательства о госслужбе, в том числе при подаче деклараций о доходах.

В результате несложных подсчетов получим, что только один из каждых десяти уличенных правонарушителей осужден за коррупцию. Если перевести на спортивный язык, то при счете 10:1 победила коррупция. Получается, что Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» спустя два года не действовал в полную силу? Либо суды отпускают задер-

жанных, либо правоохранные органы не трогают коррупционеров. Статистика коррупции в высших эшелонах власти либо не ведется, либо закрыта от общественности.

В 2010 г. борьба с коррупцией несколько активизировалась. В печати сообщалось о громких делах с коррупционной составляющей. По данным министра внутренних дел, правоохранными органами было выявлено более 37 тысяч преступлений, совершённых против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Из них порядка 90 процентов (33 300) – это преступления с коррупционной составляющей. Однако в 2010 г. прокурорами было направлено в суд только 8600 уголовных дел или всего 26% выявленных преступлений коррупционной направленности. Судиами вынесено около 8 тысяч обвинительных приговоров. К уголовной ответственности за 2010 г. было привлечено более двух десятков руководителей органов государственной власти субъектов Федерации, несколько высокопоставленных должностных лиц федеральных министерств.

Реально по 33 000 уголовным делам к лишению свободы было осуждено всего 720 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. Что называется, «гора родила мышь».

По докладу Генпрокурора на заседании Совета по противодействию коррупции 13 января 2011 г., прокуратурой в 2010 г. выявлено нарушений антикоррупционного законодательства около 240 тысяч, а осуждено всего «720 должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления» [1, с. 79]. Соотношение 720 к 240 000. Другими словами, из каждых 333 коррупционеров, пойманных за руку правоохранными органами, только один получил реальный приговор суда.

В подтверждении вывода об отсутствии системной борьбы и жестких мер против чиновников-коррупционеров приведем достаточно красноречивый пример. По утверждению Генпрокурора Ю. Чайки, в ходе прокурорской проверки было обнаружено,

что один из заместителей министра федерального правительства (фамилия не была названа) незаконно осуществлял предпринимательскую деятельность. Он был единственным учредителем коммерческой структуры – общества с ограниченной ответственностью (название ООО Генпрокурор также не обозначено – по реестру можно вычислить фамилию), но к ответственности за нарушение закона о госслужбе привлечен не был.

В докладе Генпрокурора подчеркивалось, что нарушения допускаются в органах власти всех уровней, чиновники владеют крупными пакетами акций и занимают должности в коммерческих структурах. Среди нарушителей назывались высокопоставленные чиновники, встроены в вертикаль власти: и. о. вице-преьера Карелии, вице-губернатор Курганской области, председатель Ставропольской краевой думы, заместители губернаторов Орловской, Волгоградской и Курганской областей. Список дополнил депутат Думы Александр Хинштейн, назвав Олега Савельева, заместителя министра экономического развития, курирующего особые экономические зоны [1, с. 79].

Статья 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» запрещает правительственным чиновникам заниматься предпринимательской деятельностью и использовать свое служебное положение в корыстных целях. Но на деле происходит массовое нарушение, если не сказать – игнорирование действующего законодательства. Однако вместо принятия мер воздействия вплоть до уголовной ответственности, даже фамилии не всех нарушителей были обнародованы.

Ссылаясь на известный афоризм, можем сказать, что строгость антикоррупционных законов в России компенсируется необязательностью их исполнения. При этом законы не исполняют не только федеральные и региональные государственные служащие, продолжающие заниматься коммерческой деятельностью, но и работники прокуратуры, закрывающие глаза на их «шалости» с законом.

Подводя итоги, заметим, что снизить уровень коррупции в России можно, если начать осуществлять конкретные реальные действия, выработать и неукоснительно реализовывать систему антикоррупционных мер. При этом необходимо не только изобретать новое в противодействии этому социальному злу, но и использовать, адаптируя к современным российским реалиям, иностранный и российский опыт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Билинская М.Н., Моисеев В.В., Ницевич В.Ф. Современная коррупция: отечественная специфика и зарубежный опыт противодействия. – Орел: изд-во ОРАГС. – 2011. – 440 с.
2. Долгих А. Верховный суд назвал главных коррупционеров страны // Новые известия. – 2009. – 28 мая.
3. Из выступления В.В. Путина на заседании консультативного Совета по иностранным инвестициям при Правительстве России 13 марта 2000 г. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/03/28501.shtml>. (Дата обращения: 23.09.2013); Из выступления В.В.Путина на встрече с представителями деловых кругов Республики Корея 27 февраля 2001 г. URL:<http://archive.kremlin.ru/text/appears/2001/02/28494.shtml>. (Дата обращения: 23.09.2013).
4. Кондрашов В. А мы всё ждём и ждём лучшей жизни... // Крестьянская Русь. 2009. – № 20.
5. Медведев рассказал о борьбе с коррупцией и условиях помилования URL: <http://news.ru.msn.com/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%>. (Дата обращения: 23.09.2013).
6. Моисеев В.В. История России: Учебник. – Орел: изд-во ОРАГС, 2008. – 520 с.
7. Моисеев В.В., Прокуратов В.Н. Противодействие коррупции в современной России: Монография. – Орел: АПЛИТ, 2012. – 428 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. 298 с.
9. Сычева Л. Коррупция: берут деньгами, машинами, коттеджами... // Российская федерация сегодня. – 2008. – № 4. – С. 31.

УДК- 94 470 571 «1990 / 2013»

Павловский В.Г.

Московский государственный областной университет

**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

V. Pavlovsky

Moscow State Regional University

**THE PROBLEM OF FORMATION
OF THE STATE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION
IN MODERN SCIENTIFIC LITERATURE**

Аннотация. Главное внимание в статье уделяется проблемам административных реформ в России, кадровой политики и противодействия коррупции. Нормативное регулирование государственных гражданских служащих в Российском законодательстве – это относительно новый институт, который требует дальнейшего совершенствования и развития. Анализируются новые источники, посвященные государственной гражданской службе в России, а также вышедшая за последнее время исследовательская литература.

Ключевые слова: Государственное управление, муниципальное управление, государственная служба, гражданская служба, власть, государственный аппарат, коррупция, кадровая политика.

Abstract. Main attention in the article is paid to the administrative reforms in Russia, as well as to the personnel policy and struggle with corruption. The normative regulation of civil servants in the Russian legislation is a relatively new institution which requires further improvement and development. The author analyzes new sources about the state civil service in Russia, and also recent scientific publications.

Key words: public administration, municipal administration, public service, civil service, power, state apparatus, corruption, personnel policy.

История государства и государственной службы в России издавна привлекала внимание учёных. Труды дореволюционных историков: В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, С.М. Соловьёва, Б.Н. Чичерина, были посвящены данной проблеме. Особенно интенсивно велось изучение проблем истории государственной службы в конце XIX в. и в начале XX в. усилиями таких государствоведов, как В.М. Гессен, Н. Нелидов, В.Н. Строев, В.М. Коркунов, А. Яновский.

Начало XXI в. характеризуется активными процессами становления новой российской государственности, адекватной современному уровню общества, его институтам государственного управления и государственной службы. Государственное управление советского времени отошло в прошлое, а институты нового демократического государственного управления и самоуправления, институты гражданского общества, механизмы функционирования и взаимодействия ещё только создаются [7, с. 3-4]. Огромное значение в этом отношении имеет изучение накопленного огромного зарубежного и отечественного исторического опыта.

Нельзя не учитывать также позитивный и негативный опыт, приобретённый после двух революций 1917 г., когда прежние государственные институты, система государственной службы, традиции были заменены новыми. После августовских событий 1991 г. и особенно с 1999 г. принимаются меры к быстрому переходу новой модели государственного управления

© Павловский В.Г., 2013.

и самоуправления, преобразованию и созданию заново государственной службы.

Другой широко обсуждаемой проблемой являются вопросы реформирования государственной службы. Давая общую оценку современного состояния государственного аппарата, такие исследователи, как Н. Барышев и А.В. Оболонский рассматривают вопросы идеологии и принципы реформы государственной гражданской службы в РФ, в частности принципы: приоритета профессиональных качеств, принцип статусного разделения политического и карьерного роста административных должностей, служебной лояльности, этичности, системности подготовки и переподготовки кадров [1, с. 510-564]. На повышение эффективности государственного управления нацелены, прежде всего: Федеральная программа «Реформирование государственной гражданской службы в РФ (2003-2005 годы)», Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2009 г. № 261 «О Федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной гражданской службы Российской Федерации 2009-2013 годы» [8, с. 168].

Изучение характерных черт и особенностей эволюции российской государственности, истории управленческой культуры, реформ и контрреформ помогает глубже понять современные проблемы и заглянуть в будущее. Научный интерес к этим вопросам огромен. Обращаясь к изучению тысячелетней истории государственной власти и реформ в России [4, с. 45], исследователи новейшего времени усматривают в осмыслении этой проблемы начало формирования новой концепции отечественной истории [5, с. 3-36].

История российской государственности и государственной гражданской службы РФ – это непрерывный процесс в совершенствовании реформирования и контрреформирования аппарата государственной власти в целях более эффективного управления институтами государства и общества [4, с. 78-83]. Познание этого процесса – задача не только теоретического, исследовательского, но и практического, политического характера.

Поэтому сейчас так важен учёт опыта становления государственной гражданской службы в стране для совершенствования современной российской государственной и муниципальной службы, поиска путей перевода их в состояние, в большей степени соответствующее новым социальным и политическим условиям.

Толчком к изучению государственной службы в стране стала начавшаяся с 1985 г. «перестройка», в ходе которой встал вопрос о необходимости принятия Федерального закона «О государственной службе». Появляется ряд научных статей, идёт активное обсуждение концепции вновь принятого Федерального закона и активное изучение государственной службы. Ещё в советский период изучалась проблематика государственной службы, хотя законодательная база данного института практически отсутствовала. Со становлением и развитием современной российской государственности и государственной службы (с 90-х гг. прошлого века и по настоящее время) важные проблемы государственного управления остаются в поле зрения многих учёных, особенно РАГС при Президенте Российской Федерации (в частности, работы В.С. Нечипоренко, Б.Т. Пономаренко, А.И. Турчинова и др.) и подведомственных ей региональных академий госслужбы, других исследователей и практиков. В начале нового столетия в результате повышенного интереса учёных к проблемам истории и теории госслужбы в связи с её реформированием и становлением государственности в России эта проблема зачастую получает уже системное, междисциплинарное освещение в целой серии монографий, статей и учебников, вышедших с 2000 по 2009 гг., в том числе в трудах А.А. Мишина, Г.В. Атаманчук, Д.Н. Бахрах, Н.И. Глазуновой, А.В. Оболонского, В.Д. Граждан, А.А. Гришковец, В.Г. Игнатова, А.И. Турчинова и других [13, с. 90-98].

Государственная служба, находясь в одном ряду с такими понятиями и явлениями, как государство, государственная власть, государственное управление, тесно связана с ними и через влияние на них может только проявлять

себя и реализовываться, анализироваться и оцениваться. Прежде чем говорить о государственной власти и концепции её разделения, следует определиться с понятиями «власть», «государство», «государственное управление». В научной литературе управление и государственная служба, как правило, исследуются раздельно, что затрудняет выявление их взаимоотношений и взаимозависимостей. Совершенно очевидно, что эти элементы социальной структуры не тождественны, но очень близки, взаимоувязаны и взаимообусловлены. Исследование вопроса показывает, что данная проблема, несмотря на свою очевидную востребованность, представлена в научной литературе весьма кратко [3, с. 81].

Госкомвуз Российской Федерации в 2000 г. утвердил новый государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 06.10.00 «Государственное и муниципальное управление». Он предполагает обязательное изучение общеобразовательной дисциплины «История государственного управления в России». В основу её положены специальные курсы лекций, читаемые в Северо-Кавказской академии государственной службы, а также учебно-методические материалы её кафедры истории и философии, разработанная ею рабочая программа новой учебной дисциплины в течение последних лет.

В 1990-е гг. формируется кадровый состав ещё молодой отрасли научных знаний, выявляется круг источников и современных исторических документов, характер нормативно-правовой базы исследований, в основном определяется проблематика. Выходит ряд работ, подготовленных в частности учеными РАГС, МГУ, СКАГС, в которых рассматриваются различные аспекты истории государственного управления и государственной службы в России (авторы – Т.Г. Архипова, Г.В. Атаманчук, Х.А. Беков, Н.П. Ерошкин, В.Г. Игнатов, Н.М. Казанцев, В.М. Манохин, В.С. Нечипоренко, М.Ф. Румянцева, А.С. Сенин и другие).

В отечественной литературе определение «гражданская служба» и «государственная

служба» используется достаточно давно и широко. К концу 1990-х гг. вышло порядка 12 учебников по государственной службе. После принятия 27 июля 2004 г. Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в 2005 г. были изданы учебные пособия В.Д. Граждана «Государственная гражданская служба» и Д.М. Овсянко «Государственная служба Российской Федерации» [10, с. 47], в основу которых были положены появившиеся к тому времени нормативно-правовые акты по гражданской службе, а также прежде принятые документы по военной и правоохранительной службе.

Несколько позже, в 2008 г., вышел в свет курс лекций В.С. Нечипоренко «Теория и организация государственной службы», в котором «рассмотрены теоретические и организационные основы государственной гражданской службы» [12, с. 2]. В данном курсе имеется 13 лекций по «государственной службе», однако лишь одна из них посвящена анализу указанных видов этой службы и три лекции (если судить по названиям отдельных параграфов) – по «гражданской службе». А в целом курс лекций исследует государственную службу в целом, безотносительно к её конкретным видам и странам.

Одной из самых острых проблем становления и функционирования государственной гражданской службы в нашей стране является проблема коррупции. Рыночная экономика в России никак не может обрести стабильность, а уже существующие демократические институты – занять подобающую им социальную нишу. В таких условиях продолжает сохраняться экономическое и политическое неравенство населения, по-прежнему в стране доминирует бедность, нарастает социальная напряженность. В 90-е гг. XX в. коррупция и хищение государственных средств достигли небывалых масштабов. В результате стране и обществу был нанесён невосполнимый ущерб.

Коррупция вызывает серьёзную тревогу в российском обществе и недоверие к властям, государственным институтам, ставит негатив-

ный акцент по отношению к России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности страны.

Вскоре после прихода Б.Н. Ельцина к власти встал вопрос о современной коррупции. В 1992 г. был издан Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», но из-за отсутствия механизмов его реализации и серьёзных намерений власти этот Указ оказался одним из самых игнорируемых за всю историю российского президентства. Некоторые авторы считают, что у коррупции, как у всякого сложного явления, во-первых, нет единственного канонического определения, а во-вторых, она как явление относится преимущественно к сфере государственного управления. Одной из её сторон всегда является лицо, находящееся на службе у государства, будь то политический руководитель, гражданский или государственный служащий. Исходя из этого, коррупции дается следующее определение: «Государственная коррупция существует постольку, поскольку существует возможность чиновника распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами путём принятия или непринятия тех или иных решений» [2, с. 3].

Кстати, данное определение, страдает некоторой абстрактностью и применимо, вероятно, лишь к неопределённым условиям, а также в нём не подчёркивается главное в коррупции, а именно присвоение коррупционером (политическим руководителем, гражданским или государственным служащим) в той или иной форме государственных средств. Авторы, пишущие о коррупции, считают полезным различать *три вида коррупции: вершущую, низовую и вертикальную.*

*«Следовательно, коррупция (лат. *corruption* – подкуп, продажность должностных лиц) – это преступная деятельность в органах государственной гражданской службы, выражающаяся в использовании должностными лицами своих властных полномочий и служебного положения в целях личного обогащения путём обмана»* [6, с. 542].

Как известно, русские писатели Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.И. Лажечни-

ков, Н.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Островский, А.П. Чехов и другие в своих произведениях уделяли большое место разоблачению взяточничества как социального явления и произвола чиновников, особенно «губернского начальства». М.Е. Салтыков-Щедрин обличал неограниченный произвол властей в «Истории одного города» и в «Губернских очерках». В сатирической портретной галерее он представил провинциальное чиновничество – от работника канцелярии до губернатора, показывая взяточничество как массовое явление. В Советской России первым нормативным документом, который предусматривал уголовную ответственность, был декрет ВЦИК РСФСР «О взяточничестве» от 8 мая 1918 г.

Сложившаяся к началу XXI столетия ситуация с коррупцией в государственном аппарате Российской Федерации убедительно подтверждает, что изучение истории становления и развития отечественных госучреждений и прежде всего анализ природы, тенденций, особенностей эволюции российского чиновничества имеет актуальное научное значение [9, с. 10-12]. Актуальность данного явления определяет и злободневность его изучения в контексте истории российской государственности с опорой на разнообразные первоисточники, научные публикации, материалы СМИ, особенно телевидения и радио. Коррупционные правонарушения многообразны и имеют не только уголовно-правовой характер, но и административный, дисциплинарный, гражданско-правовой.

Александр Васильевич Манько рассматривает данное явление в контексте исторического наследия во всех его негативных проявлениях.

Профессор Я.И. Кузьминов выделяет характерные для России формы коррупционных проявлений, а также отношений, содержащих потенциальную возможность связанную с коррупцией: рынок бюрократических услуг «чиновник на содержании», чиновничье предпринимательство, сеть взаимных обязательств и «экономика обязательств» [11, с. 538].

Итак, современный этап государственного строительства в России вызывает осо-

бую необходимость и потребность в анализе исторического опыта формирования государственной и кадровой политики и функционирования государственной службы в монархической и советской России.

В современных условиях анализу отечественного опыта строительства государственной службы и кадровой политики посвящены работы таких учёных, как Т.Г. Архипова, Т.П. Коржихина, В.Б. Макаров, В.П. Мельников, Р.Г. Пихоя, А.С. Сенин, О. Гаман-Голутвина, С.С. Сулакшина.

В настоящее время актуализировалась задача создания системы управления государственной службой РФ. На первый план выходит потребность в решении следующих задач: разработка принципов формирования этой системы; выявление правового статуса и функций; определение места и роли структурных элементов, а также норм взаимоотношений с другими государственными органами. Для решения этих задач требуется принять специальный закон «О федеральном государственном органе управления государственной службой Российской Федерации».

В законодательстве и специальной литературе отсутствует однозначное, а следовательно, общепринятое понятие государственной службы. До второй половины 1990 г. чаще всего оно определялось на основе действующих правовых актов, исходя из признания того, что государственная служба есть:

а) разновидность труда работников государственных организаций, являющихся государственными служащими;

в) неотъемлемое свойство государства.

Однако проблемы, которые стоят сейчас перед государственной гражданской службой, в том числе и борьба с коррупцией в России, требуют принимать новые законы в рамках осуществляемой в настоящее время административной реформы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Административные реформы в России: история и современность / Под. общ. ред. проф. Р.Н. Байгузина. – М.: РОССПЭН, 2006. – Гл. 12-13. – С. 645.
2. Антикоррупционная политика: учебное пособие/под ред. Г.А. Сатарова. – М., 2004. – 462 с.
3. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы. – М.: РАГС, 2012. – 536 с.
4. Власть и реформы: От самодержавной к советской истории. – СПб., 1996. – 365 с.
5. Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. – 1998. – С. 12-17.
6. Государственная гражданская служба: 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 192 с.
7. Граждан В.Д. Государственная гражданская служба: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 620 с.
8. Игнатов В.Г. Государственная и муниципальная служба России: история и современность / изд. 5-е, доп. и перераб. – Ростов н/Д: Издательский центр «Март Т»; Феникс, 2010. – 384 с.
9. Манько А.В. Коррупция в России. Особенности национальной болезни. – М.: Аграф, 2012. – 256 с.
10. Овсянко Д.М. Государственная служба Российской Федерации: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – 212 с.
11. Основы государственной службы и кадровой политики: учебник для студентов / В.В. Черепанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 679 с.
12. Нечипоренко В.С. Теория и организация государственной службы: курс лекций. – М.: РАГС, 2008. – 418 с.
13. Служба в государственных и общественных организациях // Мехвиз: сборник научных трудов / Отв. редактор Бахрах Д.Н. – Свердловск: Свердловский юридический институт им. Р.А.Гуденко, 1988. – 195 с.

УДК 321.01

Матюхин А.В.

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ К.Д. КАВЕЛИНА

A. Matykhin

Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

THE METHODOLOGY OF K.D. KAVELIN'S POLITICAL REFORMS

Аннотация. В статье исследуется методология политических реформ яркого представителя русского консервативного либерализма XIX в. К.Д. Кавелина. Данная методология являлась самобытным вариантом постепенной либеральной модернизации России «сверху», основанной на принципах эволюционной трансформации социально-политических институтов. Теоретический подход К.Д. Кавелина на системном уровне альтернативен той разрушительной программе реформ, которая в современной России обозначается как «либеральная».

Ключевые слова: методология, реформы, консервативный либерализм, радикализм, самодержавие.

Abstract. The article explores the methodology of political reforms of K.D. Kavelin, a brilliant representative of the Russian conservative liberalism of the XIX century. This methodology was an original variant of the progressive liberal modernization of Russia «from above», based on the principles of evolutionary transformation of the socio-political institutions. At the system-level K.D. Kavelin's theoretical approach is an alternative to the destructive program of reforms, which in modern Russia is referred to as «liberal».

Key words: methodology, reform, conservative liberalism, radicalism, autocracy.

Константин Дмитриевич Кавелин (1818-1885) – выдающийся политический мыслитель, историк, правовед. Он (наряду с М.М. Сперанским, В.О. Ключевским, Б.Н. Чичериным) являлся ярким представителем русского консервативного либерализма XIX в. [11, с. 66]. Это идейное направление, родившееся в условиях самодержавия, жесткого сословного строя и крепостного права, сразу приобрело своеобразный «верноподданнический» характер, но не из любви к монархии, а из понимания настоящей необходимости реформирования России в сотрудничестве с властью, при постепенном интеллектуальном и моральном влиянии на нее. Современный российский исследователь С.С. Секиринский весьма оригинально называет это «проповедью у трона» [10, с. 92].

Путь к воплощению либеральных ценностей предполагалось осуществить при помощи монархии и традиционных властных механизмов, а также с учетом обычного права как органического правосознания, характерного для подавляющего большинства населения России. Постепенное реформирование с сохранением и при помощи привычного для национально-менталитета главного политического института виделось как наиболее оптимальное, позволяющее избежать радикальных тенденций и неблагоприятных, болезненных процессов в российском обществе. Поэтому к сохранению монархии К.Д. Кавелин подходил скорее прагматически. Он был уверен, что проведение либеральных реформ потребует одновременно прочного и законного порядка, обеспечить который в российских условиях может только сильная монархическая власть. Увязывая монархизм и основной принцип либерализма – свободу, Кавелин замечал, что Россия могла бы показать «невиданный пример самодержавной и в то же время свободнейшей страны мира» [1, с. 10].

В этой связи необходимо отметить, что либерализм в России XIX в. был весьма неоднородным явлением. Направлению консервативного либерализма противостоял либерализм радикальный. Ключевую роль здесь играли представители либерального дворянства и «лица свободных профессий» – журналисты, литераторы, адвокаты, присяжные, либеральная профессура, приват-доценты, учителя гимназий, а также земские деятели. Радикальные российские либералы – это своеобразные фанатики либеральных идей и принципов, воспринятых как абсолют из западной политической литературы. Отсюда и безусловная вера радикалов в действенность и логику политических учреждений, прежде всего, парламента западного типа, неприятие традиционной российской монархии и требования ускоренного введения конституции.

Именно вопрос о конституции, точнее о несвоевременности ее введения в России, является важнейшим элементом понимания методологии реформ консервативного либерализма XIX в., представленного, в частности, теорией К.Д. Кавелина. При этом необходимо отметить, что конституционный строй в России всегда оставался для него стратегической целью, конечным пунктом преобразований, начатых под руководством Александра II. Но понимая российские реалии, Кавелин именно через устранение «резких движений» хотел видеть процесс реформирования России целенаправленным и необратимым, закрепляющим преобразования 1860-х гг. По его мнению, необходимо длительное время укоренения в российской почве новых гражданских институтов и ценностей, что постепенно, поэтапно обеспечит эволюцию страны к полноценному правовому государству и либеральным свободам.

Поэтому для К.Д. Кавелина было неприемлемо форсирование конституционной реформы, сам радикализм подхода к введению конституционного строя и института народного представительства. Он полагал, что немедленное ограничение посредством конституции и законодательного органа традиционных полномочий монархии способно

свернуть позитивные процессы реформирования российского общества и серьезно дестабилизировать ситуацию в стране. Гораздо большее значение они придавали развитию институтов местного самоуправления, постепенной подготовке народа к политическим и гражданским свободам, а также выработке им правовых навыков. В случаях неизбежных напряжений в обществе, обусловленных спецификой переходного периода, именно в самодержавии он видел на ближайшую историческую перспективу наиболее надежный, проверенный историей инструмент разрешения социальных противоречий и конфликтов.

Методология реформ К.Д. Кавелина являлась своеобразным вариантом постепенной либеральной модернизации России «сверху», где при инициативной роли монархии первоначально предполагалось реализовать такие насущные задачи, как судебную реформу, развитие народного просвещения, расширение гласности, преобразования в финансовой сфере, утверждение системы самоуправления в провинциях [2, с. 152]. Называя идею немедленного ограничения русской монархии народным представительством «конституционной ложью», Кавелин отмечал: «Крепко и здорово устроенный суд, да свобода печати, да передача всего, что прямо не интересует единства государства, в управление местным жителям – вот на очереди три вопроса. Ими бы следовало заниматься вместо игры в конституцию. За разрешением их конституция пришла бы сама собою как необходимое последствие» [8, с. 48].

К.Д. Кавелин особо акцентировал внимание на функциональном предназначении местного самоуправления для успешного реформирования страны. Он, в частности, проецировал роль и значение земских учреждений на общественно-политический облик будущей России, рассматривая вопрос в четырех ракурсах. Во-первых, развитие земского самоуправления будет сопряжено с хозяйственным и культурным подъемом провинциальной России – задача земских учреждений определялась как «поднятие

местной жизни [4, т. 2, с. 777]. Во-вторых, активное участие населения в местном самоуправлении преодолет межсословные, межклассовые противоречия, возникнут прочные условия сплочения общества на основе единых задач. В-третьих, появятся действенные общественные механизмы контроля над административной властью на местах. В этом случае чиновники исполнительной власти «не будут безусловными господами и повелителями». И, в-четвертых, возникнут условия отбора и рекрутирования в российскую политическую элиту дееспособных представителей народа. Кавелин отмечал: «Местное самоуправление образует и выдвинет вперед многознающих, практических, опытных людей» [4, с. 778]. Он также подчеркивал, что когда в российских провинциях образуется «просвещенный, умный и достаточный класс, около которого сгруппируются местные элементы, – центральная бюрократия волей-неволей должна будет относиться с уважением к обществу» [5, с. 176].

В этой связи К.Д. Кавелин указывал на необходимость существенных изменений содержания и механизмов деятельности государственного аппарата в условиях реформирования российской монархии: «Не самодержавие, – отмечал он, – а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы» [1, с. 9]. Кавелин полагал, что реальную власть в стране сосредоточил высший слой российской бюрократии – «камарилья». Он так характеризовал положение дел в государственном управлении: «Вся администрация сосредоточена у нас в единоличных органах власти, в руках министров и равных им чиновников, которые в действительности ничем не ограничены и действуют по-своему усмотрению, не стесняясь законами... Каждое ведомство старается только о том, чтоб угодить своему начальству, выгородить его и себя, а до общего дела, до общей пользы, никому нет дела» [7, с. 72].

Пытаясь найти эффективные механизмы ограничения традиционной правительственной бюрократии в России, К.Д. Кавелин пред-

ложил своеобразную трактовку принципа разделения властей. Он, в частности, отмечал: «Законодательная и судебная власть должны быть высвобождены из-под теперешней рабской зависимости от администрации и получить вполне самостоятельное значение» [3, с. 65-66]. Однако действенность подобного ограничения абсолютизма бюрократии он, с одной стороны, связывал с полномочиями российского монарха, а с другой – с контролем общественного мнения за исполнительной властью. Он полагал, что необходимо не столько строгое разделение различных ветвей власти, сколько «смешивание» правительственных чиновников с выборными представителями народа в различных государственных инстанциях и учреждениях.

С этой целью Кавелин предложил оригинальный проект организации трех Сенатов – Административного, Законодательного и Судебного – которые должны были стать независимыми друг от друга, но не могли ограничивать верховную власть [4, т. 2, с. 964]. Административный Сенат соединял бы в себе функции трех существовавших в то время органов – Государственного Совета, комитета министров и первого департамента Правительствующего Сената. Он должен был на 1/3 назначаться императором, на 1/3 состоять из выборных от губернских земств, а оставшаяся 1/3 часть формировалась бы из специалистов, определяемых самим Административным Сенатом. Предполагалась ликвидация системы министерств – включая министерство внутренних дел, которое, «управляя, вместе с цензурой, земствами, городами, и полицией безопасности и спокойствия, невольно переносит в исчисленные отрасли управления полицейские взгляды, подчиняя их полицейским целям, к несомненному и очевидному вреду государства» [4, т. 2, с. 988]. Все существовавшие министерства должны были влиться в структуру Административного Сената, за исключением четырех ключевых – военного, морского, иностранных дел и императорского двора. Сенаторы должны быть несменяемы (кроме случаев суда за доказанные уголовные преступления), им

гарантировалась свобода выражения мнений. Главной функцией Административного Сената являлось доведение до сведения императора различных фактических данных о реалиях государственной жизни. Здесь должны заслушиваться отчеты министров, производиться ревизии административных учреждений, представляться соображения о необходимых законодательных актах [4, т. 2, с. 897-902]. Аналогичным образом должны быть созданы местные Губернские Административные Советы, сформированные как из представителей казенных ведомств, так и из выборных от местного населения. Состав Законодательного и Судебного Сенатов также предполагал смешение государственных чиновников и земских выборных, а императорской власти отводилась роль общей координации государственной деятельности. «Сама история, – отмечал Кавелин, – заставляет нас создать новый, небывалый, своеобразный общественный строй, для которого не подыщется другого названия, как самодержавная республика» [2, с. 436].

Кавелин говорил о необходимости постепенных реформ, пусть медленных, но мирных. Даже при ясности стратегических целей крайне важна тактическая умеренность и осторожность, методика постоянного согласования задач и политических средств с изменяющимися условиями реформируемого общества. По его мнению, залогом этих либеральных эволюционных преобразований – по традиции русской истории – должен быть царь и народная вера в него. «Я верю в совершенную необходимость абсолютизма для теперешней России; но он должен быть прогрессивный и просвещенный» [9, с. 596] – писал Кавелин и высказывал убеждение, что на современном этапе необходима сильная и легитимная монархия, способная обеспечить твердый порядок и постепенное движение по пути реформ. «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране, – отмечал Кавелин, – взамен произвола и хаоса, по самому существу дела, должны предшествовать политическим гарантиям» [2, с. 153].

Кавелин считал, что пока в стране нет достаточных предпосылок ускоренной организации институтов правового государства. Эти предпосылки постепенно предстоит только сформировать. Он замечал: «Россия еще во всех отношениях печальная пустыня: ее надо сперва возделывать, начиная дело снизу, а не сверху» [2, с. 157]. Российское общество (особенно крестьянство) еще не вполне созрело для полноценных политических свобод, низка общая политическая культура, отсутствует правовое мышление населения, нет и необходимых законодательных основ.

Кавелин полагал, что без кропотливого политического просвещения и воспитания народа, без формирования его политико-правовой культуры поспешное, непродуманное учреждение конституции и представительного правления превратится «в театральные декорации, в намалеванные кулисы, ничего не значащие, ничего не стоящие» [4, т. 2, с. 137-138]. Это явится лишь иррациональным поклонением либеральным принципам взамен реальной практической работы на будущее. Но Кавелин подчеркивал, что без анализа и учета реальности любой принцип становится абстракцией – «если он не уложен в данные условия, не одет в плоть и кровь, другими словами, если точно не измерены и не взвешены средства и условия, данные действительностью, в какой мере применим и какими путями может быть водворен, проводим, осуществим этот принцип» [9, с. 599].

В процессе либеральных реформ необходима гармония усилий властвующей элиты и всего российского общества. Поэтому ключевым моментом успешных преобразований является сознательное преодоление возможностей любой конфронтации правительства и народа, так как по своей природе – это две взаимозависимые части, «две стороны одного и того же государственного организма, две расчлененные его функции» [4, т. 2, с. 920]. Кавелин отмечал: «Не противопоставление власти народу, а их совокупное действие, направленные к одной цели, – вот на что указывает все наше прошедшее. Кооперация сил, а не борьба их, различение функций народного

организма, а не противопоставление их друг другу, – вот задача, поставленная всем народам в будущем» [4, т. 2, с. 939].

Являясь одним из идеологов «западничества», Кавелин выражал уверенность, что в процессе постепенности, органичности соединения универсальных либеральных ценностей со своеобразием национального развития, Россия придет к государственному устройству, аналогичному европейскому. Он был убежден, что стратегическая цель и российской, и западной эволюции общественной жизни одна – развитие гуманитарного начала, развитие человеческой личности и гражданских свобод. При этом Кавелин посвоему выявлял отличие истоков европейской и русской истории: у германских племен личностное начало уже было сформировано под воздействием греко-римского мира и западного христианства – его необходимо было только дальше развивать, доводить до совершенства. В то время как у русско-славянских племен начало личности отсутствовало – и его необходимо было создать. И эту созидательную роль Кавелин отводил русскому государству, но «под влиянием европейской цивилизации» [2, с. 168]. Он считал, что отличие российской истории от европейской состоит в том, что на Западе все преобразования проводились «снизу», а в России – «сверху», по инициативе и активной созидательной роли государственной власти.

В политических идеях Кавелина четко прослеживается мысль о том, что альтернативой постепенности реформ может быть только революционное, анархическое разрушение органического строя жизни, государства, культуры. В процессе этого разрушения могут быть похоронены надежды на эффективные преобразования, а «русский бунт», скорее всего, закончится гораздо более жестким, более деспотическим, по сравнению с предыдущим, режимом правления. Как отмечает В.В. Леонтович, «либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государ-

ственной власти, – т.е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничиваема и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций» [6, с. 21-22].

Неприятие революции как способа разрешения общественных противоречий, стремление ее предотвратить путем «сглаживающей», опережающей государственной реформы «сверху» – сущностный признак методологии реформ К.Д. Кавелина. Для него неприемлемы революционное мышление и радикализм общественных преобразований. Он считал безнравственными и преступными сами попытки насильственного навязывания обществу осуществления любого политического идеала. Революции он называл злом «чуть ли не большим того, которое ими устраняется» [4, т. 2, с. 891]. Кавелин ставил под сомнение историческую целесообразность и плодотворность «революционных скачков» к новым реалиям: «Фокусам-покусам радикального превращения народов из одной формы в другую в 24 часа, – этому я не верю» [8, с. 57]. Он был уверен, что «царство справедливости» нельзя построить на насилии и крови, а любая революционная встряска способна обернуться ответной деспотической реакцией. «Революции, – писал Кавелин, – всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным» [2, с. 429].

В этой связи необходимо отметить, что Кавелин рассматривал революционную и консервативно-самодержавную (нелиберальную) идеологии во взаимной зависимости – как две стороны медали социального негатива, с точки зрения успешного политического реформирования. Консерватизм им оценивался как серьезный фактор сдерживания поступательного прогресса общества, что в свою очередь грозило революционным взрывом. Кавелин считал, что жесткий, охранительный консерватизм существует в любом обществе лишь потому, «что нет в

виду лучшего или еще не выяснилось, как к нему перейти». Он полагал, что сам по себе консерватизм, не осложненный либерально-реформаторской целесообразностью, принципиально антимодернизационен: «Не неся с собою никакой доктрины, никаких принципов, он лишен положительного содержания и оказывается немощным перед напором народившегося и возмужавшего нового, когда час его приспел... Консерватизм силен незрелостью будущего по сравнению с настоящим и существующим» [2, с. 506].

Теория Кавелина – это обоснование некоего компромиссного, срединного между крайностями пути общественных преобразований, где отдается приоритет постепенной, эволюционной трансформации социально-политических институтов. Методология политического реформирования российского общества, предложенная К.Д. Кавелиным, представляется весьма актуальным и позитивным явлением еще и потому, что она на системном уровне альтернативна той разрушительной программе реформ, которая в современной России обозначается как «либеральная».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Из писем К.Д. Кавелина к гр. Д.А. Милютину // Вестник Европы. 1909. – № 1.
2. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989. – 656 с.
3. Кавелин К.Д. Политические призраки. – Берлин, 1878. – 125 с.
4. Кавелин К.Д. Собрание сочинений в 4 тт. – СПб., 1898.
5. Корсаков Д.А. Материалы для биографии К.Д. Кавелина // Вестник Европы. – 1886. – № 11.
6. Леонтович В.В. История либерализма в России 1762-1914. – М., 1995. – 550 с.
7. Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского либерализма (XIX-начало XX вв.) – М., МГОУ, 2008. – 148 с.
8. Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. – Женева, 1892.
9. Письма Кавелина к Грановскому / Публикация Ш.М. Левина // Литературное наследство. Т. 67. – М., 1959. – 800 с.
10. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). – М., 1995. – 288 с.
11. Абрамов А.В., Дмитриев А.Е., Федорченко С.Н., Абрамова Ю.А. Политическая теория и современные политические реалии. – М.: Граф-пресс, 2012. – 260 с.

УДК 32.019.52

Федорченко С.Н.

Московский государственный областной университет

**ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ
ИЛИ «АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕСУРС»?**

S. Fedorchenko

Moscow State Regional University

**ELECTION CAMPAIGN IN THE POST-SOVIET SPACE:
POLITICAL MANAGEMENT OR «ADMINISTRATIVE RESOURCES»?**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме воздействия «административного ресурса» на демократический процесс и политическое управление. Сравнительный анализ президентских избирательных кампаний в России и других постсоветских странах позволил автору обнаружить определённый политико-технологический механизм, оказывающий манипулятивное влияние на электоральное поведение граждан.

В анализе демократической практики постсоветских избирательных формул использовались данные международных научных проектов, социологических опросов, контент-анализа масс-медиа и отчёты наблюдателей ОБСЕ.

Ключевые слова: политический менеджмент, электоральное поведение, «административный ресурс», президентские кампании.

Abstract. The article is devoted to the impact of «administrative resources» on the democratic process and political governance. The comparative analysis of presidential election campaigns in Russia and other former Soviet countries has allowed the author to detect specific political and technological mechanisms that provide manipulative influence on the citizens voting activities.

While analyzing the post-Soviet democratic practices of electoral formulas the author used international research projects data, sociological surveys, and content analysis of media reports and OSCE observers.

Key words: political management, electoral behavior, «administrative resource», presidential campaigns.

В настоящее время *политический менеджмент* предполагает разновидность управленческих технологий, когда субъект политического управления отказывается от создания общеобязательных норм и не применяет легитимное насилие по отношению к объекту политического управления [10, с. 4]. Основная задача политического менеджмента – создать с помощью управленческого искусства, реального партнёрства и координации эффективные условия для развития демократических институтов. Внедрение технологий политического менеджмента особенно актуально для государств постсоветского пространства [5, с. 48] – без этого будет сложнее создать мощные экономики, бороться с коррупцией, сформировать демократические традиции.

Наиболее серьёзным препятствием для политического менеджмента является «*административный ресурс*» – возможность использования политическими акторами (элитами, партиями и кандидатами) их политического положения или связей с правительственными учреждениями с целью влияния на результаты выборов. В условиях развития института политических консультантов современный «административный ресурс» используется совместно с латентными политическими технологиями [3, с. 208; 6, с. 40]. На деле властная элита старается удержать свои позиции с помощью подобных рычагов [1, с. 89]. Разберём этот ма-

нипулятивный механизм на примере постсоветских президентских кампаний.

Международные исследования, посвящённые анализу степени воздействия административного аппарата власти на избирательный процесс, показывают интересные результаты в постсоветских государствах (см. рис. 1) [15; 12; 11; 13]. Так, согласно данным проекта Worldwide Governance Indicators, по индексу политической стабильности и отсутствия насилия наиболее безопасными считаются прибалтийские государства, Туркмения, Армения, Украина.

Наиболее хорошими показателями индекса верховенства закона могут похвастаться страны Балтии, Грузия и Молдова, наихудшие позиции – у Туркменистана, Узбекистана и Киргизии. Согласно показателю политического террора схожего проекта Global Peace Index, меньше всего применяется репрессий в прибалтийских государствах. Неплохое качество законодательства отмечается исследователями Worldwide Governance Indicators не только у прибалтийских стран, но и у Грузии, Армении и Молдовы.

Высокую эффективность работы правительства эксперты фиксируют в Прибалтике,

Таблица 1

Роль «административного ресурса» в постсоветском избирательном процессе

	Политическая стабильность и отсутствие насилия Worldwide Governance Indicators (2011)	Верховенство закона Worldwide Governance Indicators (2011)	Эффективность работы правительства Worldwide Governance Indicators (2011)	Качество законодательства Worldwide Governance Indicators (2011)	Сдерживание коррупции Worldwide Governance Indicators (2011)	Индекс недееспособности государств Failed States Index (2012)	Функциональность правительства Global Peace Index (2013)	Политический террор Global Peace Index (2013)
Россия	21	25	42	39	13	79,8	2,90	4,0
Украина	42	23	22	32	17	67,2	4,60	3,0
Беларусь	37	14	14	9	25	79,8	2,90	2,50
Казахстан	41	31	45	43	15	79,8	2,10	3,0
Узбекистан	27	5	25	4	4	87,5	0,80	3,0
Туркменистан	55	5	4	2	2	79,8	0,80	3,0
Таджикистан	17	11	17	17	9	85,7	0,80	2,50
Киргизия	16	9	31	45	10	87,4	1,90	3,0
Азербайджан	28	22	23	38	10	79,8	1,80	3,0
Армения	43	43	52	58	30	79,8	3,20	3,0
Грузия	22	51	69	73	56	84,8	2,10	2,50
Молдова	42	45	34	51	31	79,8	5,0	2,50
Латвия	58	74	73	80	64	44,2	5,40	2,0
Литва	68	73	72	79	66	51,9	5,70	1,50
Эстония	66	85	85	91	79	47,5	7,10	1,0

Грузии и Армении, наиболее низкую в Туркмении, Беларуси и Таджикистане. Показатель функциональности правительства параллельного исследования Global Peace Index наилучшие позиции выявил у стран Балтии, Молдовы и Украины, наихудшие – у Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана.

Крупные попытки по сдерживанию коррупции предпринимаются в странах Балтии, Грузии, Молдове, Армении и Беларуси, наименьшие – в Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане [15; 12; 11; 13].

Другой проект Failed States Index предлагает так называемый индекс недееспособности государств. Важно отметить, что здесь учитывается уровень влияния групповых и клановых элит. Так вот, по недавним опросам, меньше всего элиты оказывают влияние на избирательный процесс в прибалтийских странах, больше всего – в Узбекистане и Киргизии.

Международные наблюдатели от ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе) впервые присутствовали на российских президентских выборах в 1996 г. Уже тогда эксперты довольно критически отнеслись к проводящейся кампании, отметив, что масс-медиа как количественно, так и каче-

ственно тяготели к Б. Ельцину, а деньги, установленные на кампанию этого кандидата, выходили за законные рамки. Хотя действующий президент не имел права использовать своё положение в личных целях, он всё же регулярно ездил по регионам задолго до голосования, обещая крупные суммы местным проектам [9, с. 15]. Нарушалось положение, гласившее, что государственные лица не могут исполнять роль партийных активистов и т.д.

Роль политтехнологий не уменьшилась и позже. 18-19 февраля 2012 г. в России прошёл опрос Фонда общественного мнения «ФОМнибус», охвативший 100 населенных пунктов, 43 субъекта РФ, 1500 респондентов. Социологи задавали вопросы, касающиеся политтехнологической активности кандидатов. Спрашивалось следующее: «В последнее время Вам встречалась или не встречалась на телевидении, радио, в газетах, в интернете предвыборная агитация кандидатов в президенты? Если да, то агитация в пользу каких кандидатов Вам встречалась?» (см. рис. 1) [4, с. 7]. Наибольшую активность показали именно политтехнологи В. Путина и В. Жириновского.

Результаты такой политтехнологической работы, видимо, несколько повлияли на

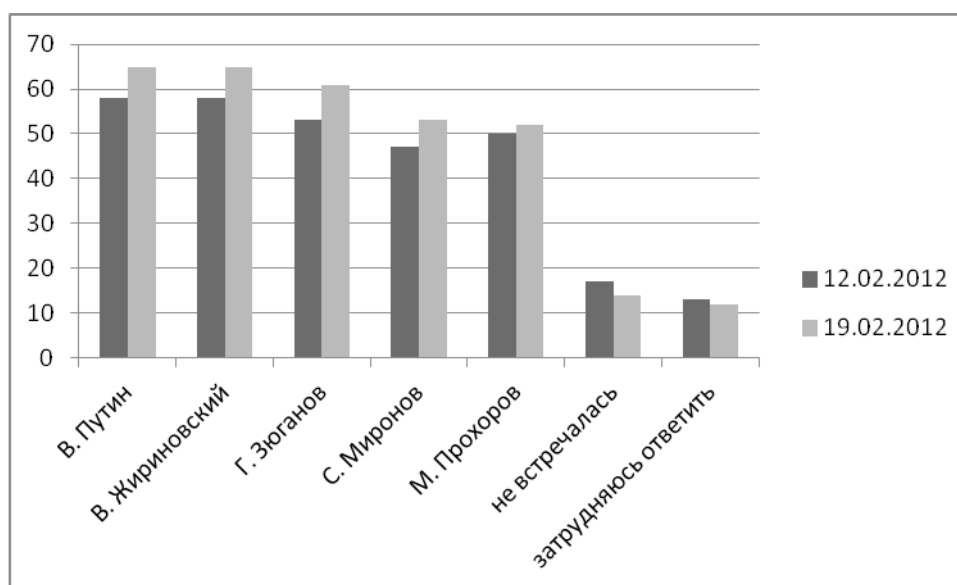

Рис. 1. Политтехнологическая активность кандидатов во время российских президентских выборов 2012 г. (%)

общественное мнение россиян. Так, по всероссийскому опросу, проведённому ВЦИОМ также 18-19 февраля 2012 г., где было опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах 46 субъектов России, задавался следующий вопрос: «Если бы президентские выборы проводились в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов Вы бы проголосовали?». Результаты показали, что электоральная поддержка частично совпадает с оценкой политтехнологической деятельности кандидатов (см. табл. 2) [7].

В итоге, как и прогнозировалось политологами, на выборах победил В. Путин, выдвинутый «Единой Россией», Г. Зюганов от КПРФ занял второе место.

Также для нашего анализа интересны белорусские президентские выборы 2001 г. Здесь миссия БДИПЧ/ОБСЕ зафиксировала применение политических технологий со стороны административного аппарата. Так, тогда аккредитация части наблюдателей была аннулирована [2, с. 24]. Но большего внимания заслуживает организованный властями информационный повод «шпионского дела», который повлиял на массовое сознание – об этом свидетельствует публикация документов, якобы шедших от служб госбезопасности, где описывались методы работы «подрывных организаций», дотируемых Западом и планирующих «югославский сценарий». Помимо этого, проводилось неожиданное блокирование в день выборов основных сайтов оппозиции, групп наблюдателей и правозащитников.

Контент-анализ телевизионного эфира (рис. 3) [2, с. 37] также показал, что оппозиционные политики в основном были представлены в негативном отношении.

Важно осознать, что «административный ресурс» заменяет собой идеологически нейтральный политический менеджмент, влияя на избирателей через контроль над информационными потоками. Например, в период президентской гонки 2008 г. в Азербайджане также использовались определённые политтехнологические уловки. Международные

наблюдатели заметили, что во время кампании действующий президент совершил поездки по стране, открывая новые заводы, дороги, школы, музеи, парки, аэропорт, посещая военные объекты. Эти визиты широко освещались в масс-медиа, стирая чёткую грань между официальной деятельностью И. Алиева как президента и как кандидата на пост главы государства [14, с. 13]. Конечно, конкуренты не могли использовать подобные возможности для политического пиара. Такого рода способы воздействия на электоральное поведение, по сути, предрешили итог выборов.

Похожие факты встречаются и в среднеазиатских республиках. Так, киргизская президентская кампания 2011 г. характеризовались сильной диспропорцией в освещении масс-медиа разных кандидатов на пост президента страны (см. рис. 4). Контент-анализ, проведённый при поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан», показал, что телеканал ОТРК отдавал несомненное предпочтение в положительных материалах кандидатуре А. Атамбаева.

Мониторинг масс-медиа показал, что многие из них пользовались скрытым политическим пиаром. Для примера – «Пятый канал», рассказывая о достижениях действующего правительства, показывал сюжет с изображением кандидата в президенты Атамбаева. В итоге, контроль над информационными источниками скорректировал общественное мнение.

Таким образом, из анализа постсоветских президентских выборов становится понятно, что современный политический менеджмент, так необходимый для создания эффективных демократических институтов, часто на деле подменяется «административным ресурсом». Совершенно очевидно, что схожие приёмы политических технологий используются в самых разных постсоветских странах. Но наиболее распространённым способом манипуляции общественным сознанием стал контроль информационных потоков с помощью «административного ресурса».

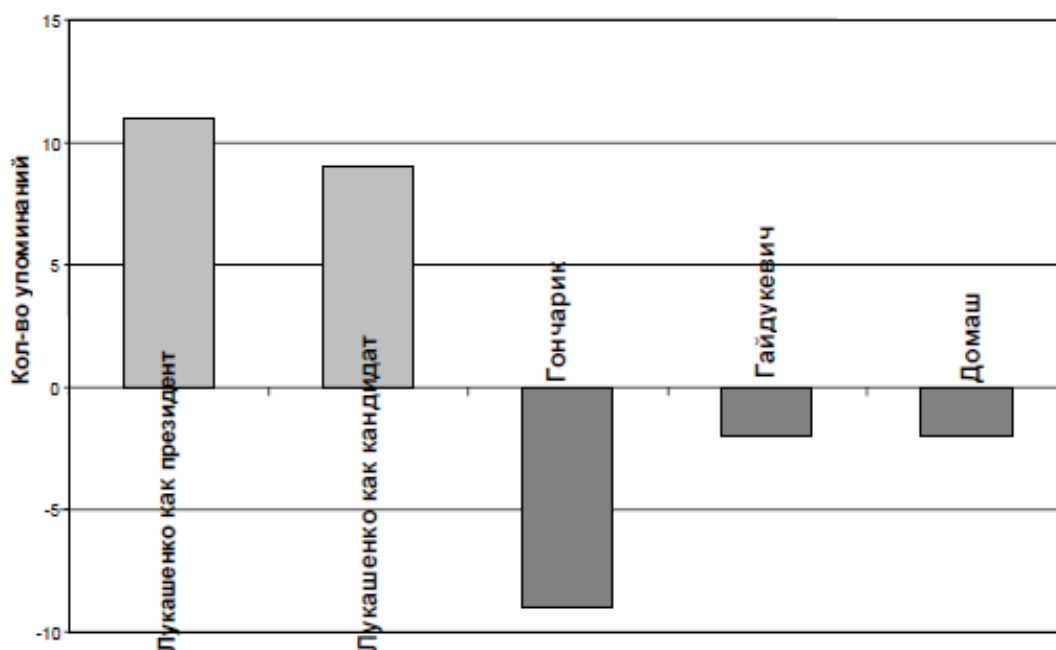

Рис. 3. Контент-анализ положительных и негативных упоминаний о кандидатах на местном телевидении во время белорусских президентских выборов 2001 г.

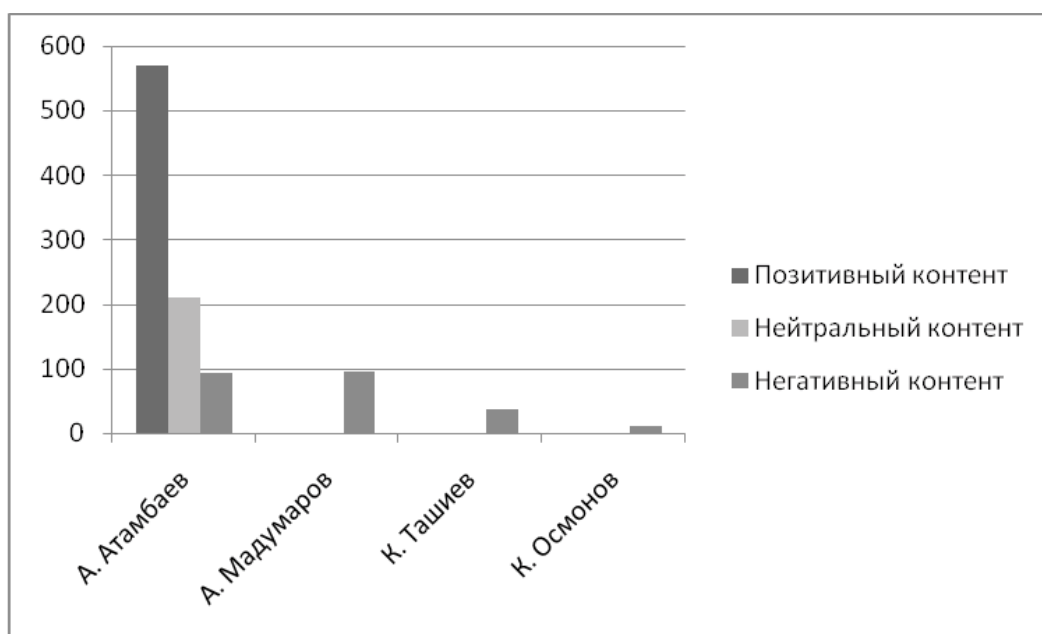

Рис. 4. Контент-анализ положительных и негативных упоминаний о кандидатах на телеканале ОТРК во время киргизских президентских выборов 2011 г. (в сек.) [8, с. 11]

Таблица 2

Электоральный рейтинг политиков накануне российских президентских выборов 2012 г. (%)

	Янв. 28, 2012	Фев. 5, 2012	Фев. 12, 2012	Фев. 19, 2012
Путин В.В.	51,7	53,3	54,7	53,5
Зюганов Г.А.	8,3	10,3	9,2	10,8
Жириновский В.В.	7,4	8,2	8,0	8,9
Миронов С.М.	4,3	3,3	5,0	4,3
Прохоров М.Д.	4,1	4,6	5,8	5,6
Не стал бы участвовать в выборах	11,7	9,8	8,1	7,8
Затрудняюсь ответить	10,1	9,8	8,4	8,0

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 260 с.
2. Выборы Президента Республики Беларусь 9 сентября 2001 года. Миссия БДИПЧ ОБСЕ по ограниченному наблюдению за выборами. Заключительный отчет. – Варшава, 2001. – 38 с.
3. Дмитриев А.Е., Журавлёва Л.В., Федорченко С.Н. Проблема классификации политических консультантов в современной России // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2011. – № 2. – С. 208-212.
4. Доминанты. Поле мнений // Социологический бюллетень. – 2012. – № 07. – 36 с.
5. Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель-Observer. – 2011. – № 9. – С. 48-59.
6. Журавлёва Л.В. Технология интернет-фандрайзинга в российском политическом консультировании // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Т. 4. – № 6. – С. 40-44.
7. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ 18-19 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112534> (дата обращения: 10.07.2013).
8. Итоговый отчет по проекту «Проведение мониторинга СМИ и интернет-изданий в период президентских выборов в Кыргызской Республике» при финансовой поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан». – Бишкек, 2011. – 120 с.
9. Обзор Центра ЕС-Россия // Избирательная система Российской Федерации. – 17 выпуск. – 2011. – Апрель. – 51 с.
10. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 200 с.
11. Failed States Index [Электронный ресурс] URL: <http://global.fundforpeace.org/aboutus> (дата обращения: 15.06.2013).
12. Freedom House [Электронный ресурс] URL: <http://www.freedomhouse.org/> (дата обращения: 15.06.2013).
13. Global Peace Index [Электронный ресурс] URL: <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/global-peace-index> (дата обращения: 15.06.2013).
14. Republic of Azerbaijan. Presidential election. 15 October 2008. OSCE/ODIHR Election Observation Mission Final Report. – Warsaw, 2008. – 30 p.
15. Worldwide Governance Indicators [Электронный ресурс] URL: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 15.06.2013).

УДК 2:322

Зенков А.Р.

Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ

A. Zenkov

Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)

ON THE ISSUE OF COORDINATION OF RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE STATE

Аннотация. В статье автор рассматривает феномен возвращения религиозных институтов в светское социально-политическое пространство современной России. Особое внимание автора занимает проблема гармонизации взаимоотношений религиозных организаций с институтами государства. В рамках статьи исследуется современное положение Русской православной церкви, для чего автором определяются три ключевых этапа государственно-религиозного взаимодействия, сложившиеся в ходе исторического развития в Российском государстве: досекулярный, секулярный и десекулярный этапы.

Ключевые слова: модернизация, РПЦ, государство, симфония, секуляризм, десекуляризация.

Abstract. In the article the author analyses the phenomenon of religious institutions' return into the Russian secular social and political space. Special attention is devoted to the problem of harmonization of the church-state relations. The author examines the actual stand of the Russian orthodox church and defines three basic stages of the church-state relations that have formed through the historical evolution in the Russian state: pre-secular, secular and desecular.

Key words: Modernization, the Russian Orthodox Church, state, symphony, secularism, desecularization.

В последнее время в научных публикациях [1] обсуждение возможности реконструкции модели «симфонических» церковно-государственных отношений в значительной степени интенсифицировалось. Византийская «симфония властей» в общем виде представляет концепцию идеальной формы распределения и перераспределения функций власти в рамках политического пространства в условиях преимущественного моноконфессионализма конкретного региона или государства. Необходимо понимать, что одним из условий реализации указанного процесса является позитивное определение религиозного в системе социально-политических отношений и ценностей. По этой причине научный дискурс в рамках указанной проблематики должен реализовываться исключительно в контексте учета современных российских реалий. Несмотря на то, что соотношение религиозного и светского в политической системе страны с течением времени достаточно радикально менялось, определить, возможно ли достижение симфонических отношений в России, в настоящее время не так просто.

Для достижения данной цели выделим ряд основных этапов, раскрывающих сущность форм церковно-государственного взаимодействия в исторической перспективе.

Первый этап в целом характеризует время максимального соответствия модели государственно-конфессиональных отношений в России византийской «симфонии». В самом Риме и, позже, в Византии на официальном уровне всегда постулировалась идея использования в качестве нормы-ориентира принципа «неслиянности и нераздельности» институтов Церк-

ви и государства. При детальном изучении практики применения данной концепции обнаруживается крайняя гибкость последней, то есть в зависимости от силы обстоятельств внутреннего и внешнего характера (внутренней и внешней политики государства, геополитической обстановки), стратегических и тактических целей государственного аппарата, всегда было возможно применить наиболее прагматичное решение. При этом ущемление в правах получали, как правило, обе стороны, но в разной степени. Подобная гибкость не всегда положительно отражалась на состоянии дел в Церкви, – по данной причине пренебрежение внутренними церковными законами в угоду политическим интересам не было исключением, а, скорее, практикой.

В России «десекулярный этап» длился около восьми столетий, начиная от Крещения Руси и до начала периода правления Петра I. Данный этап можно также охарактеризовать как период своеобразной *управленческой глобализации древнерусского феодального общества*, появление данного авторитарного института решило одновременно целый ряд стратегических задач государства (национального вероопределения, консолидации социальных групп, становление единого государственного-религиозного начала). Только к середине XVII столетия в общественно-политическом сознании наметился определенный перелом, предпосылками к которому явились популярные в то время идеи высшей ценности государства («общего блага»), которые, в сущности, являются фундаментом секулярной модели государства. В рамках данной модели активно использовался принцип *реформационного территориализма*, ставший основой секулярного государственного устройства. В рамках данного типа природа государства мыслится исключительно как вне-конфессиональная, при этом религиозная составляющая смещается на периферию общественно-политических отношений и общественно-политического сознания.

В свою очередь, церковное, или религиозное, самоопределение власти можно выразить посредством степени зависимости

институтов религиозных от государственных, – чем менее первые зависимы от вторых, тем они свободнее. Латинская формула «*rex regnat sed non gubernat*» описывает современный принцип распределения власти в политических системах с высоким уровнем развития таких форм государственности, как гражданское общество и социальное государство. Фактически, функции управления конкретными видами социально-политической деятельности осуществляются институтами гражданского общества, а если религиозные организации также являются институтами гражданского общества, то и они имеют право на участие в управленческом процессе.

В тоже время еще одной, достаточно серьезной, тенденцией является принципиально иной, с точки зрения понимания природы государства, вектор развития политической мысли, описывающий среди других и вопрос распределения власти между религиозными и государственными институтами – это так называемый *десекулярный* подход. В своей основе данная концепция опирается на представление о том, что социально-политические изменения, а также рост интереса к религии, способны привести к реверсивному изменению религиозной жизни социума, то есть возвращению религиозного в мир светского, из сферы индивидуального в сферу общественного.

Безусловно, одним из неизбежных факторов процесса десекуляризации является **формирование религиозного плюрализма**. Ранее мы уже отмечали, что в целом в современном российском обществе очевидным образом просматривается интерес широкого круга участников социально-политических отношений к религиозному осмыслению различных вопросов жизни социума. К числу данных вопросов относится и сфера политических отношений. Следует заметить, что соответствующий интерес проявляется как в негативных, так и в позитивных оценках деятельности институционализированных религиозных структур в решении вопросов социально-политического характера. Первые в целом определяют действия религиозных институ-

тов как активное вмешательство в сферу общественно-политических отношений и угрозу *клерикализации* данной сферы. По мнению данной группы участников, феномен оценки религиозных институтов в качестве *акторов* политического процесса является поправимым светскости государства, а значит, и конституционным нарушением [2]. Сторонники второй группы, наоборот, расценивают действия конфессиональных организаций как явление позитивного порядка, способное к созданию, если не альтернативной ветви власти, то мощного лоббистского крыла, усилия которого могли бы быть направлены на поддержку и соблюдение высоких нравственных принципов в области социального и политического, в равной степени декларируемых всеми крупнейшими религиозными конфессиями. Еще одним возможным позитивным фактором участия религиозных институтов в сфере социально-политического пространства, по мнению данной группы, может быть горизонтальное перераспределение некоторых функций государства. В первую очередь, речь идет о социальных сферах, т.е. тех пространствах, где участие религиозных организаций положительным образом просматривается в исторической перспективе или опыте зарубежных стран.

По нашему мнению, позиция первой группы участников политических отношений несколько искусственно преувеличена и является следствием некоторой «боязни» данного измерения в социально-политическом пространстве. Вместе с тем встречаются и достаточно радикально настроенные группы, по мнению которых, следует проводить политику либо по устранению религиозного фактора из сферы социального и политического, либо вовсе подчинить институт государства религии и конструировать модель теократического порядка. Следующий фактор – **возможность становления религии положительным культурным образцом**, что, в значительной степени, может быть актуаль-

но для формирования устойчивой социальной и политической культуры в современном российском обществе. В качестве третьего фактора процессов десекуляризации российского общества, мы могли бы обозначить определенную **ревитализацию позиции церкви по общественно значимым вопросам**. Четвертым фактором является процесс **дезинституционализации и развития индивидуальной религиозности**. Отрыв от *традиции* в период секулярного этапа приводит к разрыву традиционно-общинного уклада генезиса внешних форм религиозной жизни. Так, учитывая, что каждый приход должен олицетворять «малую церковь», в настоящее время такие собрания верующих если и носят общинный характер, то только в сугубо конкретных проявлениях религиозной жизни и актуальных религиозных действиях.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что процессы, связанные с возвращением религиозного компонента в светское пространство общественно-политического, неизбежно ведут как к положительным, так и отрицательным последствиям, их изучение представляется остроактуальным для современного российского политологического сообщества, а также требует выработки новых методологических подходов к их исследованию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Козьякова Н.С. Отношения церкви и государства в общественно-политической мысли Византии и России // Электронный журнал. Вестник МГОУ. – 2012. – URL: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/172>
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. 1993.25 декабря.
3. Berger P. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics. – Grand Rapids, Mich.: William B. Erdmans Publishing Co., 1999. – 136 p.
4. Harakas S. Living the Faith: The Praxis of Eastern Orthodox Ethics. – Minneapolis: Light and Life Publishing Company, 1993. – 416 p.

УДК 329.17

Чемакин А.А.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)*

ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» И ЕГО МЕСТО В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

A. Chemakin

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg

THE CONCEPT OF "NATIONALIST DISCOURSE" AND ITS ROLE IN THE STUDY OF CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL PARTIES

Аннотация. Этнические конфликты и проблема национальной идентичности в современной России ставят научное сообщество перед необходимостью углублённого анализа национализма. Статья посвящена понятию «националистический дискурс» в контексте изучения политических партий. Автор рассматривает подходы зарубежных и российских учёных (в особенности теории А. Миллера и В. Малахова) и предлагает свою собственную версию понимания термина «националистический дискурс». Этот концепт даёт нам возможность анализировать программы и повседневные практики политических партий.

Ключевые слова: дискурсивный подход, национализм, националистический дискурс, нациестроительство, политические партии России.

Abstract. Ethnic conflicts and the problem of national identity in contemporary Russia put the scientific community in need for in-depth analysis of nationalism. The article is devoted to the notion of nationalist discourse in the context of the study of political parties. Approaches by foreign and Russian scholars (especially A. Miller's and V. Malakhov's theories) are examined and the author's own version of the understanding of the term «nationalist discourse» is offered. This concept gives us the opportunity to analyze programs and everyday practices of political parties.

Key words: discursive approach, nationalism, nationalist discourse, nation-building, Russian political parties.

Тема национализма за последние несколько лет вышла на первый план как в СМИ, так и в социальных науках. Процессы, происходящие в нашем обществе (с одной стороны – обострение этнических конфликтов, а с другой – реформирование партийной системы) обусловили наш интерес к изучению националистической повестки в программных документах и деятельности политических партий РФ. Понятие «нации» является одним из наиболее фундаментальных, наряду со «справедливостью», «правдой», «общественным благом» и др., так что весьма важную роль играет «интерпретация данного феномена, наполнение его определённым смыслом той или иной политической партией» [5]. При изучении соотношения партийных программ и националистической идеологии сразу же возникают определённые проблемы: в частности, Б. Кагарлицкий отмечает, что существует множество течений, принципиально по-разному отвечающих на национальный вопрос «даже с точки зрения националистических парадигм, ибо в России существует не одна националистическая парадигма. Это один из парадоксов современной ситуации, что в России не сложилось единой парадигмы национализма, в отличие, скажем, от ряда западных стран, и, по существу, идёт борьба между этими парадигмами» [12, с. 7]. Этот факт показывает, что изучение проблемы без обращения к дискурсивному подходу весьма затруднительно, поэтому мы постараемся осветить вопро-

© Чемакин А.А., 2013.

сы, связанные с понятием «националистический дискурс» и его возможной ролью при изучении политических партий. К тому же объектом изучения должна быть «не только политическая платформа, официально принятая политическая программа партии, но также и выступления, высказывания, действия представителей политической партии, которые входят в общее коммуникационное поле субъекта политического взаимодействия, то есть в дискурсивное поле» [5].

В последние годы в науке возрастает значение методов, связанных с дискурс-анализом. Первое значение данного термина ведущий в мире специалист в этой сфере – нидерландский лингвист Тён ван Дейк – описывает как комплексное коммуникативное событие, которое происходит между конкретными акторами в конкретных условиях и контексте и определяется через уникальное сочетание слов, интонации, жестов, значений или действий [17, р. 194–195]. Более подходящим в нашем случае является второе определение дискурса, где термин употребляется для обозначения конкретных жанров, причём используется обычно в сочетании с прилагательным, обозначающим жанр или общественное пространство – «политический дискурс», «академический дискурс» и т.д. Таким образом, политический дискурс может быть общим обозначением для всех дискурсивных жанров, используемых в сфере политики, или дискурсов, используемых политиками. В данном случае дискурс это даже не просто определённый жанр, а скорее множество таких жанров, связанных с какой-либо общественной сферой [17, р. 196].

Политический дискурс «можно рассматривать как способ коммуникации, основанный на вербальном и невербальном обмене идеями, позициями, взглядами участников политической жизни в соответствии с их убеждениями и определёнными правилами, нормами с целью принятия политических решений» [4, с. 223]. При этом дискурс можно также представить как широкое и узкое политическое общение: «В широком смысле в фокусе дискурсного анализа – действующие

лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.д. В этом случае к элементам дискурса относят излагаемые события, их участников, контекст. В узком смысле он является специализированным текстом, обладающим своим особым языком» [4, с. 223]. Несмотря на фундаментальную роль дискурса в выражении и воспроизводстве идеологии, последняя не может быть сведена к дискурсу или отождествлена с ним [17, р. 317]. Понятие «дискурс» шире понятия «идеология»: любая идеология имеет дискурсивный характер, но не любой дискурс идеологичен [7, с. 122].

Мы не будем рассматривать все возможные трактовки и подробную историю термина «дискурс», так как на эту тему написано достаточно много работ, например, статья А. Ломагиной [6], а обратимся к тому, как он был воспринят в России и как может быть применён при изучении современной российской политики.

В отечественную политическую науку термин «националистический дискурс» был введён историком А. Миллером в 1997 г. на страницах журнала «Pro et Contra», в связи с чем в дальнейшем в этом же журнале состоялась дискуссия между самим Миллером, П. Канделем и В. Малаховым [10; 3; 11; 9], положившая начало двум основным трактовкам данного понятия.

Миллер определил дискурс и как отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочивания действительности и видения мира, и как явление, которое включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира, а также действия людей и институциональные формы организации общества, вытекающие из такого видения [10]. В подтверждение данных слов он приводит цитату из М. Фуко: «Задача состоит не в том – уже не в том, чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят» [13, с. 427–428; цит. по: 10]. Фуко дал понятие

и методологию, которые позволили систематизировать результаты трудов К. Дойча, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, М. Гроха. Национализм, по мнению Миллера, является оценочно нейтральным явлением, «не стоит в одном ряду с идеологиями типа либеральной или социалистической и не сводим к одному из нескольких существующих в обществе политических движений. В подавляющем большинстве случаев все политические акторы, хотят они того или нет, вынуждены вступать в борьбу за право утвердить в обществе собственное толкование нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они борются за этот идеологический и мобилизационный ресурс, дабы с его помощью достичь тех или иных, в том числе либеральных или социалистических, тоталитарных или демократических, целей» [10]. Нечто подобное пишет израильский политолог И. Брудный: «Националистическая идеология постулирует, какие политические, социальные и экономические институты лучше всего подходят для нации. Сочетание этих элементов определяет характер данной националистической идеологии; она может быть имперской или не имперской, демократической или авторитарной, либеральной или консервативной, леворадикальной или праворадикальной» [15, р. 5] (несмотря на то, что автор использует термин «идеология», в данном случае уместен и термин «дискурс»). Миллер отмечает, что основной вопрос националистического дискурса «состоит в том, какие из этих интерпретаций (национального) в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почему» [11, с. 136]; при этом «человек, отказывающийся использовать в своих идеологических построениях категорию нации, в националистическом дискурсе не участвует» [11, с. 137].

Согласно В. Малахову, «будучи дискурсивным феноменом, национализм от этого не перестаёт быть идеологией, конкурирующей с другими идеологиями, например либерализмом и социализмом», а интерпретация Миллера «приписывает национализму все-

общность, не позволяющую осмыслять эту идеологию в одной плоскости с другими». «Националистический дискурс у Миллера – это, по сути, любой политический дискурс, участники которого пользуются терминами “нация” и “национальный интерес”. Тем самым, рамки понятия “национализм” чрезмерно расширяются, а содержание становится размытым. Националистами оказываются и либералы, и социал-демократы, и кто угодно – все политики, в лексиконе которых присутствуют понятия “национальный интерес”, “безопасность” и т.п.» [9, с. 131–132] Малахов заключает, что «национализм не метадискурс, как его представляет Миллер, а один из терминов, работающих в политическом поле дискурсов. Значит, он может и должен быть специфицирован по отношению к иным дискурсам (либералистскому, социал-демократическому, этатистскому, коммунистическому и т.д.). В противном случае всё тонет в океане “национализма”» [9, с. 132]. Сам Малахов даёт следующее определение: «националистический дискурс – аналитическая модель, которая даёт возможность сопоставить друг с другом различные идеологические конфигурации, а также проследить, из каких элементов эти конфигурации состоят» [7, с. 122–123]. Также он весьма едко замечает, что в случае Миллера «представителями националистического дискурса оказываются как Владимир Жириновский, так и Егор Гайдар» [7, с. 123].

П. Кандель также критикует Миллера, считая, что эвристическая ценность вводимой категории сомнительна: националистический дискурс – это собирательное понятие, которое «лишено качественной определённости и сильно отдаёт тавтологией, так как причисляет к национализму всё, что говорят и делают в связи, по поводу и в контексте обобщающего слова-символа *нация*, принципиально уравнивая одержимость им с безразличием, а утверждение естественности и самоценности националистических притязаний – с их опровержением» [3, с. 125]. Кроме того, это предельно расширительный термин, не определяющий сущность явлений, а лишь

обозначающий семантическое поле. Подобный подход, по мнению Канделя, «смазывает своеобразие феномена и его характерные отличительные особенности» [3, с. 125]. Также Кандель отмечает, что «подчёркивать дискурсивную природу национализма в качестве его отличительной черты нет оснований, поскольку “дискурсивны” все большие идеи: и либерализм, и консерватизм, и коммунизм, и демократия, и монархия», а «в поле воздействия каждой из них соперничают разные их толкователи – от умеренных до радикальных, в разной степени агрессивные или терпимые» [3, с. 126].

Кандель своей собственной концепции не предлагает, а только высказывает критику по поводу ценности самого понятия. Несмотря на то, что ряд его замечаний заслуживают внимания, мы не согласны с тем, что на уровне дискурса демократию и национализм можно уравнивать, например, с коммунизмом и монархией, так как первые два понятия намного шире, чем вторые, и могут быть соединены практически с любым иным дискурсом: представить себе монархиста-республиканца или коммуниста-либерала весьма затруднительно, в то время как на политической арене место может найтись и для национал-монархиста, и для национал-республиканца, и для национал-коммуниста, и для национал-либерала. Конечно, есть люди, в принципе отказывающиеся рассматривать мир в национальных категориях, но их число, на наш взгляд, намного меньше, чем число людей, в полной мере отрицающих идеи коммунизма или либерализма. В дальнейшем мы не будем обращаться к статье Канделя, сосредоточившись на концепциях Миллера и Малахова.

Сразу же отметим, что нам ближе взгляды Миллера, тем более они подкрепляются и мнениями ряда зарубежных специалистов, так что не только Миллер «приписывает национализму всеобщность». Австралийский учёный С. Дюринг отмечает, что «отказ от национализма ведёт к отказу от эффективного политического действия» [16, р. 139]. Американский социолог К. Калхун пишет, что «национализм играет решающую, хотя и нередко

оставляемую без внимания роль в современном дискурсе политической легитимности. Легитимность в этом дискурсе связана в основном с ответом на вопрос о том, насколько определенные институты правления представляют “народ” или служат его интересам; национализм — это риторика или дискурс, который используется для установления того, что именно представляет собой этот народ. Эта категориальная идентичность конструируется при помощи дискурса национализма. В этом случае вызов предположительно нелегитимным правительствам может быть брошен от имени нации» [2, с. 239–240].

Если говорить о примере Малахова с Жириновским и Гайдаром, то можно сказать, что различия между ними концепция Миллера ни в коем случае не отрицает. Во-первых, политические акторы могут или просто признавать существование феномена нации, и таким образом косвенно принадлежать к националистическому дискурсу, или активно участвовать в нём для достижения своих собственных целей (и тут Гайдар весьма сильно отличался от Жириновского). Во-вторых, националистический дискурс может занимать как центральное положение в идеологической концепции партии, так и находиться на её периферии. Критикуя Миллера за то, что он «приписывает национализму всеобщность», Малахов не обращает внимания на то, что Миллер в своей статье говорит и о разновидностях дискурса, указывая и на более узкое понимание описываемого явления: «В рамках широко понятого националистического дискурса взаимодействуют и соревнуются друг с другом самые разнообразные по степени агрессивности, ксенофобности или терпимости интерпретации нации и национальных интересов. А значит, неверно говорить о французском, русском или израильском национализме. Есть много примеров того, как в странах, которым приписывается господство “гражданского”, или “включающего” национализма (Франция, США), мощно проявляется этнический, расистский, “исключающий” национализм, и наоборот. Вопрос состоит в том, какие из этих интер-

претаций в тот или иной момент, в том или ином обществе, в тех или иных социальных слоях становятся доминирующими и почемужу» [10].

Представленные выше концепции вполне можно объединить, если говорить о националистическом дискурсе и его разновидностях (тогда в первом – широком – значении мы опираемся на концепцию Миллера, а во втором – узком – также признаём правоту и Малахова, который де-факто сосредоточил своё внимание на различных видах националистического дискурса).

Понятие «националистический дискурс» в предельно широком значении практически совпадает с часто используемым в обыденной жизни определением «национальный вопрос». Таким образом, изучение националистического дискурса в программных документах партий равнозначно изучению их взглядов в сфере «национального вопроса», то есть по всем вопросам, связанным с межнациональными и межэтническими отношениями (это, в том числе, проблемы «национальной идеи», национальной и этнической идентичности, границ государства и его административно-территориального устройства, иммиграции, конфликтов на этнической почве и т.д.). Понятие «националистический дискурс» очерчивает круг проблем, а конкретные разновидности националистического дискурса, в свою очередь, представляют те или иные ответы на поставленные вопросы, например, предлагают своё определение нации и её границ, а также пути выхода из сложившейся кризисной ситуации в этой сфере. Как мы говорили в самом начале статьи, в России сложилась достаточно запутанная ситуация, так как параллельно существуют несколько национальных или квазинациональных проектов, не способных достичь консенсуса даже в вопросе о наименовании нации, которая существует или должна быть построена в России. Мы полагаем, что, исходя из анализа ключевых терминов, используемых партиями (обычно это наименование нации или иного типа культурно-исторического сообщества), можно выделить 4 основ-

ные разновидности националистического дискурса: русский национализм, российский национализм, национализмы меньшинств, имперский национализм (последний представляет сразу несколько типов – советский, евразийский и т.д.) [14]. Соответственно, партии стремятся заполнить сферу националистического дискурса своими представлениями и положениями, и борьба идёт за то, чтобы какая-то одна из разновидностей националистического дискурса была принята в качестве нормативной и общепризнанной. Государственные органы в качестве базовой с 1994 г. используют концепцию российского национализма; в то же время в последние несколько лет можно видеть значительный подъём русского национализма. Таким образом, мы соглашаемся с Миллером, понимая националистический дискурс как некий феномен, стоящий над идеологиями и партиями (нам представляется, что родственным по своим свойствам понятием может быть «демократический дискурс»). Разновидности националистического дискурса находятся на более низком, локальном уровне, и здесь уже можно, вслед за Малаховым, говорить об их взаимоотношениях с либерализмом, социализмом, консерватизмом (например, «советский имперский национализм» связан с коммунистическими партиями, «русский национализм» – с либеральными и провластными и т.д.). Какой-либо из видов националистического дискурса может присутствовать в концепциях партий, не характеризующихся в качестве националистических (например, в КПРФ). Точно так же идеология партии, воспринимаемой обществом в качестве националистической, может включать в себя не только один из видов националистического дискурса, но и иные дискурсы (социалистический, либеральный и т.д.). М. Биллинг справедливо отмечает, что «национализм нельзя отождествлять с частными стратегиями правых популистских партий, потому что в этом случае имеет место недооценка влияния националистических представлений» [1, с. 40]. При этом собственно националистической партией в бытовом зна-

чении этого слова (как в том случае, когда всю оппозицию в России условно делят на левых, либералов и националистов) можно назвать лишь ту, которая ставит одну из разновидностей националистического дискурса в центр своей идеологии и программы. Так что само участие того или иного политика в националистическом дискурсе, то есть в обсуждении этнонациональной проблематики, ни в коей мере не делает его националистом, если, конечно, он не относит идею нации к числу основополагающих и побуждающих его самого к участию в политическом процессе.

Стоит отметить, что может возникнуть вопрос: а не использовать ли слово «национальный» вместо «националистический»? В принципе, у этих терминов нет двух разных объектов, оба так или иначе апеллируют к «нации». Различия могут быть только в том смысле, что слово «национальный» относится к странам, где нациогенез давно завершён и национализм становится «банальным», а «националистический» – к тем государствам, которые только идут по пути превращения в национальные, указывая на активную стадию построения нации. Россия, несомненно, принадлежит ко второму типу, и термин «националистический дискурс» наиболее адекватно отражает актуальные процессы.

Таким образом, перед тем, как приступить к анализу идеологических построений какой-либо конкретной партии в сфере «национального вопроса», необходимо очертить круг проблем, относящихся к националистическому дискурсу (имя нации и источник её исторической легитимности, границы, миграция и т.д.), определить существующие в обществе разновидности националистического дискурса (русский, российский и т.д.; варианты классификации могут быть и отличными от нашей). Изучение эмпирического материала позволит определить, какой из видов националистического дискурса доминирует в программе и действиях той или иной партии, а также с какими другими дискурсами он сочетается (опять же, процесс может быть и обратным: изучение фактов может привести к выявлению новой разновидности национа-

листического дискурса). Всё это даст возможность более подробно выяснить то, из каких составляющих формируются программа и повседневные практики изучаемой партии, а также, рассматривая изменения на уровне дискурса, оценить вероятные варианты идеологической трансформации партии в будущем. Отметим, что подобный подход может быть применён при изучении националистического дискурса не только касательно партий, но и СМИ, органов власти и т.д. Завершить же статью можно следующими словами Малахова, с которыми мы на этот раз полностью согласны: «Аналитическое расчленение этих конфигураций (в данном случае он имеет в виду идеологические гибриды, например, либеральный или консервативный национализм. – А.Ч.), исследование элементов, из которых они состоят, связей этих элементов друг с другом, а также факторов, определяющих изменение характера таких связей, имеет немалое значение для работы практикующих политологов» [8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биллинг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. – 2007. – № 1. – С. 34–71.
2. Калхун К. Национализм. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
3. Кандель П.Е. О национализме «с человеческим лицом» // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 124–135.
4. Кузьмин П.В. Дискурс как способ политической деятельности // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – Серия «Филология». – 2006. – Том 19 (58). – № 2. – С. 222–227.
5. Кутузова А.А. Роль и место дискурс-анализа в изучении спектра политических партий России // «Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции (17 октября 2012 г.). – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 33–36 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/4371-2012-10-25-09-54-42> (дата обращения 03.10.2013).
6. Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3. – С. 160–166.

7. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. – М.: КДУ, 2010. – 318 с.
8. Малахов В.С. Национализм как предмет политико-философского исследования. Дис... докт. полит. наук. – М., 2003. – 228 с. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalizm-kak-predmet-politiko-filosofskogo-issledovaniya> (дата обращения 03.10.2013).
9. Малахов В.С. О националистическом дискурсе // Pro et Contra. – 1999. – Т. 9. – № 2. – С. 129–132.
10. Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2. – № 4. – С. 141–151. [Электронный ресурс]. – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm (дата обращения 03.10.2013).
11. Миллер А.И. Письмо в редакцию // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3. – № 3. – С. 136–138.
12. Русские националисты и легальное партстроительство: шансы на успех. Экспертный опрос // Вопросы национализма. – 2012. – № 10. – С. 6–13.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: «Касталь», 1996. – 448 с.
14. Чемакин А.А. Проблема классификации разновидностей националистического дискурса в российском партийном пространстве // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 151–161.
15. Brudny Y. Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953 – 1991. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000. – 364 p.
16. During S. Literature — Nationalism's other? The case for revision // Nation and Narration. – London; New York: Routledge, 1990. – P. 138 – 153.
17. Van Dijk T. Ideology. A Multidisciplinary Approach. – London: SAGE Publications Ltd., 1998. – 384 p.

УДК 323.2 (470.311)

Сабирова Н.С.

Московский государственный областной университет

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОДМОСКОВЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И ТРУДНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Sabirova S.N.

Moscow State Regional University

CIVIL SOCIETY IN THE MOSCOW REGION: MAIN PROBLEMS OF ORGANIZATION

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования гражданского общества в Московском регионе, отношение к данному процессу социума, а также исследуется роль государства в становлении гражданского общества. Затрагиваются экономические, политико-правовые, социальные аспекты формирования гражданского общества. Рассматривается роль Общественной палаты Московской области в развитии гражданского общества. По мнению автора, развитию гражданского общества в Подмоскovie должно способствовать государство путём пересмотра своих приоритетов в отношении общества.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, гражданин, правовое демократическое государство, плюрализм, абсентеизм, Общественная палата, местное самоуправление, фальсификация, митинг, демонстрация.

Abstract. The article examines the process of forming a civil society in the Moscow region, and the society's attitude to it. Besides, the role of the state in the development of civil society is studied. The author touches upon some economic, political-legal and social aspects of forming a civil society. The role of the Public Chamber of the Moscow region in this process is also given attention to. The author considers the state should promote the process of forming a civil society in the Moscow region by reconsidering its priorities in this sphere.

Key words: civil society, state, citizen, legal and democratic state, pluralism, absenteeism, the Public Chamber, local governing, falsification, meeting, demonstration.

В 2010 г. Дмитрий Анатольевич Медведев, заслушав очередной доклад, заявил: «Наша задача – создать такую систему, когда гражданские структуры принимают участие в выработке государственной политики и в оценке её качества» [7]. Очевидно, что в данном высказывании речь идет о гражданском обществе, которое, являясь посредником между социумом и государством, представляет интересы общества на политической арене.

Среди многочисленных регионов современной России особое место занимает Московская область. Процессы, протекающие здесь, во многом становятся своего рода индикаторами политического развития страны в целом. В силу этого обстоятельства изучение процесса становления гражданского общества в Подмоскovie даёт возможность судить о развитии данного института во всей России.

Развитие гражданского общества в Московской области следует рассматривать в нескольких аспектах:

- 1) Развитие органов местного самоуправления
- 2) Развитие жилищно - коммунального хозяйства
- 3) Развитие в сфере экологии
- 4) Развитие в сфере сохранения культурных объектов.
- 5) Развитие в сфере здравоохранения

© Сабирова Н.С., 2013.

Конкретные данные по каждому из выделенных аспектов изучения гражданского общества можно получить благодаря ежегодному докладу Общественной палаты Московской области — организации, обеспечивающей взаимодействие граждан, общественных объединений с органами государственной власти в целях учёта потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации. Общественная палата Московской области была создана 14 июля 2009 г. в соответствии с Законом Московской области от 29.04.2009 №40/2009-ОЗ об «Общественной палате Московской области» (с 2001 по 2009 годы функционировала как Общественный совет). В данном законе определены основные цели Общественной палаты:

1) обеспечение взаимодействия граждан Российской Федерации, проживающих на территории Московской области, с органами государственной власти, государственными органами Московской области и органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области;

2) учет общественно значимых законных интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики по наиболее важным вопросам экономического и социального развития Московской области;

3) защита законных прав общественных объединений, иных некоммерческих организаций граждан, осуществляющих деятельность на территории Московской области и зарегистрированных в установленном порядке на территории Московской области [1, с. 1].

Общественная палата является внепартийным органом. Более того, закон закрепляет положение Общественной палаты как неюридического лица. А факт того, что она формируется из представителей общественных объединений и иных некоммерческих организаций свидетельствует о том, что Общественная палата – неотъемлемая часть гражданского общества, способствующая участию граждан во всех сферах жизни общества. Благодаря ежегодным докладом Об-

щественной палаты «О состоянии и развитии институтов гражданского общества в Московской области» можно выявить основные тенденции развития гражданского общества.

Местное самоуправление — один из компонентов гражданского общества. Конституция определяет местное самоуправление как систему органов, не входящих в структуру государственной власти, через которые обеспечивается участие граждан в решении политических проблем. Местное самоуправление регулируется Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5].

Неудивительно, что Московская область в силу своей специфики стала одним из первых регионов, где местное самоуправление стало в полном объеме реализовывать свои полномочия, прописанные в данном Федеральном законе. Однако в ежегодном докладе Общественной палаты Московской области отмечается, что общество не воспринимает местное самоуправление как институт публичной власти и гражданского общества. Думается, что причиной такого положения дел является недостаточный уровень политического и правового сознания граждан, а также их увлеченность социальными, а не политическими проблемами [2].

Отношение граждан к местному самоуправлению в Московской области позволяет увидеть реальные проблемы развития гражданского общества во всей Российской Федерации. Политическая неразвитость населения, политический абсентеизм граждан, непонимание различий между государственной властью и органами местного самоуправления создает препятствия на пути формирования гражданского общества.

Общественная палата, как орган, являющийся посредником между государственной властью и гражданами, предлагает решить данные проблемы преимущественно с помощью просветительской деятельности, мотивирующей граждан к участию в вопросах местного самоуправления.

Проблемы в *сфере жилищно-коммунального хозяйства* являются наиболее близкими

обществу, поскольку они непосредственно связаны с условиями комфортного существования и платой за широкий спектр услуг.

В 2012 г. было выявлено множество нарушений в осуществлении деятельности, связанной с жилищно-коммунальным хозяйством. К решению данного вопроса были привлечены органы местного самоуправления, а также широкие слои общественности, был создан проект «Добрососедство», усилиями которых было выявлено 167 недобросовестных компаний из общего числа 556 по Московской области. Основным нарушением являлось недостаточное предоставление информации потребителям, что является несомненным нарушением конституционного права граждан Российской Федерации [4].

В сфере *экологии и природопользования* выделяют несколько проблем: 1) проблема состояния лесов, земельных и водных ресурсов; 2) проблема захоронения бытовых отходов; 3) захват береговых полос подмосковных водоемов.

С данными проблемами Общественная палата рекомендует бороться согласно различным целевым программам и нормативно-правовым актам, таким, как «Утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления в Московской области на 2012-2020 годы», Водный кодекс РФ и др. [1].

Московская область находится на третьем месте в России по количеству объектов *культурного наследия*. Однако, несмотря на достаточно развитую инфраструктуру, действие правовой системы и высокий бюджет, состояние памятников культурного наследия остается одной из самых важных проблем. Выявлено, что власти не уделяют достаточного внимания данной проблеме. В настоящее время под угрозой застройки находятся территории большинства музеев-заповедников, достопримечательных мест, усадебных комплексов и других значимых объектов культурного наследия как федерального, так и регионального значения.

Лишь 1% объектов культурного наследия имеет утвержденную территорию и зону охраны. Замечено, что программы по защите

культурного наследия целенаправленно не утверждаются властями, а опубликованный перечень памятников культуры отсутствует. Всё это приводит к застройке и искажению природной среды [2, с. 14].

Таким образом, можно заметить, что в данной сфере основные проблемы исходят со стороны государства. Тем не менее Общественная палата Московской области рекомендует гражданам создавать некоммерческие организации по защите объектов культурного значения. За последние два года численность таких организаций возросла на 15% [2].

Немаловажную роль в жизни гражданского общества играет *сфера здравоохранения*. Высокий медицинский потенциал позволяет Московской области достичь высоких показателей. С целью укрепления связей между лечебно-профилактическими учреждениями в муниципальных районах и городских округах Подмосковья действует Региональная общественная организация. Тем не менее значительная часть граждан недовольна уровнем оказания медицинских услуг. Выходом из этой ситуации может стать лишь создание адекватных тарифов на услуги и развитие стимулов в работе врачей, а также проводимый общественными структурами мониторинг уровней коррупции в медицинских учреждениях [9].

Отмеченные выше трудности не могут приостановить процесс институционализации гражданского общества. Численность некоммерческих организаций в Подмосковье постоянно возрастает. Самыми влиятельными из них являются организация «Молодая Гвардия Единой России», «Школа предпринимательства», «Российский союз молодежи», «Союз художников Подмосковья», Московское областное отделение Союза писателей России, Некоммерческое партнерство «РКС – Московская область», Фонды «Надежда» и «Наши дети».

Среди конкретных мероприятий, направленных на улучшение состояния здоровья, условий жилья, развитие культурного потенциала граждан, можно отметить проведение

выставки-конкурса антинаркотического плаката в рамках реализации «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года»; акция «Московская епархия в помощь детям, страдающим онкологическими заболеваниями», обеспечивающая нуждающихся донорской кровью; организация соревнований «Золотая шайба», «Плетеный мяч», «Чудо шашки»; организация фонда «Абсолют-помощь», способствующая финансовой поддержке в сфере здравоохранения.

Следует также отметить роль общественных организаций в профилактике преступлений и правонарушений. Наиболее известной организацией в данной сфере является ДНД (Добровольная народная дружина), члены которой привлекаются к охране правопорядка при проведении общественно-политических, культурно-массовых, спортивных мероприятий, оказывают помощь полиции в их повседневной деятельности.

Весьма важным фактором формирования гражданского общества в Московском регионе является вовлечение в общественную деятельность молодежи. В 2010 г. насчитывалось 196 организаций несовершеннолетних, связанных с правоохранительной направленностью деятельности. Ярким примером могут служить организация «Юные друзья милиции» (ныне переименовано в «Юные друзья полиции») и отряды юных инспекторов движения. Подобные организации действуют и в студенческой сфере. Уже сформированы отряды в Коломенском, Мытищинском, Люберцком, Подольском, Пушкинском, Ступинском и Сергиево-Посадском районах.

Исследование процесса становления гражданского общества позволяет сформулировать ряд рекомендаций, адресатом которых являются государственные структуры:

1. основополагающую роль в создании и развитии гражданского общества должно сыграть государство, призванное создать благоприятные условия реализации инициатив граждан;

2. одним из способов такого стимулирования развития гражданского общества

может стать создание нормативно-правовых актов, обеспечивающих деятельность различных общественных организаций;

3. государству следует проводить мероприятия по повышению политической и правовой культуры граждан, а также обеспечивать гражданам доступ к информации.

На примере Московской области основополагающая роль государства в развитии гражданского общества становится особенно очевидной. Как полагает автор, для преодоления имеющихся на пути становления гражданского общества препятствий и скорейшей институционализации гражданского общества в Московской области, государству необходимо выработать четкие механизмы согласования государственных и общественных интересов во всех сферах общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ежегодный доклад Общественной палаты Московской области «О состоянии и развитии институтов гражданского общества в Московской области» от 18.02.2010 [Электронный ресурс]// Главное управление внутренней и внешней политики и взаимодействия с органами Местного самоуправления Московской области. [сайт]. – URL: <http://politika.mosreg.ru/news/572.html> (дата обращения: 12.10.2013).
2. Ежегодный доклад Общественной палаты Московской области «О состоянии и развитии институтов гражданского общества в Московской области в 2012 году» от 13.02.2013 № 2 [Электронный ресурс]// [сайт]. – URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=5&ved=0CD8QFjAE&url=http%3A%2F%2Fwww.osgm.ru%2Ffileadmin%2Fsite%2Ffiles%2Fdocuments%2FPartnjory%2FObshchestvennaja_palata_MO%2FZakon_MO_Ob_Obshchestvennoi_palate_MO.doc&ei=a0iKUpTKFMqG4ATv3YGoBQ&usq=AFQjCNFIcyzqz8N_rRTbVTz4duAZbXHs8Q&bvm=bv.56643336,d.bGE&cad=rjt / (дата обращения: 12.10.2013).
3. Закон Московской области «Об Общественной палате Московской области» в ред. Закона МО от 29.04.2009 N 40/2009-ОЗ [Электронный ресурс]// [сайт]. – URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0CDYQFjAC&url=http%3A%2F%2Fwww.osgm.ru%2Ffileadmin%2Fsite%2Ffiles%2Fdocuments%2FPartnjory%2FObshchestvennaja_palata_MO%2FZakon_MO_Ob_Obshchestvennoi_palate_MO.doc&ei=1U

- iKUsuEOueL4AT4xICQCw&usg=AFQjCNFIcyzqz8N_rRTbVTz4duAZbXHs8Q&bvm=bv.56643336,d.bGE&cad=rjt (дата обращения: 12.10.2013).
4. Конституция российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант плюс [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/cons/> (дата обращения: 12.10.2013).
 5. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант плюс [сайт]. – URL: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/> (дата обращения: 12.10.2013).
 6. Здравоохранение Московской области: проблемы и приоритеты [Электронный ресурс] // Medcom. Медицинский онлайн журнал. [сайт]. – URL: <http://www.medcom.spb.ru/publ/info/916> (дата обращения: 12.10.2013).
 7. Перечень программных мероприятий долгосрочной целевой программы Московской области «Снижение административных барьеров, повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг на базе многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг на 2012-2014 годы» [Электронный ресурс] // [сайт]. – URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCcQFjAA&url=http%3A%2F%2Fppu.mosreg.ru%2Ffiles%2F%25D0%2594%25D0%25BE%25D0%25BB%25D0%25B3%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2580%25D0%25BE%25D1%2587%25D0%25BD%25D0%25B0%25D1%258F%2520%25D1%2586%25D0%25B5%25D0%25BB%25D0%25B5%25D0%25B2%25D0%25B0%25D1%258F%2520%25D0%25BF%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25B3%25D1%2580%25D0%25B0%25D0%25BC%25D0%25BC%25D0%25B0.docx&ei=WkmKUq_MLOXI4ATB9YGYCg&usg=AFQjCNHyRHu8vmWzO1owzS1jytYfEqcTlg&bvm=bv.56643336,d.bGE&cad=rjt (дата обращения: 12.10.2013).
 8. Дмитрий Медведев призвал Общественную палату к активной работе над концепцией развития России [Электронный ресурс] // Приоритетные национальные проекты [сайт]. – URL: <http://rost.goldkolyma.ru/index.php?newsid=205> (дата обращения к источнику: 12.10.2013).
 9. Устав Московской области от 04.02.1998 №3/98-ОЗ [Электронный ресурс] // Консультант плюс [сайт]. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=МОБ;n=163490> (дата обращения к источнику: 12.10.2013).

УДК 321

Агаев Г.Ш.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КЛАНОВЫХ СООБЩЕСТВ КАЗАХСТАНА

G. Agayev

Moscow Humanitarian University M.A. Sholokhov

PAST, PRESENT AND FUTURE OF THE CLAN COMMUNITIES IN KAZAKHSTAN

Аннотация. Клановые сообщества в политическом процессе Казахстана, имеющие многовековую историю, включающую как периоды минимизации влияния на власть, так и периоды активизации деятельности, начали быстро регенерировать после обретения страной независимости и приобрели в Казахстане новые качества, лишь некоторыми, самыми общими чертами напоминающие связи и отношения, обновлённые родовой структурой традиционного общества. Статья представляет характеристику особенностей влияния латентных сообществ на политический процесс Казахстана в различные исторические периоды.

Ключевые слова: Казахстан, кланы, политическая элита, семейственность, преемственность власти.

Abstract. Clan communities in the political process in Kazakhstan have a long history, including both periods of minimizing the impact on power and the periods of revitalization. After the country gained its independence these clans quickly began to recover and gained new qualities in Kazakhstan. Among such qualities only a few most common ones resemble the connections and relationships updated by the traditional tribal structure of the society. The article represents the characteristic features of the latent communities' influence on the political process in Kazakhstan in different historical periods.

Key words: Kazakhstan, clans, political elite, nepotism, continuity of power.

Современная клановая структура государственной власти в Казахстане происходит от местной патриархальной политической культуры. Абсолютное право чингизидской династии на ханский трон и посты ниже рангом государственно-жuzовых образований, внутренняя замкнутость султанской группы привели к трансформации потомков-чингизидов в правящую клику внеэтнической природы.

Патриархальный характер политической культуры ранних казахстанцев виден в том, что функция правителей-чингизидов крылась в военно-политическом руководстве, международном представительстве. Тогда как в мирный период их административные и судебные права ограничивались племенной аристократической верхушкой, а также самой кочевой децентрализованной структурой государства. Эта структура была рассредоточена и закреплена по местным племенным и родовым системам, управлявшимся напрямую древними родами. Выходцы из родо-племенной знати, в сравнении с правителями-чингизидами, были ближе к обычной жизни тогдашних казахов, чингизиды несли больше сакрально-организационную функцию перед внешним врагом и общими трудностями, в глубинке всегда их власть была незначительной. Патриархальная политическая культура в Казахстане сохранилась и в советское время [1; 3].

Анализируя состояние властной казахской элиты в дореволюционный и советский период, а также в период первых лет независимости Республики Казахстан, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, за последний век в Казахстане сменились несколько типов общественно-политических систем, но политические элиты претерпели не столь глубокие трансформации. Хотя в советское время и декларировалось окончательное преодоление племенных и иных трайбалистских пережитков в казахском обществе, желаемое выдавалось за действительное [2].

При этом революционной и радикальной замены элит никогда не наблюдалось, отчего можно с большой долей уверенности предположить, что: а) границы смены элит весьма размыты во времени; б) элементы различных типов элит совместно существовали и причудливо переплетались/переплетаются до настоящего времени.

Во-вторых, казахстанская элита, участвовавшая в трагических событиях, связанных с «советской модернизацией» в республике, явилась прямой преемницей байской родоплеменной аристократии. Советский номенклатурный бюрократизм только на время идеологически прикрыл сущность трайбалистской архаики.

В-третьих, наблюдаемые попытки казахстанской исторической науки и публицистики формирования «комплекса вины» у казахов за «прегрешения» а) советской власти, б) имперской России, в) тоталитарной системы, г) диктатуры Центра, есть попытка существующей казахстанской элиты преодолеть комплекс неполноценности, проистекающий из генезиса «советского байства», как явления архаичного, оказавшегося у власти не в силу качественности, а, скорее, в результате высокой приспособляемости и удачного стечения обстоятельств.

Среди неформальных институтов влияния, определяющих систему управления в Казахстане, его внутреннюю и внешнюю политику, можно выделить несколько основных. Среди традиционных, точнее – полутрадици-

онных-полумодернизированных, институтов – это «большая Семья» президента и клан или элитная группа/корпорация, выстраиваемая по принципу кровнородственных связей участников и их общей принадлежности к одной и той же локальной традиционной общности (жузу, племени, роду). Среди нетрадиционных – пришедшие в эпоху независимости представители иностранного бизнеса, достигающие своих целей как официальным образом, через формальные институты власти, так и неофициальным, посредством влияния на высокопоставленных чиновников внутри страны и за рубежом и на ведущий неформальный институт власти РК – президентское окружение.

Важно отметить, что в высших слоях правящего класса Казахстана доминирует «Семья» президента и личная клановая преданность, связанность олигархическими интересами [6]. Элите присущи герметичность и дистанцированность: экономическая, политическая и ментальная отчужденность от остальной массы населения.

Интегрированная вокруг «большой Семьи» крупная экспортно-сырьевая космополитичная олигархия и высшая казахстанская номенклатурная бизнес-элита составляют две главные опоры «Семьи» и всего нынешнего статус-кво.

Могущество центральной политической власти в образе главы государства появилось по причине целенаправленного желания федеральных органов и связанных с ними кланов предотвратить деструктивную эволюцию региональных казахстанских элит как самостоятельных государственных акторов внутри Казахстана и за его границами. При этом абсолютно все формальные властные институты страны целиком и полностью зависят от президента и его ближайшего окружения. Полномочия Нурсултана Назарбаева в настоящее время практически ничем не ограничены.

Одновременно частичное возрождение традиционных механизмов регуляции казахского общества делает президента зависимым от расстановки внутривластных

сил, использующих эти механизмы, вкупе с новыми, для укрепления своих позиций.

Необходимо реально осознавать, что постепенное перетекание власти и ресурсов Казахстана от формальных институтов к неформальным размывает правовые основы, и, соответственно, закрепленные в формальных законах полномочия президента, реализация которых начинает зависеть от расклада сил в неформальных институтах влияния. Это приводит к снижению легитимности верховной власти и открывает возможности для ее критики, в том числе и со стороны мирового сообщества, что ослабляет позиции страны на международной арене. Этим активно начинают пользоваться мировые державы: они напоминают в критические моменты межгосударственных отношений о неправовых «особенностях» политического режима и выторговывают, таким образом, необходимые для себя решения.

Когда в осуществление внешнеполитических задач, записанных в доктрине государства, начинают вмешиваться частные интересы, внешняя политика страны начинает приобретать причудливые формы, не всегда поддающиеся объяснению через логику развития государства [5]. В результате реальная внешняя политика оказывается отчужденной от политики, декларируемой президентом, и от основополагающих целей, озвученных им. Данные замечания и выводы привели автора к выдвиганию нескольких рекомендаций относительно казахстанской демократии.

1. Необходимо реформировать систему образования страны, сутью реформы должна стать парадигма внеклановости подготовки профессионалов.

2. После реформы образования требуется провести решительные изменения в казахстанской государственной кадровой политике. Основой кадровой системы должен стать профессионализм, компетентность, отчетность, прозрачность, а не клановость и этничность. В этом случае можно обратиться к

опыту США с мерикотратическим подходом к государственной службе.

3. Нужно сформировать этос профессионального госслужащего Казахстана с тем упором, что чиновнику будет невыгодно нарушать закон и осуществлять свою деятельность в рамках клановых патрон-клиентских систем. Здесь необходимо учесть опыт Сингапура в борьбе с коррупцией [4].

4. После реформ государственной службы можно будет перейти к реальной демократизации политической системы страны – профессиональная кадровая система, занятая исполнением своих функций и не основанная на клановой структуре, не должна вмешиваться в деятельность парламента, партий, гражданского общества и других демократических институтов. На этом этапе важен опыт Канады, где успешно работают на практике принципы политической этики представительной власти.

Между тем только с введением целенаправленного политического проекта возможна и демократизация, и улучшение уровня жизни обычных людей в Казахстане.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аяганов Б. Государство Казахстан: эволюция общественных систем. – Алматы: Жазуши, 1993. – 148 с.
2. Григорьев В. Ахметова Л. Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху: Учебное пособие. – Алматы: «ИП Волкова А.В.», 2010. – 232 с.
3. Ерофеева И. Казахские ханы и ханские династии в XVIII-сер. XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы, 1997. – С. 46-144.
4. Затулин К., Грозин А., Хлюпин В. Национальная безопасность Казахстана. Проблемы и перспективы. – М., 1998. – 143 с.
5. Лаумулин М. Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика. Политология. – Алматы, 2000. – 480 с.
6. Хлюпин В. «Большая семья» Нурсултана Назарбаева. Политическая элита современного Казахстана. – М., 1998. – 111 с.

УДК 327

Жусупов А.С.

*Московского государственного гуманитарного университета
им. М.А. Шолохова*

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

A. Zhusupov

Moscow State Humanitarian University named after M. Sholokhov

COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: NEW STAGE OF DEVELOPMENT

Аннотация. В статье рассматриваются изменение качества интеграционной стратегии Содружества Независимых Государств, актуализация тенденции, направленной на уравнивание политического потенциала стран постсоветского пространства, обосновывается необходимость трансформации стратегии национальных элит новых независимых государства. Созданное как механизм «цивилизованного» развода, Содружество в настоящий момент испытывает потребность в изменении парадигмы дальнейшего развития. Тенденция равенства интеграционных возможностей всех стран-участниц является стратегическим направлением реформирования СНГ.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, уравнивание, политический потенциал, национальные элиты, интеграция.

Abstract. The article examines changes in the quality of the integration strategy of the Commonwealth of Independent States, actualization trends promoting equal political potential post-Soviet countries, the necessity of transformation strategy of national elites of the newly independent states. Created as a mechanism of «civilized» divorce, the Commonwealth is currently experiencing the need to change the paradigm for further development. Trend equality integration capabilities of all participating countries is a strategic direction of reforming the CIS.

Key words: Commonwealth of Independent States, Equalize, political potential, national elite integration.

Постсоветская интеграция является доминирующим направлением внешней политики России [1, с. 47]. Приоритет продвижения национальных интересов в ближнем зарубежье обусловлен комплексом проблем, включающих аспект безопасности, модернизации экономики, сохранения российского социокультурного пространства, преодоления угроз со стороны международных преступных кланов и терроризма.

Углубление интеграционных процессов посредством механизмов СНГ и выработанной в течение его существования международной основы взаимодействия в этой связи составляет важнейшую сторону внешнеполитической стратегии России. Однако выстраивание интеграционной парадигмы исключительно исходя из российских национальных интересов не отвечает современным потребностям развития Содружества.

Концепт, предполагающий ориентацию на доминирующий экономический, политический и военный потенциал одной из стран, входящих в объединение, вряд ли может явиться надежной основой регенерации регионального сообщества.

Исходя из такой логики, каждая из постсоветских стран должна ориентироваться, прежде всего, на наиболее приемлемый центр мировой силы. Именно такие соображения двигали частью политической элиты Азербайджана, активно способствующей объединению страны с Тур-

цией, руководством Грузии, продавливающим курс на сближение с Североатлантическим блоком и США, администрациями Молдовы и Украины, стремящимися вовлечь страны, вопреки логике экономической целесообразности, в ассоциацию с Европейским союзом, и без того испытывающим финансовые трудности в связи с расширением за счет включения в свой состав государств Восточной Европы.

Таким образом, дальнейшее развитие интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств, которому предрекли узкую и неблагодарную функцию «цивилизованного развода», нуждается сегодня в новой стратегии, базирующейся на одинаковом учете потребностей всех государств-участников.

Начиная с 1994 г. на постсоветском пространстве проявилась и стала набирать вес важная тенденция – выравнивание политического веса членов Содружества. Реализация и укрепление тенденции «равенства интеграционного потенциала» стала возможной благодаря изменению целеполагания в продвижении стратегии регионального сотрудничества.

По замыслам политического руководства России времен 90-х гг. XX в., Содружество, пришедшее на смену СССР, должно было сыграть роль постсоветского объединения вокруг Москвы, обладающей самым значительным материальным и военным потенциалом. Такая постановка цели и задач СНГ, не отвечающая запросам национальных элит, только и могла способствовать бесконфликтной дезинтеграции единого народнохозяйственного комплекса, военных и государственных структур.

За малым исключением (например, Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев с первых дней своего правления выступал инициатором сохранения политического и экономического единства территории бывшего Советского Союза), политическую элиту новых независимых государств вполне устраивала роль СНГ в качестве механизма «развода».

Не случайно, несмотря на политические предпочтения и внешнеполитическую ориентацию, большинство лидеров постсоветских

государств принимало активное участие в решениях руководящих органов Содружества, касающихся проблем хозяйственных объектов, инфраструктуры, военного потенциала бывшего централизованного государства. Однако по мере того, как изменение геополитической обстановки на планете стало диктовать неотложную задачу региональной реинтеграции, процессы сближения стали вступать в противоречие с интересами национальных элит, легитимность которых во многом основывалась на этноцентризме или противопоставлении национальных интересов усилиям Москвы, направленным на создание новой архитектуры регионального сотрудничества.

Образовавшийся разрыв в политической стратегии постсоветской интеграции значительной части национальных элит, во многом иницируемый внешними силами и некоторое время поддерживаемый в статике этноцентрической и русофобской риторикой, неизбежно привел правящие режимы к противоречию с интересами основной массы населения.

Падение жизненного уровня, провоцируемое разрывом прежних кооперационных связей внутри регионального сообщества, обусловило активизацию общественного мнения в новых независимых государствах за восстановление полномасштабного сотрудничества на постсоветском пространстве. Например, более половины граждан Украины, несмотря на усилия галицийских националистов, позитивно оценивают результаты региональной интеграции [5].

Новое видение архитектуры Содружества Независимых Государств формализовалось в мерах по реформированию объединения предпринятых на Астанинском саммите СНГ в 2004 г. [4]. Обозначение перспектив постсоветской интеграции как формирования Союза равноправных обусловило концептуализацию ряда системообразующих черт.

Во-первых, центр интеграционной инициативы, располагающийся в сфере компетенций Российской Федерации, переместился в интегративное пространство равноправных субъектов, которые наряду с Россией стали играть иницирующую роль в процессах вы-

страивания региональных инициатив постсоветского сотрудничества.

Во-вторых, интеграционная парадигма наполнилась новым содержанием, отличным от основ, объединяющих страны Европейского союза, предусматривающих, прежде всего, некую унификацию политических социально-экономических и гуманитарных смыслов. Постсоветская интеграция, не отрицающая возможность обмена позитивным опытом осуществления реформ, не предполагает какой-либо унификации подходов к решению задач социально-политического развития. Очевидность «коренизации» существования постсоветского сотрудничества следует из ретроспективного взгляда на недавно продвигаемую в российских СМИ точку зрения представителей «неолиберализма» на «несовершенство» белорусского варианта постсоветских реформ.

Своевременное осознание необходимости уважения национального выбора послужило прочной основой дальнейшего развития Союзного государства России и Беларуси, конструктивного сотрудничества этих стран в рамках Таможенного союза [2].

В-третьих, трансформация интеграционной основы в рамках Содружества породила эффект «опережающей инициативы» взаимодействия новых независимых государств, наиболее продвинувшихся на пути к выстраиванию полноценного сотрудничества, охватывающего не только торговлю, хозяйственные и культурные связи, но и создание институтов коллективной безопасности.

В настоящий момент наблюдается «обращение» интеграционной инициативы трех государств – Беларуси, России и Казахстана, новыми партнерами, готовыми к полномасштабному диалогу.

Постсоветская интеграция, не элиминирующая многообразие внешнеполитических

интересов стран Содружества, ведет к расширению спектра взаимодействия институтов регионального сотрудничества. Наблюдателями ШОС, ОДКБ являются страны, находящиеся за пределами территории бывшего СССР. Мало того, на саммите в Минске лидер Казахстана заявил о желательности привлечения к интеграционным процессам на постсоветском пространстве Турции, а президент России высказал мнение о желательности присутствия Индии в постсоветских структурах.

В-четвертых, новое качество интеграционного процесса предполагает выстраивание единого социокультурного пространства на основе равноправия и взаимообогащения национальных культур, чуждое унификации культурных идентичностей. Помимо возможности создания комплементарной среды для совершенствования Содружества Независимых Государств, такой подход позволит восстановить позитивный процесс активно формирующейся в советский период истории синкретической культурной общности народов постсоветского пространства [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Внешняя политика и безопасность современной России (1999-2002). В 4-х томах. – Т.4. – М., 2002.
2. Егоров В.Г. Социокультурные перспективы Союзного государства России и Белоруссии // Будущее союзного государства и потенциальные модели его развития. – М., 2013. – С. 198-204.
3. Егоров В.Г., Савина О. Одна культура на всю Евразию. Сохранение российской культурной идентичности как фактор консолидации новых независимых государств // Мир и политика. – 2013. – №1 (76). – С.79-86.
4. Исполнительный Комитет СНГ. Официальный сайт URL:<http://www.cis.minsk.by/2004.org> (11.11.2013)
5. Шустов А. Интеграция: за и против URL: <http://rusmir.in.ua/pol/4609-integraciya-za-i-protiv.html> (11.11.2013).

НАШИ АВТОРЫ

Агаев Галиб Шамсаддин оглы – соискатель Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, Научный сотрудник Института стран СНГ (г. Москва); e-mail: galib13@mail.ru

Барабанов Максим Валерьевич – кандидат политических наук, докторант кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: ivan1948@yandex.ru

Богоявленский Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: dd.bogoyavlenskiy@mgou.ru

Гонзалес Джон Антонио – доктор наук, директор исторического научного центра Рожкова (г. Новый Южный Уэльс, Австралия); e-mail: johng@bigpond.net.au

Жирыков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: ivan1948@yandex.ru

Жусупов Алтынбек Сагитжанович – соискатель кафедры общественных наук Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; e-mail: altynbek.zhusupov.67@mail.ru

Зенков Алексей Рудольфович – соискатель кафедры политологии, истории и социальных технологий Гуманитарного института Московского государственного университета путей сообщений; e-mail: kungfu@inbox.ru

Зорин Алексей Эдуардович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: alieksiei.zorin@inbox.ru

Кагалная Мария Владимировна – кандидат исторических наук, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина); e-mail: kagalnaya@mail.ru

Клинова Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург); e-mail: marinaklinowa@yandex.ru

Коровчинский Иван Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета; e-mail: korin3@yandex.ru

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, заведующий кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; e-mail: AMatyhin@mfp.ru

Моисеев Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, Белгородский государственный технологический университет; e-mail: din_prof@mail.ru, Россия,

Назаров Андрей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры истории, социологии и права Московского государственного университета тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова; e-mail: anazarov@nm.ru

Ницевич Виктор Францевич – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования, директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы; e-mail: svdne@mail.ru

Павловский Василий Григорьевич – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Pavlovskii.Vasilii@mial.ru

Сабирова Нагима Садыковна – соискатель кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-pprava@mgou.ru

Снесарева Наталья Вадимовна – соискатель кафедры истории России средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: n-snes@mail.ru

Собко Елена Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры сценической речи и русского языка Московского государственного университета культуры и искусств; e-mail: esobko@mail.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Чемакин Антон Александрович – аспирант кафедр политологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: chemakinanton@rambler.ru

Чернявский Алексей Викторович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: aleksei_chernyav@mail.ru